

Выпуск № 1, 2021

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2021. Вып. 1

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е. М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В. М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О. С. Горелов, канд. филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А. Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М. В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К. В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н. Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д. И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А. И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А. А. Житнев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф. И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е. В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р. Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д. И. Польшанский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф. А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц. Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А. А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В. Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З. А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю. Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В. Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К. А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции:

153025 Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2021

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2021. Issue 1

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry III № ФС 77-78823 of July 30, 2020

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

- E. M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V. M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O. S. Gorelov, Candidate of Science, Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)
A. Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M. V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K. V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocherkassk)
N. Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D. I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A. I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A. A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F. I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
E. V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)
R. Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D. I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F. A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
C. Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)
A. A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V. N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z. A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu. L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V. L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K. A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo,
Timiryazew str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Высокович К. О. Мотив лицемерия в комедии У. Конгрива «Двойная игра»	5
Гаврицков А. Н. Нарративные функции интерлюдий в романах В. Вулф «На маяк» и «Годы»	9
Ермолаева Н. Л. «Невольницы» А. Н. Островского и «Горе от ума» А. С. Грибоедова	16
Лобанова Е. И., Суворова Н. В. Вербализация концепта «дерево» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр»	22
Муравьева А. В. Традиции авангарда в современной отечественной драме: абсурдность «Снов» И. Вырыпаева	28
Павловская О. А. Театральная тема в поэзии Н. А. Некрасова и А. Н. Апухтина: творческие контакты	33

История

Евсеев В. А. Специфика внешней политики Англии по отношению к герман- ским княжествам на рубеже XVII—XVIII веков	40
Корников А. А. Старинные гербы городов губерний Верхней Волги	50
Пикин А. В. Ответ Халкидону? Посольство Льва Великого к Аттиле и его место в свете полемики вокруг 28 канона Халкидонского собора	60
Степанов А. В. Воспоминания Л. Б. Твелькмейер как источник по истории повседневной жизни семьи среднего класса в Петербурге начала XX века	68
Хрипунов А. С. Складывание и эволюция либеральной программы развития народного образования в России в конце XIX — начале XX в.	77
Юдин К. А. «Путь киновари» Юлиуса Эвола: опыт интеллектуальной авто- биографии и философского самопознания	89

Философия

Петряков Л. Д. Онтология в смысловых именах мест и институтов: постановка проблемы	99
Палей Е. В. Аксиопространство современного естественнонаучного и технического образования: возможности гуманитаризации	106
Пирожкова С. В. Задачи университета в условиях когнитивного и биокапитализма: от грамотного потребителя к участнику социотехнического проектирования	113
Коголовский С. Р. Читая Ильенкова (как школа должна учить мыслить?)	122

<i>Сведения об авторах</i>	134
----------------------------------	-----

<i>Информация для авторов журнала «Вестник Ивановского государственного университета»</i>	137
---	-----

CONTENTS

Philology

Vysokovich K. O. The motive of hypocrisy in W. Congreve's comedy "The Double Dealer"	5
Gavritskov A. N. Narrative functions of the interludes in Virginia Woolf's "To the Lighthouse" and "The Years"	9
Ermolaeva N. L. "Captured Women" ("Nevolnitsi") by A. N. Ostrovsky and "Woe from Wit" by A. S. Griboedov	16
Lobanova E. I., Suvorova N. V. Verbalization of the concept "tree" in the novel "Lavr" by E. G. Vodolazkin	22
Muravyova A. V. Avant-garde traditions in modern Russian drama: the absurdity of Ivan Vyrypaev's "Dreams"	28
Pavlovskaya O. A. Theatrical theme in the poetry of N. A. Nekrasov and A. N. Apukhtin: creative contacts	33

History

Evseev V. A. The specifics of England's foreign policy in relation to the German principalities at the turn of the XVII and XVIII centuries	40
Kornikov A. A. Old coats of arms of the cities of the upper Volga provinces	50
Pikin A. V. Response to Chalcedon? The embassy of Leo the Great to Attila and its place in the discussion of the canon 28 of the Council of Chalcedon	60
Stepanov A. V. Memoirs of Lidia B. Tvel'kmeier as a piece of evidence on daily life of a middle class family in early XX century St. Petersburg	68
Khripunov A. S. The emergence and evolution of the liberal program of public education development in Russia in the late XIX — early XX century	77
Yudin K. A. "The way of cinnabar" by Julius Evola: experience of intellectual autobiography and philosophical self-knowledge	89

Philosophy

Petryakov L. D. Ontology in semantic names of places and institutions: statement of the problem	99
Paley E. V. Axiospace of contemporary natural science and technical education: opportunities for the integration of the humanities	106
Pirozhkova S. V. The tasks of the university in cognitive and biocapitalism: from a competent consumer to a participant in socio-technological design	113
Kogalovskii S. R. Reading Ilyenkov (how should a school teach to think?)	122
<i>Information about the authors</i>	134
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	137

УДК 821.111-22
ББК 84(4Вел)5-464
DOI: 10.46726/Н.2021.1.1

К. О. Высокович

МОТИВ ЛИЦЕМЕРИЯ В КОМЕДИИ У. КОНГРИВА «ДВОЙНАЯ ИГРА»

Творчество Уильяма Конгрива находится на стыке литературных эпох: между периодом Реставрации и Просвещения. В статье рассматривается мотив лицемерия в комедии У. Конгрива «Двойная игра» (1693). Данный мотив проходит через всё произведение и касается не только действий соперника героя Пройда, но и второстепенных персонажей: Леди Трухлдуб, леди Слайбл и леди Вздорнс. Исследователи отмечают связь этой пьесы с комедией Уильяма Уичерли «Прямодушный», а образ Пройда, восходящий к литературному типу лицемера, сопоставляют с Тартюфом. Мотив лицемерия помимо ведения умелой интриги реализуется через образ маски, а также усмешку, которая воспринимается как двусмысленность. Пьесу рассматривают как комедию-наставление, урок. Лицемерию противостоит истина, которая, в конце концов, торжествует. Несмотря на то что главные антагонисты побеждены, обман леди Слайбл и леди Вздорнс остаётся нераскрытым. Таким образом, Конгрив выводит на сцену не просто героя-лицемера, а хитрого манипулятора, который умело руководит своим собственным спектаклем и примеряет на себя различные роли от безропотного слуги до тирана.

Ключевые слова: У. Конгрив, «Двойная игра», эпоха Реставрации, комедия, мотив лицемерия.

К. О. Vysokovich

THE MOTIVE OF HYPOCRISY IN W. CONGREVE'S COMEDY «THE DOUBLE DEALER»

The work of W. Congreve is located at the intersection of literary epochs: between the period of Restoration and Enlightenment. The article examines the motive of hypocrisy in William Congreve's comedy «The Double Dealer» (1693). This motif runs through the entire work and concerns not only the actions of the main character's rival Proyd, but also the minor characters: Lady Truehdub, Lady Slyble and Lady Balderdash. Researchers note the connection of this play with the comedy of William Wycherley «The Plain Dealer», and the image of Proyd, which goes back to the literary type of hypocrite, is compared with Tartuffe. The motive of hypocrisy, in addition to conducting a skillful intrigue, is realized through the image of a mask, as well as a grin, which is perceived as ambiguity. The play is perceived as an instruction comedy, a lesson. Hypocrisy is opposed to the truth, which, in the end, triumphs. Despite the fact that the main antagonist is defeated, Lady Laibl's and Lady Wisdoms' cheating remains unsolved. Thus, Congreve brings to the stage not just a hypocritical hero, but a cunning manipulator who skillfully directs his own performance and tries on various roles from the uncomplaining servant to the tyrant.

Keywords: W. Congreve, «The Double Dealer», the Restoration era, comedy, the motive of hypocrisy.

© Высокович К. С., 2021

Место У. Конгрива в литературе до сих пор не определено: творчество драматурга приходится на переломный момент в литературе Англии. Когда идеология просвещения только зарождалась, а старые гуманистические представления уже исчерпали себя, антипуританские идеалы Реставрации стали обнаруживать свою несостоятельность.

Творчество Конгрива многопланово, многохарактерно и своеобразно. Несмотря на то, что Конгрив является автором всего лишь четырёх пьес, он внёс значительный вклад в литературу, сам Вольтер приезжал, чтобы познакомиться с ним: «Когда впоследствии посетил его Вольтер, Конгрив сказал ему, что он писал свои пьесы в свободное время единственно для развлечения, и что он хочет быть просто джентльменом; Вольтер отвечал: если бы вы были просто джентльменом, я нашёл бы, что к вам не стоит и ходить» [1, с. 98].

Премьера комедии «Двойная игра» состоялась в декабре 1693 г., зрители довольно сдержанно приняли её. В своих письмах Джон Драйден пишет: «Дамы полагают, что драматург изобразил их шлюхами; джентльмены обижены на него за то, что он показал все их пороки, их низость: под покровом дружбы они соблазняют жен своих друзей. Мои стихи, предваряющие пьесу, были написаны до того, как ее поставили, но и сегодня я не изменил бы в них ни строчки, как не изменю и своего доброго мнения о спектакле» (цит. по: [5, с. 335]).

В комедии «Двойная игра» ключевым действием пьесы является мотив лицемерия. Главный обманщик появляется на сцене не сразу. Вначале мы узнаём о нём из разговора Милфонты с Беззабуотером, который предчувствует неладное и просит друга присмотреть за леди Слайбл, а Пройд будет следить за тётушкой Трухлдуб. Беззабуотер сразу высказывает свои опасения: «Боюсь только, как бы оборона не оказалась всего слабее там, где у противника главные силы» [2, с. 78]. Исследователи отмечают сходство этих персонажей с комедией Уильяма Уичерли «Прямодушный»: «...отношения между Пройдом, Милфонтом и Беззабуотером в принципе строятся по той же схеме, что и отношения между героями “Прямодушного” — Бернишем, Мэнли и Фрименом» [4, с. 6]. Милфонт и его невеста Синтия резко контрастируют на фоне других героев: «Милфонты Конгрив характеризует как “чистосердечного и порядочного человека, питающего полное доверие к тому, кого он полагает своим другом”, — характеристика едва ли лестная для традиционного “остроумца”, наделённого, как правило, прозорливостью и “нюхом”» [5, с. 327]. Синтия — честная молодая девушка, находящаяся в обществе глупцов, но это не вызывает в ней гнева или отвращения, что отличает её от героинь «Старого холостяка». Название пьесы реализуется не только через действия Пройда, который ведёт двойную игру, но и через реплики других персонажей. Так, в качестве игры Синтия и Милфонт воспринимают свой брак: «Я, пожалуй, сравнил бы брак с игрой в шары. Их, что и говорить, сводит случай, так что порою сталкиваются шары, близкие друг от друга, порою — самые далёкие, а всё же решает игру только умение» [2, с. 88]. Пройд, получив состояние и разрешение жениться на Синтии, тоже сравнивает соперника с игроком: «...я смогу устоять против бешенства отчаявшегося игрока...» [2, с. 125].

Пройд ведёт сложную игру, он обманывает леди Трухлдуб, влюбленную в своего племянника, связь с которой необходима ему, ведь у них общая цель — разрушить свадьбу Милфонты. Он обманывает и своего друга Милфонты; чтобы жениться на его невесте Синтии и получить выгодное приданое. Ловко маневрируя между ними, он ведёт себя как постановщик спектакля:

«Сыграно мастерски, и моя помощь была не нужна; тем не менее я стоял за кулисами в ожидании своего выхода: чтобы все подтвердить, если понадобится» [2, с. 96]. В пьесе есть один существенный парадокс: реализуя мотив лицемерия, Пройд говорит правду («Эту житейскую мудрость Пройд почерпнул из трактата Бальтасара Грасиана-и-Моралеса “Обиходный оракул, или Искусство быть благоразумным” (1647), который с 1685 по 1716 г. переиздавался в Англии четырнадцать раз <...> умный человек сумеет приспособиться к обстоятельствам и обернуть правду в свою пользу» [5, с. 328]).

Несмотря на то что ведущим мотивом, характеризующим деятельность Пройда, является лицемерие, герой, выведенный Конгривом, намного сложнее, он умён, хитёр, коварен и ловок: «...поистине многолик: в течение одной сцены с леди Трухлдуб он меняется несколько раз — поначалу безропотный слуга (“...я проявил слабость, но лишь потому, что стремился услужить вам”; “Что еще, мэдем?”), затем — один из покорных домочадцев, судьба и жизнь которого зависят от милости госпожи, и, наконец, страстный любовник, “не упустивший удачного момента”» [5, с. 328].

Пройд подставляет не только Милфонта, но и его тётушку, тем самым получая одобрение лорда Трухлдуба за честность и преданность. Герой умело разыгрывает внешний монолог, рассчитанный на то, что лорд подслушает его. Всё так и выходит, узнав из монолога Пройда о его любви к Синтии, лорд Трухлдуб решает устроить его счастье. Пройд до последнего момента доказывает свою верность Милфонту и леди Трухлдуб, обманывая обоих. Для Пройда притворство — это не просто игра, а «особое искусство» [2, с. 94].

Пройд является не единственным лицемером в комедии, притворством наполнена и жизнь женских персонажей: леди Трухлдуб, леди Слайбл и леди Вздорнс. Абсолютно все они ведут двойную игру, обманывая своих мужей. Леди Трухлдуб одержима страстью к собственному племяннику и помимо этого изменяет мужу с Пройдом. Леди Вздорнс мнит, что обладает остроумием, учёностью и поэтическим даром, находится в постоянной работе над героическими поэмами, романсами, пьесами, памфлетами и прочим. Она выдаёт себя за интересную и остроумную даму, хотя на самом деле таковой не является. Между тем в её занятиях ей помогает мистер Брехли, но в комедии есть намёк и на интимные отношения между ними: «...я видел, как она направлялась в сад вдвоём с мистером Брехли <...> затем, чтобы уединиться в укромном месте, так я полагаю <...> единственно на предмет занятий поэзией» [2, с. 133—134].

С мотивом обмана также связан упоминающийся в тексте образ маски. Двуличность леди Слайбл раскрывается в диалоге леди Трухлдуб с мужем: «Она [леди Слайбл] уже не впервые принимает почтительность за влюблённость и воспламеняет ревность сэра Пола чьей-либо бесхитростной учтивостью, дабы отвлечь тем его внимание и замести следы истинных своих проказ» [2, с. 94], а также в разговоре Милфонта и Беззабуотера, говорящих о её поведении на маскараде: «...правильнее будет сказать, что только надевая маску, женщина сбрасывает с себя личину: ведь тогда она избавлена от необходимости краснеть и смущаться» [2, с. 100]. Обман совершает даже священнослужитель: для завершения своего дела Пройд приглашает капеллана Псалма, который соглашается участвовать в этом за десятину с добычи. Пройд отмечает: «...но сначала отдам распоряжения моему попику: ведь никакой заговор, что государственный, что семейный — не может удасться, если

кто-нибудь из братии не приложит к нему руку» [2, с. 128]. Если двуличие миссис Слайбл сравнивают с маской, то Пройда выдаёт усмешка: «Эта усмешка — как двусмысленность! На тысячу ладов можно истолковать каждую черту этого зыбкого лица. О, если бы истина отпечаталась в твоём сердце» [2, с. 131].

Мотив лицемерия, лжи противостоит в тексте легковерию, правде. Так, лорд Вздорнс и сэр Пол Слайбл верят своим жёнам, несмотря на обстоятельства, доказывающие обратное. Здесь важен мотив, связанный с получением любовной записки. Леди Слайбл под прикрытием одного письма, полученного от управляющего, читает любовную записку, но по ошибке возвращает её мужу. Понимая, что скандала не избежать, она придумывает хитроумное объяснение, что это под влиянием сэра Пола мистер Беззабуотер написал ей, с целью проверки её порядочности. Сэр Пол безоговорочно верит во всё это и чувствует себя виноватым, что мог усомниться в её добродетели. Мотив передачи записки и путаницы, возникающей при этом, был частотен для салонной комедии XVIII века и зачастую являлся сюжетообразующим. В комедии Конгрива он играет второстепенную роль и показывает нравы общества.

В финале обман раскрывается: Пройд посрамлён, а леди Трухлдуб выгоняет из дома её муж: «Убирайся, и пусть твой позор гонится за тобой по пятам» [2, с. 135]. Все остальные лжецы избегают наказания. Скорее всего Пройд и леди Трухлдуб наказаны из-за того, что пытались разрушить чужое счастье.

Финал «Двойной игры» совершенно в духе Просвещения, это финал-наставление [3, с. 192]:

Двуличию преподан здесь урок:
Злой умысел, взращённый в строгой тайне,
Созрев, карает самого злодея.
Так, чуть рождён на свет, зловерный гад
Впервые жалит и вливает яд
В то чрево, в коем сам он был зачат [2, с. 135].

Список литературы

1. Геттнер Г. История всеобщей литературы XVIII века. Т. 1: Английская литература (1660—1770) / пер. А. Пыпина. С.-Петербург: Изд. Николая Тиблена. 1863. 468 с.
2. Конгрив У. Комедии. М.: Наука, 1977. 357 с.
3. Ломовцева М. В. Трансформация образа мольеровского Тартюфа и связанных с ним мотивов в комедии У. Конгрива «Двойная игра» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2 (36). С. 189—194.
4. Моисеева Г. В. Формирование социальной комедии в Англии (творчество Уильяма Конгрива в свете английской национальной комедийной традиции): автореф. дис. ... канд. искусствовед. наук. М., 1993. 20 с.
5. Ступников И. В. Уильям Конгрив и его комедии // Конгрив У. Комедии. М.: Наука, 1977. С. 305—335.

УДК 821.111
ББК 83.3(4Вел)6-117
DOI: 10.46726/Н.2021.1.2

А. Н. Гаврицков

НАРРАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ИНТЕРЛЮДИЙ В РОМАНАХ В. ВУЛФ «НА МАЯК» И «ГОДЫ»

В статье исследуется разнообразие нарративных функций интерлюдий, содержащих описания природных явлений, в романах В. Вулф «На маяк» и «Годы». Нарратологический анализ примеров подобных описаний в терминах Ж. Женетта, а также обращение к черновикам писательницы, в которых эти описания подвергались серьезной переработке, позволяет понять, что в двух указанных романах одни и те же приемы используются с разными целями. Если в романе «На маяк» одухотворенная природная стихия предстает полноправным героем повествования, а фокус на ней (удаление из центра нарратива персонажей-людей) оказывается новаторским художественным приемом, то в романе «Годы» эти описания часто играют утилитарную роль и служат для единства композиции, предполагающей, что каждая глава открывается описанием природы. Тем не менее некоторые функции интерлюдий, в которых представлены описания природы, выполняют в обоих произведениях одинаковые функции: во-первых, они связывают обрамляющие их части романов, выполняют роль «коридора» между главами, тем самым обеспечивая целостность композиционной структуры; во-вторых, они определяют способ репрезентации художественного времени в романах, обозначая, что главы романов разделяют большие промежутки времени, и при этом создавая концептуально важное для Вулф впечатление «вневременности» происходящего.

Ключевые слова: Вирджиния Вулф, нарратология, повествовательная перспектива, художественное время, композиционная структура.

А. N. Gavritskov

NARRATIVE FUNCTIONS OF THE INTERLUDES IN VIRGINIA WOOLF'S "TO THE LIGHTHOUSE" AND "THE YEARS"

This article examines narrative functions of the interludes containing descriptions of nature dynamics in Virginia Woolf's "To the Lighthouse" and "The Years". An analysis of specific examples of such descriptions in terms of Gerard Genette's narratology, as well as an exploration of the writer's manuscripts, in which these descriptions were continuously revised, allows us to conclude that the same techniques are used for different purposes in these two novels. In "To the Lighthouse" the spiritualized natural element appears as an independent character. The novel's narrative focuses almost entirely on the nature, which turns out to be an innovative artistic technique. In "The Years" these descriptions often play a utilitarian part and serve for the unity of the composition, which suggests that each chapter shall open with a description of nature. However, some functions of these nature interludes are similar in the novels. They function as "corridors" connecting other parts of the novels and make their compositional structure united. Besides, they define the representation of time in the novels. They symbolically signify the passage of time, while at the same time creating an impression of "timelessness" that was conceptually important for Woolf.

Key words: Virginia Woolf, narratology, focalization, time representation, composition structure.

© Гаврицков А. Н., 2021

Анализируя корпус текстов Г. Флобера, французский структуралист Ж. Женетт отмечает характерную для идиостиля писателя «экстатическую созерцательность»: обилие в его произведениях «антироманных» по своей природе «моментов безмолвия» — «вневременных» развернутых описаний не ради драматизации, но ради создания некоей «не дающейся в руки трансцендентности, ускользания» [7, т. 1, с. 137]. В поздних произведениях В. Вулф подобные «моменты безмолвия» выведены на более сложный концептуальный уровень: они могут выполнять целый ряд нарративных функций, нередко определяющих общую композицию романов писательницы. Как и у Флобера, подобный эффект вневременной трансцендентности часто достигается у Вулф обращением к описаниям природы — нередко более динамичной и активно действующей, чем персонажи-люди.

Цель этого исследования — с точки зрения нарратологии Женетта рассмотреть разнообразие функций, которые подобные описания выполняют в романах Вулф «На маяк» (*To the Lighthouse*, 1927) и «Годы» (*The Years*, 1937). Задачи исследования — проанализировать примеры описаний природной стихии в этих произведениях, выявить и сравнить функции подобных фрагментов в каждом из романов, а также, обратившись к черновикам романов и рабочему дневнику писательницы, выявить концептуальные стратегии, с которыми Вулф подходила к этим описаниям. Если нарративные функции описаний природы в романе «На маяк» так или иначе затрагивались многими исследователями [2, 8, 15, 17], то «Годы» в этом отношении изучены недостаточно [18] и без сопоставления с романом «На маяк».

Исследуя роман «На маяк», мы в первую очередь будем обращаться ко второй части произведения — «Время проходит», своеобразной интерлюдии между первой и третьей частями. В этой части природная стихия предстает чуть ли не единственным действующим лицом повествования. При обращении к роману «Годы» нас будут интересовать вступительные абзацы каждой главы: все они также представляют собой интерлюдии, в которых описываются изменения в природе. И в интерлюдиях в романе «Годы», и в главе «Время проходит» романа «На маяк» описания активно действующей природной стихии выполняют своего рода «компенсирующую» функцию: фокус повествования смещается с персонажей-людей, но нарратив продолжает динамично развертываться.

Причин для обращения к такой стратегии у Вулф было несколько. Одна из них, внетекстовая по своей сути, оказала сильнейшее влияние на поздние тексты писательницы. О ней мы узнаем из сохранившихся документов литературной саморефлексии, не предназначенных для читателя (к которым обычно относят дневники и записные книжки), где сфера саморефлексии интенционально самозамкнута [1, с. 8]. Практически параноидальный страх показаться своим читателям и критикам сентиментальной [5, с. 65, 114, 136, 142, 256] заставлял ее стремиться к некоей имперсональности текста («трансцендентность, ускользание», о которых пишет Женетт, замещают прямолинейные описания человеческих переживаний). Французский писатель М. Бланшо писал о творческом методе Вулф: «Есть ли способ собрать воедино то, что рассредоточено, сделать непрерывным прерывное и собрать блуждающее в монолит? Иногда Вирджинии Вулф удается найти решение в том волнующем языке, который похож на сон (...), но особенности романного повествования, от которых она не может полностью освободиться, порой мешают ее поискам» [11, р. 101]. Другая, напрямую связанная с первой, при-

чина — постоянный творческий поиск новых нарративных стратегий: создание имперсонального текста, введение неопределенного нарратора (*unclaimed consciousness* [17, p. 192] — фрагменты текста, передающие поток сознания, который невозможно однозначно атрибутировать конкретному персонажу), смещение фокуса с персонажей-людей — все это во многом способствовало открытию писательницей тех приемов, которые считаются ее высочайшими достижениями.

Один из таких ярких приемов — техника прокладывания туннелей [5, с. 95]: свободное варьирование нарратива между потоками сознания героев и голосом нарратора. Однако если в романах «Миссис Дэллоуэй» и тех частях романа «На маяк», где главными героями являются люди, а не природа, именно благодаря этой технике создается двойной эффект: с одной стороны, имперсональности (не всегда понятно, чей поток сознания звучит) и, с другой стороны, гиперсубъективности (мы как будто бы слышим всю вселенную с ее гулом) — то в романе «Годы» техника прокладывания туннелей оказывается выражена менее ярко. Только в первой главе, в которой члены семьи Парджитеров вводятся в повествование, еще слышно многоголосье, но последующие главы в основном поочередно фокусируются на потоке сознания то одного, то другого персонажа — смещения почти не происходит.

Напрашивается гипотеза, что интерлюдии, в которых действует природная стихия, в этом романе выполняют ту самую «переходную» функцию между потоками сознания персонажей: эти имперсональные «прослойки» позволяют Вулф другими средствами добиться того же эффекта, которого в «Миссис Дэллоуэй» она достигает при помощи техники прокладывания туннелей. Напомним, что часть «Время проходит» романа «На маяк», в которой главным (и практически единственным) действующим лицом является природная стихия, выполняет функцию «коридора» [14, p. 476] между первой и третьей главами, населенными людьми. Женетт называл «моменты безмолвия» у Флобера антироманными: Вулф «разлом нарратива» многостраничным описанием природной стихии также воспринимала как вызов жанру [5, с. 114], как новый нарративный прием. Такими же «коридорами» — связками, которые объединяют потоки сознания героев, — впоследствии по сути выступают и краткие интерлюдии в романе «Годы». Это одно из функциональных сходств обращения Вулф к природе в этих произведениях.

Другим важным параметром сходства является та функция, которую описания природы выполняют с точки зрения художественного времени. Вулф обращается к этому приему в том числе для формального обозначения длительного временного периода. В главе «Время проходит» описание бесчинств ветра в пустом доме с точки зрения дискурсивного времени [7, т. 1, с. 340] может занимать час, может занимать вечность: рамки фабульного времени задаются обрамляющими главами, только из них мы делаем вывод, что события второй главы если не занимали, то «обозначали» семь лет, разделяющие события первой и второй глав. Так и в романе «Годы», где каждая глава разворачивается в течение одного-двух дней конкретного года, описания динамики в природе символично «обозначают» временные промежутки между главами: иногда это несколько месяцев, иногда несколько лет (фабульное время опять же задается теми сценами, которые соединены описательными, «созерцательными» фрагментами). Такая неопределенность временных «коридоров» также имеет значение: она выводит нарратив Вулф за пределы конкретного времени (вновь вспомним «вневременность»,

о которой писал Женетт), заставляя ее героев существовать в некотором безвременном облаке, где, обращаясь к терминам Бергсона, соотношение между длительностью и одновременностью [3, с. 149] не имеет значения, не может быть зафиксировано.

Однако, обратившись к конкретным примерам описаний природы в романах, мы увидим не только сходства. Критерием сравнения могут послужить резкость/плавность переходов повествования от людей к природе. В первой главе романа «Годы» (глава «1880») описания природы тесно встроены в нарратив и выходят за пределы интерлюдий. Во-первых, природа здесь оказывает конкретное осязаемое влияние на действия людей:

Дождь лил всю ночь, не переставая <...> [более подробные описания действий дождя здесь и далее опущены] В саду перед резиденцией ректора, за окном Китти <...>

— Зонтик, мисс? — предложил Хискок Китти, когда на следующий день она выходила из дому — гораздо позднее, чем следовало. В воздухе чувствовалась прохлада <...> Сегодня никаких сборищ, думала она, никаких приемов [4, с. 61].

Далее мы погружаемся в поток сознания Китти, который никак не связан с погодными явлениями, но завершается посвященный ей фрагмент главы вновь упоминанием погоды и зонтика, в данном случае это значимо с точки зрения композиции (кольцевой):

[Китти] уже стояла у двери своего дома и ждала, пока дворецкий Хискок снимет ноги с каминной решетки и, ковыляя, поднимется по лестнице. Почему ты не можешь говорить по-человечески? — подумала Китти, когда он взял у нее зонтик и пробормотал свое обычное замечание о погоде [4, с. 71].

До этой наиболее показательной сцены тоже идет дождь, мы видим, как взаимодействуют с непогодой другие персонажи. Так как это первая глава, мы таким образом с персонажами знакомимся. Другой пример, который не связан с интерлюдиями, но демонстрирует вписанность описаний природы в сюжет: на протяжении всей главы то и дело упоминается солнце и его движение. Таким образом, отмеряется время, что очень важно с точки зрения сюжета: все герои в этой главе находятся в состоянии ожидания; поэтому регулярная фиксация хода часов оказывается очень важна: «показавшееся солнце высушило тротуар» [19, р. 9]; «вечернее апрельское солнце оставляло на стекле яркие пятнышки» [19, р. 9]; «солнце, судя по прыгающим бликам на стеклах голландского буфета, то скрывалось, то показывалось» [19, р. 11].

Тем не менее в последующих главах видна уже более обособленная роль интерлюдий, переходы от них к потокам сознания героев романа оказываются резкими. Так, в главах «1908», «1910», «1917», «1918», «Наши дни» интерлюдии совершенно обособлены. После завершения описания природы сразу следует введение персонажа. В остальных главах переходы просто оказываются скорее формальными.

В главе «1891»: «осенний ветер дул над Англией <...> леди Лассуэйд, <...> теплее закутала плечи в плащ» [19, р. 81]. В главе «1907» описание жаркого лета переходит в приятное изумление Мартина, который отмечает легкую одежду англичанок — так читатель узнает, что в промежутке между главами он был в Индии. Но удивительнее всего три следующие друг за другом главы, в которых формальные переходы от описания природы к персонажу принимают идентичное выражение. В главе «1911»: описание солнечного

дня — Мэгги смотрит из окна и видит солнце [19, р. 176]; в «1913»: описание снегопада — «Элинора смотрела в окно» [19, р. 196]; в «1914»: «Была роскошная весна» — «Мартин, стоя у окна, смотрел вниз» [19, р. 205]. Три эти перехода, с одной стороны, вновь отсылают нас к Женетту с его «моментами безмолвия» и «экстатической созерцательностью», а с другой стороны, никак нельзя не заметить, что здесь однообразность, формальность переходов граничит с небрежностью.

В главе «Время проходит» романа «На маяк» природа играет главную роль и описания ее динамики никак нельзя назвать формальными, чисто декоративными. Работая над этим произведением, Вулф изначально ставила перед собой цель создать фрагмент повествования, антироманный «разлом нарратива», в котором «не будет людей», «одна природная стихия» [5, с. 114]. В части «Время проходит» все упоминания о главных героя романа заключены в квадратные скобки, как бы очень формально фиксируя развитие фабулы, подготавливая читателя к событиям третьей главы, а также несколько раз в повествовании появляется уборщица миссис МакНаб. Все остальное время в фокусе повествования — природная стихия, не пассивная и словно увиденная со стороны, а активная, бушующая и не предполагающая существование героя-наблюдателя.

Ночь за ночью зима и лето, грохот бурь и жужжащая ведренная тишина без помех справляли свою тризну. В верхние комнаты (если было бы там, кому слушать) неся снизу, из пустоты, только рев безбрежного хаоса, когда его резали молнии; и расходились ветры, и вал налезал на вал, и они трудились осатанелыми левиафанами, и опрокидывались, расплескивая свет или тьму (ночь, день, месяц, год — все мутно слилось), и могло показаться, что вот-вот всполошенный, идиотски заигравшийся мир ненароком сам себя сокрушит и оборет [6, с. 153].

Исследование черновых рукописей Вулф также подтверждает, что в романах «На маяк» и «Годы» писательница прибегала к схожим приемам с несколько разными целями. Черновики «Время проходит» свидетельствуют, что Вулф не только изначально старалась минимизировать присутствие в этой главе активных персонажей-людей, но еще и последовательно вычеркивала те фрагменты, в которых в первой версии текста все-таки предполагалось человеческое присутствие [13, р. 131]. И что еще более важно для нашего исследования: некоторые действия, которые изначально совершались людьми в ходе правки рукописи были «переадресованы» природной стихии. Например, в первом черновике романа «На маяк» внутри дома, который исследователи творчества Вулф уже привычно называют «пустым домом» [15], изначально все же присутствовали главные герои. По изначальному замыслу герои не отсутствовали в доме совсем — они спали. Поэтому в рукописи романа есть некие «спящие, которые двигаются во сне, кратко смеются, бормочут [13, р. 132]. В финальном варианте «спящие» были вычеркнуты из нарратива. Но звуки и движение (некоторые из них ранее выполнялись «спящими» или миссис МакНаб, роль которой тоже была значительно сокращена [13, р. 132]) по-прежнему наполняют пустоту — благодаря ветру, который гуляет по дому.

Ранее в черновике «Комнаты Джейкоба» (*Jacob's Room*, 1922) Вулф проделывала похожую работу: в первоначальном варианте текста главный герой, Джейкоб, присутствовал в повествовании куда более явно: у него было куда больше действий и реплик. Затем Вулф последовательно удаляла из рукописи эти фрагменты, тем самым размывая облик главного героя, представляя

его с точки зрения других героев, размышляющих о нем во время череды его отсутствий [10]. (В повести «Флаш» (*Flush*, 1933) этот прием подвергся дальнейшей трансформации: главная героиня здесь представлена с точки зрения неантропоморфного существа — собаки.) В романе «На маяк» судьба Джейкоба постигает всех персонажей-людей, их всех выводят из фокуса нарратива, а место их занимает совсем уж далекая от антропоморфности природная стихия.

Та легкость, с которой Вулф вычеркнула спящих героев из повествования и переадресовала их функции ветру, в очередной раз демонстрирует, насколько персонажи и природная стихия взаимозаменяемы, а переходы от людей к природе в романе гармоничны. Мы уже показали, что в романе «Годы» интерлюдии с описанием природной стихии не являются такой же неотъемлемой частью нарратива. Более того, они изначально не были частью авторского замысла, отсутствовали в первых черновиках и были добавлены позже [18, р. 191], практически в самом конце работы Вулф над романом. Можно лишь догадываться, почему автору показалось это столь необходимым. Однако неоспоримо, что эти интерлюдии обеспечивают роману композиционное единство.

Фрагментарность романа «Годы» — особенность произведения, над которой по-прежнему спорят исследователи Вулф: современная писательница критика и многие последующие литературоведы называли эту фрагментарность главным недостатком романа, который словно разваливается без некоего единства, которое объединяло бы все многочисленные сюжетные линии по примеру классических семейных саг [9, 12]; некоторые исследователи называли эту фрагментарность признаком пародийного характера романа, являющегося «антисемейной сагой», насмешкой над традиционной формой [16]. Необходимо также принимать во внимание, что по изначальному замыслу Вулф роман должен был разительно отличаться от того, чем она занималась ранее: Вулф считала, что «Годы» будут самым новаторским из ее произведений, потому что будут написаны на стыке жанров романа и эссе [5, с. 223]. Этот замысел не был вполне реализован: герои романа «Годы» действительно необычно много для Вулф размышляют о политических и социальных проблемах, но тем не менее все их размышления нисколько не противоречат романному жанру и недаром исследователи считают «Годы» самым традиционным из поздних романов Вулф [9, 12]. Тем не менее этот замысел объясняет фрагментарность произведения, которое планировалось как синтез романа и сборника эссе. В таком случае действительно логичным кажется предположение, что частично отказавшаяся от изначальной идеи писательница решила добавить в текст интерлюдии для скрепления распадающихся сюжетных линий.

Таким образом, проанализировав примеры описаний природной стихии в романах «На маяк» и «Годы», а также те трансформации, которым Вулф подвергла их, работая над черновиками романов, мы приходим к выводу, что нарративные функции, которые эти части повествования выполняют в произведениях, не всегда совпадают. Если в романе «На маяк» одухотворенная природная стихия предстает полноправным героем повествования, а фокус на ней (удаление персонажей-людей) оказывается новаторским художественным приемом, то в романе «Годы» эти описания часто играют утилитарную роль и служат для единства композиции, предполагающей, что каждая глава открывается описанием природы. Однако же есть и такие функции, которые описания природы исполняют в обоих произведениях: во-первых, они играют связующую роль между обрамляющими их частями повествования, становятся

своеобразными «коридорами» между главами; во-вторых, они особенно интересны с точки зрения анализа художественного времени в романах: их вне-временной характер позволяет им, с одной стороны, «обозначать» длительные периоды времени, которые не попадают в фокус повествования, а с другой стороны, усиливать впечатление «трансцендентности, ускользания», о котором писал Женетт.

Список литературы

1. *Анциферова О. Ю.* Литературная саморефлексия и проблемы ее изучения // Вестник Ивановского государственного университета. 2000. № 1. С. 5—16.
2. *Аствацатуров А. А.* По ту сторону вещей // Вулф В. На маяк. СПб.: Азбука, 2004. С. 5—20.
3. *Бергсон А.* Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 45—155.
4. *Вулф В.* Годы. М.: Текст, 2005. 444 с.
5. *Вулф В.* Дневник писательницы. М.: Вагриус, 2009. 480 с.
6. *Вулф В.* На маяк. СПб.: Азбука, 2004. 224 с.
7. *Женетт Ж.* Фигуры: в 2 т. Т. 1—2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
8. *Изотова А. А.* Вирджиния Вулф: поэзия в прозе. М.: МАКС Пресс, 2019. 92 с.
9. *Ливергант А. Я.* Вирджиния Вулф: моменты бытия. М.: Редакция Елены Шубиной, 2018. 448 с.
10. *Bishop E. L.* The Subject in “Jacob’s Room” // *Modern Fiction Studies*. 1992. № 1. P. 147—175.
11. *Blanchot M.* The Book to Come. Stanford: Stanford University Press, 2003. 286 p.
12. *Davis T.* The Historical Novel at History’s End: Virginia Woolf’s “The Years” // *Twentieth Century Literature*. 2014. № 1. P. 1—26.
13. *Heine S.* Forces of Unworking in Virginia Woolf’s “Time Passes” // *Textual Cultures*. 2019. № 1. P. 120—136.
14. *Lee H.* Virginia Woolf. London: Vintage, 1997. 892 p.
15. *McArthur E.* Following Swann’s Way: To the Lighthouse // *Comparative Literature*. 2004. № 4. P. 331—346.
16. *Saariluoma L.* Virginia Woolf’s “The Years”: Identity and Time in an Anti-Family Novel // *Orbis Litterarum*. 1999. № 4. P. 239—318.
17. *Saunders R.* Language, Subject, Self: Reading the Style of “To the Lighthouse” // *A Forum on Fiction*. 1993. № 2. P. 192—213.
18. *Sriratana V.* “It was an Uncertain Spring”: Reading the Weather in “The Years” // Virginia Woolf and the Natural World. Clemson: Clemson University Digital Press, 2010. P. 191—195.
19. *Woolf V.* The Years. London: Vintage, 2016. 416 p.

УДК 821.161.1-2
ББК 83.3(2=411.2)5-46
DOI: 10.46726/Н.2021.1.3

Н. Л. Ермолаева

«НЕВОЛЬНИЦЫ» А. Н. ОСТРОВСКОГО И «ГОРЕ ОТ УМА» А. С. ГРИБОЕДОВА

Исследователи, обращавшиеся к теме «Островский и Грибоедов», традиционно рассматривают возможность сопоставления с образом Чацкого только героев-мужчин из пьес Островского. Автор статьи исходит из убеждения, что в ряде его произведений роль героя-идеолога переходит от мужчины к женщине. В этом смысле наиболее показательной является пьеса «Невольницы», в которой, единственной у Островского, главной героиней становится образованная женщина. В статье показана своеобразная трансформация в этой пьесе сложившегося со времён Грибоедова «канона», каким является «герой во фраке», его использование при создании образа женщины. Автор статьи находит сходство конфликтной ситуации, сюжетных поворотов в пьесах Грибоедова и Островского, главной героини пьесы «Невольницы» Евлалии с образами Чацкого и Софьи, а других персонажей — с образами Молчалина, Фамусова, Лизы. Роднит две комедии и глубина драматизма их финалов.

Ключевые слова: «герой во фраке», трансформация канона, Евлалия — Чацкий и Софья, Мулин — Молчалин, драматизм в комедии, «Невольницы», Островский и Грибоедов.

N. L. Ermolaeva

“CAPTURED WOMEN” (“NEVOLNITSI”) BY A. N. OSTROVSKY AND “WOE FROM WIT” BY A. S. GRIBOEDOV

In the traditional framework of the study of the theme “Ostrovsky and Groboedov” the researches view mainly the possibility of comparing Chatsky to the male characters of Ostrovsky. The author of the article makes an assumption that in the series of Ostrovsky’s works the role of the character-ideologist translates from a man to a woman. The most peculiar in this respect is the play “Captured Women” (“Novolnitsi”) where Ostrovsky presents an educated woman as the main character that is unique for his creative work. The article shows the specificity of transformation of the canon of “a character in a tailcoat” coming from Griboedov’s times and its use in creating the character of a woman. The author of the article finds the affinity of the conflicts, the plot intrigues in the plays by Griboedov and Ostrovsky as well as the similarity of the main character of “Captured Women” Eulalia to Chatsky and Sofia, and of the other characters to Molchalin, Famusov, Liza. Another similarity between the two comedies is the depth of the drama in their final scenes.

Key words: “a character in a tailcoat”, transformation of the canon, Eulalia — Chatsky and Sofia, Mulin — Molchalin, drama in a comedy, “Captured Women” (“Novolnitsi”), Ostrovsky and Groboedov.

Проблема «А. Н. Островский и А. С. Грибоедов» не раз привлекала к себе внимание. Ещё современники драматурга отметили некоторое сходство с Чацким героев пьес «Доходное место» и «На всякого мудреца довольно простоты» Жадова и Любимова, с Фамусовым — в образах Вышневецкого

и Юсова, с Молчалиным — Белогубова и Глумова. По преимуществу этим же героям уделяют внимание и авторы специальных работ по теме — А. Л. Гришунин [3], С. А. Фомичёв [11], В. П. Мещеряков [8].

А. И. Журавлёва пишет о том, что характерный для русской классической литературы интеллектуальный герой, герой-идеолог, образ которого впервые появился у Грибоедова, в пьесах Островского отсутствует. Следуя за А. А. Григорьевым, назвавшим Чацкого одним «из высоких вдохновений Островского» [2, с. 228], Журавлёва утверждает, что «Островский чуть ли не всю жизнь пытался написать своего Чацкого», но попытка повторить этот образ у драматурга «оборачивается глубокой трансформацией канона, иногда серьёзной, иногда комической, пародийной» [5, с. 73]. Как и её предшественники, исследовательница ищет такого героя среди мужских образов в пьесах драматурга.

Нам же представляется возможным подойти к вопросу о грибоедовской традиции в творчестве Островского с несколько иной стороны. Очевидно и общепризнанно, что в литературе середины XIX века Островский — один из тех авторов, которые на первый план выдвинули образ женщины. У драматурга это «героиня с горячим сердцем», противопоставленная целому миру (Маша Незабудкина, Катерина, Аннушка, Аксюша, Лариса и др.), — нравственная героиня в безнравственном окружении. В одной из самых поздних комедий Островского «Невольницы» это — Евлалия. Такое место в структуре пьесы уже даёт некоторое право на сравнение её не только с трагическим героем, но и героем комедии Грибоедова Чацким. В сюжетных поворотах, характеристиках персонажей пьесы Островского просматриваются перипетии отношений Чацкого, Софьи, Молчалина, Лизы.

Комедия «Невольницы» была задумана автором 11 декабря 1878 г. и носила первоначально название «Иосиф Прекрасный», которое имело иронический смысл, но указывало на то обстоятельство, что пьеса эта, как и вся поздняя драматургия Островского, ориентирована на культурную традицию. В первоначальном варианте замысла должен был быть использован известный библейский сюжет о соблазнении мужчины женщиной, «любовь жены благодетеля к его воспитаннику», сложные перипетии «сентиментальной страсти» героини, а в конце — катастрофа: её отравление (цит. по: [9, с. 52]). Осенью 1880 г. пьеса была закончена, и к тому времени найдено её новое название «Невольницы», сюжет стал соответствовать обозначенному автором жанру — «комедия»: предполагавшаяся ранее катастрофа в конце отменялась; возлюбленный главной героини (Иосиф Прекрасный) из воспитанника превратился в служащего в конторе компании мужа. Однако сюжетная линия по-прежнему переключалась с библейской: по словам В. Я. Лакшина, «новый Иосиф спасается бегством от бурной страсти жены “благодетеля”, едва не оставляя в её руках клоч своего платья» [7, с. 487].

В процессе работы над пьесой претерпел значительную эволюцию и образ главной героини: из похотливой и коварной развратницы (по первоначальному замыслу её имя Еротиида, т. е. любезная [4, с. 680]), она превращается в одну из героинь драматурга, которых можно определить евангельским изречением, использованным им в качестве названия своей последней пьесы, — «не от мира сего». По характеристике прислуги, она «мамамина дочь», поскольку «маменька их в заведении, которое для барышень, главная начальница» [9, с. 157]. В этих словах драматург приоткрывает предысторию героини, важную для понимания её образа. Имя героини Евлалия означает

«благоречивая» [4, с. 690], и, по воле автора или помимо неё, указывает на особое положение героини в творчестве драматурга — это единственная из его героинь, получившая институтское образование. Её речь отличает ориентация на книжные, преимущественно романтические источники. Героиня с полным правом может заявить оскорбившему её чувства нелюбимому мужу о том, что уйдёт от него «в гувернантки, в сельские учительницы» [8, с. 215]. При этом автор показывает, что институтское, оторванное от жизни образование, приобщённость к западной романтической культуре, излишняя зависимость от материнской опеки, воспитание в отрыве от реальной действительности развили в Евлалии мечтательность, не дали необходимых знаний об окружающем мире и умения разбираться в людях. Она чиста, правдива, нравственна и при этом порывиста, импульсивна, экзальтирована. Муж её, Евдоким Егорыч Стыров, говорит о том, что Евлалию выдали за него «почти насильно. Мать до двадцати пяти лет держала её взаперти и обращалась с ней, как с десятилетней девочкой. Я её купил у матери» [9, с. 159]. В представлении мужа, Евлалия — прекрасная, по-своему экзотическая вещь.

Название пьесы, подобно названиям других произведений Островского — «Лес», «Пучина», «Волки и овцы», носит символический характер. Будучи замужем уже несколько лет, Евлалия ощущает себя невольницей безлюбного брака с человеком, истинные достоинства которого не разглядела. В её представлении, «муж... человек мелочной, без души... родные, знакомые, всё это эгоисты, холодные...» [9, с. 185]. Она не видит и не хочет видеть любви и душевной щедрости Стырова, пребывание в окружающем её обществе для неё мучительно. Евлалия — невольница своего восторженного чувства к ловкому деловому человеку, служащему у её мужа — Мулину, невольница тех сентиментально-романтических представлений о жизни, которые привила ей мать. Мулин представляется Евлалии в облике высокого героя, «с возвышенным умом... с нежными, благородными чувствами...» [9, с. 185], честным, бескорыстным, даже поэтом, а потому скрывающим своё истинное отношение к женщине, ставшей женой другого человека, готовым ради неё на многолетнее ожидание избавления от ненавистного брака со Стыровым. Евлалия полюбила Мулина задолго до замужества: «Помните, как мы, бывало, в зале у маменьки музыку Шопена слушали, а на акте вальс танцевали; помните, с балкона на звёзды смотрели» [9, с. 171—172], — вспоминает она и открывает Мулину тайну собственной души, причину своего согласия на брак: «Я знала, что вы живёте в одном доме с Евдокимом Егорычем, что вы будете близко, что я могу вас видеть каждый день... <...> Я принесла жертву для вас... я хотела уничтожить препятствие, которое нас разделяло» [9, с. 173].

Во всём этом Евлалия напоминает грибоедовскую Софью, начитавшуюся сентиментальных романов и опозитизировавшую в своём воображении Молчалина. Чувство Евлалии к Мулину, как и чувство Софьи к Молчалину, целомудренно, ей достаточно духовного общения с ним. Евлалия готова на любые жертвы ради этой любви и могла бы сказать о себе словами грибоедовской Софьи: «Вы знаете, что я собой не дорожу...» [1, с. 159].

Однако «влюблённая по воображению» героиня Островского близка не только Софье, но и Чацкому, который, как и Евлалия, видит только тёмные стороны своего окружения и тяготится миром пошлости: «Мучителей толпа, / В любви предателей, в вражде неутомимых, / Рассказчиков неукротимых, / Нескладных умников, лукавых простяков...» [1, с. 163]. Мулин заполняет «мысли и дела» Евлалии, её «сердца каждое биенье» [1, с. 107] ускоряется

любовью к нему и только к нему. Чувство героини к Мулину по поэтичности, искренности и постоянству можно сравнить с чувством Чацкого, для которого без Софьи «мир целый» — «прах и суета» [1, с. 107].

В поведении Евлалии для окружающих очевидны наивность, экзальтированность, неумение, а подчас и нежелание скрыть собственные чувства. И этим она похожа на Софью и Чацкого одновременно. Как Чацкий в доме Фамусова — белая ворона, «сумасшедший», так и Евлалии не хватает здравого смысла и осмотрительности. Для окружающих её поведение достойно не только насмешки, но и подозрения, что и использует ловкая горничная Марфа, пытающаяся убедить Стырова в злом умысле его жены.

Объяснение Евлалии и Мулина напоминает объяснение Чацкого и Софьи: даже тогда, когда Софья прямо говорит о любви к Молчалину, Чацкий не верит ей. Так и Евлалия не принимает разумных речей Мулина. Из всего им сказанного, она услышала только слова о том, что он любил её, а потому уверена, что любит и теперь: «Пять лет я мечтала, пять лет дожидалась свидания с ним... Он боится себя... Он меня ещё любит. Как я счастлива! (Почти рыдая.) Как я счастлива! Мечта моей жизни сбывается. О, я ещё увижу радости. Единственная моя радость — это он; мне больше ничего не нужно» [9, с. 175]. Евлалия воображает, что имеет право требовать от возлюбленного прекратить всякое общение с женщинами, только ей оказывать знаки внимания. Если же он не согласится на это, она угрожает рассказать всем о своей любви и о том, что он будто бы завлекал её. Такое поведение Евлалии — свидетельство не только её экзальтации, но и мстительности. Именно мстительность проявляет Софья в отношении к Чацкому, когда распускает слух о его сумасшествии. Однако, в отличие от Софьи, Евлалия лишь угрожает Мулину, но не мстит ему.

В меньшей степени, чем Евлалия и грибоедовская Софья, близки Мулин и Молчалин. Мулин, как и Молчалин, живёт в доме хозяина, служит в качестве секретаря, пользуется доверием Стырова. Схожи жизненные цели героев: оба ищут богатую невесту; схожи их любовные отношения: как Молчалин предпочитает Софье Лизу, так и Мулин предпочитает Евлалии Софью Сергеевну, жену Коблова, и страшно боится, что Стыров заподозрит его в амурных отношениях с Евлалией, а в результате он потеряет выгодное место. Он совсем не рад поручению Стырова развлекать его жену на время отсутствия мужа. В то же время, как и Молчалин, «в угоду» жене «такого человека», он вынужден проводить время с Евлалией «по должности» [1, с. 103], принимая вид любовника. Его отношение к Евлалии можно было бы охарактеризовать словами Молчалина: «Пойдём любовь делить плачевной нашей крали» [1, с. 158]. Общению с Евлалией он предпочитает игру в карты. Как и Молчалин, который, по выражению А. С. Пушкина, «не довольно резко подл» [10, с. 96], Мулин не решается соблазнить жену своего покровителя. Как о Молчалине, о Мулине можно было бы сказать словами Софьи: «Конечно, нет в нём этого ума, / Что гений для иных, а для иных чума...» [1, с. 109].

Однако в житейском смысле Мулин умен и рассудителен. Признания Евлалии его пугают, он стремится сдерживать её пыл, урезонить её, объясняя причину того, почему не искал брака с ней: «Евлалия Андревна, каждый дельный человек думает о своей судьбе, вперёд составляет себе планы; благородная бедность в мои планы не входила. Я мог предложить вам только нищету, и вы бы её приняли. Нет, вы лучше поблагодарите меня, что я не погубил вас и не запутал себя на всю жизнь» [9, с. 172].

Разочарование Евлалии в Мулине случается неожиданно, в результате использования Островским распространённого в западной и русской драматургии приёма узнавания. Другая «невольница» в пьесе — Софья Сергеевна — из добрых побуждений поведала Евлалии о своей любовной связи с Мулиным, которая держится на том, что она ему платит. И здесь очевидна переключка с ситуацией узнавания в финале комедии Грибоедова. Софья Сергеевна поучает Евлалию: «То-то и беда, что все эти достоинства только в вашем воображении. Полюбите вы самого обыкновенного, дюжинного человека, вообразите себе его героем, да и ждёте от него разных подвигов: бескорыстной преданности, самоотвержения...» [9, с. 187]. Это поучение очень близко тому, которое Чацкий обращает к Софье: «Бог знает, за него что выдумали вы... / Быть может, качеств ваших тьму, / Любуясь им, вы придали ему...» [1, с. 107]. С Чацким, упрекающим Софью: «Зачем меня надеждой завлекли? / Зачем мне прямо не сказали, / Что все прошедшее вы обратили в смех?!» [1, с. 162], сближают Евлалию её несправедливые упреки Мулину: «Значит, вы меня нисколько не любите и не жалеете. Ну, коли я не могу, коли я страдаю... Ну, что ж мне делать? Ведь я не могу же перенести, чтоб вы были близки с какой-нибудь другой женщиной. Я умру... это выше сил моих» [9, с. 178]. Разочарование Евлалии в Мулине влечёт чувство, близкое тому, что испытывает Чацкий. Разрывая отношения с Мулиным, она могла бы сказать словами этого грибоедовского героя: «Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом» [1, с. 162].

Финальное объяснение Евлалии и Мулина также переключается с пьесой Грибоедова. Когда героиня наконец понимает, что её герой представляет собой на самом деле, она прогоняет его от себя и говорит о презрении к нему. Он же искренне радуется этому: «Да ведь какой камень-то с меня свалился!» [9, с. 222]. В отличие от Молчалина, Мулин не пытается выпросить прощение, не ползает у ног героини, но поучает её: «Презирать-то — презирайте; а и поблагодарить меня вам тоже не мешает. <...> Вы сами признаётесь в любви и кидаетесь на шею человеку, которого вы совсем не знаете. Будь во мне поменьше совести и уважения к Евдокиму Егорычу или только просто не служи я у него, ведь из этого мог бы выйти скандал веселый. И сам-то бы я насмеялся над вами вдоволь, да и всему бы городу удовольствие большое доставил. Так вы сначала поблагодарите меня, что я этого не сделал, а потом уж презирайте, пожалуй» [9, с. 223]. И Евлалия благодарит его, как Софья благодарит Молчалина за то, что при свиданиях с ней «в ночной тиши» он держался более «робости во нраве, / Чем даже днём, и при людях, и в яве...» [1, с. 159]. И героиня Грибоедова и героиня Островского вынуждены признать своё поражение и свою вину. Как и Молчалин, в финале пьесы Мулин оказывается вне всяких подозрений. Он вполне оправдывает своё имя: Артемий означает «здравый» [4, с. 670]. Его здравомыслие привлекает к нему симпатии читателя и зрителя. И в этом смысле герой Островского выгодно отличается от Молчалина.

Переключаются с «Горем от ума» и другие ситуации и характеристики в пьесе. Софья Сергеевна похожа на Лизу в ситуации, когда смеётся над любовной экзальтацией Евлалии, хорошо зная, что представляет на самом деле её избранник. Горничная Марфа, подобно Лизе, помогает встречам Евлалии и Мулина, но и, «как лист», дрожит, что вдруг «кто доведёт барину» [9, с. 190] об этом. Стыров так и остаётся в неведении по поводу истинного смысла

отношения жены к секретарю и тем самым напоминает Фамусова, который так ни в чём и не заподозрил Молчалина.

История отношений Евлалии и Мулина лишь отдалённо увязывается с сюжетом библейским, однако для русской литературы XIX века она архетипична: любовь чистой и нравственной женщины к человеку, её не достоинству, самообман героини в результате незнания жизни и людей, и глубокое разочарование в итоге. Воплощённый в драматической форме Грибоедовым в «Горе от ума», этот сюжет впоследствии не раз повторится в русском романе: Татьяна и Онегин у Пушкина, княжна Мери и Печорин у Лермонтова, Вера и Марк Волохов у Гончарова, Настенька Годнева и Калинович у Писемского, Катерина Измаилова и Сергей у Лескова, Наташа Ростова и Анатолий Курагин, Анна Каренина и Вронский, Катюша Маслова и Нехлюдов у Толстого и др. В творчестве Островского подобная ситуация в разных вариантах присутствует в пьесах, написанных и до, и после «Невольниц»: Марья Андреевна Незабудкина и Мерич, Дуня Русакова и Вихорев, Параша Курослепова и Вася Шустрый, Юлия Тугина и Дульчин, Лариса и Паратов, Кручинина и Муров, Ксения Кочуева и её муж. Несомненно, что отношения Евлалии и Мулина нужно рассматривать в русле той же традиции.

Примирение Евлалии с пошлостью окружающей её среды — это расплата героини за ту вину, с которой она пришла в пьесу: за согласие выйти замуж без любви для того только, чтобы быть ближе к любимому человеку. По первоначальному замыслу драматурга, Евлалия, видимо, должна была отравиться. Подобный финал поставил бы пьесу в один ряд с такими произведениями драматурга, как «Гроза» и «Бесприданница», в которых гибель героинь — следствие их трагической вины. В «Невольницах» катастрофы не случилось, однако радость Стырова по поводу того, что Евлалия теперь будет каждый день играть в карты, неоправданна: выбор героини говорит о том, что она духовно сломлена, и не сулит им обоим семейного счастья.

Комедия «Невольницы» о том времени, когда в России, по словам Толстого, «всё перевернулось и ещё только укладывается». В ней, как и во всех поздних пьесах, драматург сталкивает нравственные представления и понятия с понятиями и представлениями «современными» и показывает торжество последних. Высокие нравственные запросы Евлалии здесь осмеяны окружающими, на фоне современной действительности они выглядят анахронизмом. На первый взгляд может показаться, что и автор осуждает героиню, смеётся над её экзальтированностью. Однако в мире Островского, по словам Журавлёвой, «смешное и высокое никак не противопоставляются» [6, с. 17]. В этом смысле Евлалия оказывается близка таким несомненно положительным героям Островского, как Любим Торцов, Несчастливцев, Платон Зыбкин. Обращение к грибоедовской традиции в «Невольницах», как и в пьесах об этих героях, помогает драматургу раскрыть всю глубину драматизма образа Евлалии. Она одна противопоставлена пошлости окружающего мира. Заключительные сцены комедии (объяснения Евлалии с Марфой, с мужем, с Софьей Сергеевной, с Мулиным) несомненно располагают зрителя к ней, восстанавливают в его глазах её человеческое достоинство и доказывают чистоту её помыслов, благородство порывов. Тем безотраднее оказывается финал пьесы, который ставит под сомнение её жанровое обозначение. Глубокий драматизм финала комедии Островского позволяет уверенно говорить о его сходстве со столь же глубоко драматичным финалом комедии Грибоедова.

Список литературы

1. Грибоедов А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1971. 384 с.
2. Григорьев А. А. Театральная критика. Л.: Искусство, 1985. 408 с.
3. Гришунин А. Л. А. Н. Островский и А. С. Грибоедов // Наследие Островского и советская культура. М.: Наука, 1974. С. 77—92.
4. Жития Святых / сост. Иоанн Бухарев. М.: Отчий дом, 1999. 696 с.
5. Журавлёва А. И. А. Н. Островский — комедиограф. М.: Изд. МГУ, 1981. 216 с.
6. Журавлёва А. И. «Правда — хорошо, а счастье лучше» // Литература в школе. 1998. № 3. С. 12—18.
7. Лакиин В. Я. Островский (1878—1886) // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1975. Т. 5. С. 475—498.
8. Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX века). Л.: Наука, 1983. 269 с.
9. Островский А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 8. 552 с.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1979. Т. 10. 712 с.
11. Фомичёв С. А. «Горе от ума» в наследии Островского // А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX—XX веков. Л.: Наука, 1974. С. 7—27.

УДК 811.161.1'37

ББК 81.411.2-003

DOI: 10.46726/H.2021.1.4

Е. И. Лобанова, Н. В. Суворова

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЕРЕВО» В РОМАНЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

В данной статье рассматривается одна из самых актуальных проблем современной лингвистической науки — проблема репрезентации определенного концепта в произведениях современной художественной литературы. В рамках поставленной проблемы предпринимается попытка системного анализа различных способов вербализации концепта «дерево» в «неисторическом» романе Е. Г. Водолазкина «Лавр». На основании многообразия выявленных языковых средств, обеспечивающих репрезентацию всех основных смыслов данного концепта как концепта-константа, устанавливается закономерное сходство общих и частных представлений о данной лингвокультурологической категории, реализующихся не только в произведениях русского народного творчества, но и в произведениях современной художественной литературы. Разнообразие лексических средств, включающих прямые и производные номинации концепта, фразеологические единицы, однокоренные слова, синонимы, лексемы, связанные гиперо-гипонимическими отношениями, а также метафорические номинации концепта, способствует наиболее точному и полному отражению специфики авторского видения концепта-константа «дерево». Однако способы вербализации данного концепта, выявленные в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр», наглядно свидетельствуют и о тесной и неразрывной связи индивидуального мироощущения писателя с национальным менталитетом, с традициями русского народа, глубоко уходящими своими корнями в дохристианскую эпоху.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, структура концепта, способы вербализации концепта, концепт «дерево».

E. I. Lobanova, N. V. Suvorova

VERBALIZATION OF THE CONCEPT “TREE” IN THE NOVEL “LAVR” BY E. G. VODOLAZKIN

This article examines one of the most challenging problems of modern linguistic science — the problem of representing a certain concept in texts of modern literature. Within the framework of the posed problem, an attempt is made to analyze systematically various ways of verbalizing the concept of “tree” in the “non-historical” novel by E. G. Vodolazkin “Lavr”. Based on the diversity of the identified linguistic means that ensure the representation of all the main meanings of a given concept as a concept-constant, a natural similarity is established between general and particular ideas about this linguoculturological category, which are realized not only in the works of Russian folk art, but also in the works of modern literature. The variety of lexical means, including direct and derived concept nominations, phraseological units, cognate words, synonyms, lexemes linked by hyper-hyponymic relations, as well as metaphorical concept nominations, contributes to the most accurate and complete reflection of the specificity of the author’s vision of the concept-constant “tree”. However, the ways of verbalizing this concept, identified in the novel by E. G. Vodolazkin “Lavr”, clearly testify to the close and inextricable connection of the individual worldview of the writer with the national mentality, with the traditions of the Russian people, deeply rooted in the pre-Christian era.

Key words: linguistic picture of the world, concept, concept structure, ways of concept verbalization, concept “tree”.

Язык и культура существуют в тесном взаимодействии. Их отношения принято рассматривать как отношения части и целого. Процесс усвоения культуры происходит именно через язык: нельзя понять философию, литературу, религию народа — основные составляющие культуры — без языка. Он выступает первичной знаковой системой. Язык выполняет кумулятивную функцию: является универсальным средством формирования, хранения и передачи опыта. Немецкий ученый В. фон Гумбольдт писал: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [5, с. 304]. Язык суммирует знания его носителей о мироустройстве, отражает характер и культуру народа. Результатом освоения человеком/народом окружающей его действительности становится ключевое слово, концепт.

Впервые понятие концепта появился в работах средневекового французского философа П. Абеляра, обратившегося к изучению проблемы языковых универсалий [7]. Сегодня термин «концепт» широко используется различными гуманитарными науками: культурологией, лингвистикой, лингвокультурологией, психологией, теорией литературы, политологией и др. Каждой из этих областей знания присуща своя интерпретация данного понятия.

В рамках нашего исследования вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным мы будем определять концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным

сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [9, с. 24].

Концепт репрезентируется в языке, т. е. получает языковое выражение. Структура концепта раскрывается через языковые средства, которые входят в состав ассоциативно-смыслового поля исследуемого концепта. Под языковыми средствами понимаются прямые и производные номинации концепта, фразеологические единицы, однокоренные слова, синонимы, метафорические номинации концепта и др.

Концепт «дерево» является частью концептосферы различных национальных культур. Так, в языческой культуре древних славян дерево является объектом поклонения [10, с. 134—135]. В священных рощах совершался ритуал жертвоприношения — явления древнего растительного тотемизма, обусловленного мифологическим сознанием человека. В мифах и русском фольклоре дерево часто выступает в качестве универсальной модели Вселенной, системы пространственных координат (Мировое дерево, *arbor mundi*, ось мира). Вертикальная структура дерева складывается из трех частей: корни (подземный мир — ноги — прошлое), ствол (земной мир — туловище — настоящее), ветви (небесный мир — голова — будущее) [12, с. 327].

Описание единиц ассоциативно-смыслового поля дает возможность представить суть концепта, зафиксированного в языке. В семантическое поле «дерево» входит целый ряд языковых единиц, связанных различными лексико-семантическими отношениями. Прежде всего это иерархические отношения, а точнее гиперо-гипонимические отношения. Так, слово *дерево* образует родовидовые связи с лексемами *дуб*, *береза*, *сосна*, *липа*, *рябина*, *ива* и т. д. Данные лексемы нередко выступают в качестве репрезентантов концепта «дерево» как в фольклорных произведениях, так и в произведениях художественной литературы, в частности в текстах конкретных авторов.

В «неисторическом романе» Е. Г. Водолазкина «Лавр», повествующем о жизненном пути средневекового врача Арсения-Устина-Амвросия-Лавра, можно увидеть реализацию ряда концептов-константов. Концептом-константом считается такой концепт, который «присутствует в русской идеосфере (концептосфере — совокупности всех концептов данной культуры) на протяжении многих лет, способствует выражению христианских принципов русской культуры» [11, с. 15]. Одним из таковых является концепт «дерево», который формирует пространственно-временную канву произведения.

В русской традиции принято соотносить человека с деревом (*яблоко от яблони недалеко падает, пускать корни*). Название романа и одно из имен главного героя отсылают нас к репрезентанту *лавр*. *Лавр* — вечнозеленое дерево, считающееся символом вечной жизни: «*Старец Иннокентий сказал из отходной кельи: Хорошее имя Лавр, ибо растение, тебе отныне тезоименитое, целебно. Будучи вечнозеленым, оно знаменует вечную жизнь*» [4]. О магистральной теме — постижении вечности — писал сам Е. Г. Водолазкин: «*“Лавр” — попытка упразднить время и пространство, точнее — показать, что всё достигается работой духа, если понимать своё время как часть вечности*» [3, с. 339]. Арсений в романе помещен в пространство, где сходятся несколько миров, герой проходит долгий процесс инициации (становления святым) и получает имя Лавр только в конце своего пути. Как известно, в европейской культуре лавровый венок являлся символом победы. Таким образом, для героя получение имени Лавр символизирует победу над смертью, постижение вечности.

В русской традиционной культуре в качестве почитаемого дерева чаще всего выступает *дуб* — символ крепости и мощи, целительной силы. Он фигурирует в фольклоре в качестве Мирового древа: выполняет космогоническую функцию, а также — функцию посредника между мирами (инициация) [13, с. 452].

В романе «Лавр» в качестве репрезентанта концепта «дерево» дендроним *дуб* реализует несколько смыслов. Один из них связан с древним ритуалом зажигания огня в честь божества (у славян — Перуна). Этот ритуал можно найти в тексте романа: «Велел [Христофор] окон не открывать, а утром и вечером раскладывать во дворе костер на **дубовых дровах**» [4].

Представления о целительной силе дуба отражаются в следующем контексте: «Остриженные части волчьего тела Христофор присыпал толчеными **листьями дуба**» [4]. При помощи листьев дуба Христофор излечивает волка от смертельных ран. Дубовые листья используются в качестве одного из ингредиентов смеси для прокуривания избы от болезни: «Добавил **дубовых листьев** и листьев руты. Мелко истолок, положил на уголья и в течение дня занимался прокуриванием» [4]. Акцентируется в тексте романа внимание на крепости дуба в сравнении с другим деревом — сосной: «Так, рассуждал о свойствах дерева, о том, что нам всем в слободке и без того известно: что **дуб** — твердый, а **сосна** — мягкая» [4]. Автор обращает внимание читателя на контрастность свойств дуба и сосны. Существительное *дуб* в русском языке относится к мужскому роду, а существительное *сосна* — к женскому. В категории рода отразились древние представления славян о двух началах: в русской культуре *дуб* отвечает за мужское начало, а *сосна* — за женское.

Дуб у Е. Г. Водолазкина выполняет космогоническую функцию. Как с Мирового древа начинается строительство Вселенной, так с двух *дубов* начинается строительство дома Арсения (Лавра): «У одной из стен он [Арсений] увидел два сросшихся **дуба**, и они стали первой стеной его нового дома» [4]. Одновременно дубы, растущие на кладбище, являются звеном между мирами: миром подземным и миром земным (пограничное место, где происходит инициация). Это соответствует вертикальной структуре Мирового древа. Таким образом, можно говорить о том, что сросшиеся дубы выполняют у Е. Г. Водолазкина важную функцию Мирового древа. Арсений (Лавр) — персонаж, который проходит инициацию, постигает вечность: «Прислонившись к сросшимся **дубам**, на кладбище остается лишь Арсений. Кажется, что он тоже с ними сросся, переняв цвет их коры и неподвижность» [4]. Мировое древо неподвижно и вечно: прикосновение к нему — это прикосновение к вечности.

В романе несколько раз встречается прилагательное *деревянный*. Если мы обратимся к словарю С. И. Ожегова, то обнаружим два значения слова *деревянный*, важные для представления концепта «дерево» в романе «Лавр»: прямое «сделанный, построенный из дерева» и переносное «лишенный естественной подвижности, маловыразительный, бесчувственный» [8, с. 156]. В связи с этим лексемы с корнем «*дерев*», используемые в произведении, можно разделить на две группы. В первой группе прилагательное *деревянный* употребляется в прямом значении: «**деревянные мостовые**», «**деревянный брусок**», «**деревянный цветок**», а во второй — в переносном значении: «**деревянные шаги**», «**деревянный стук**». Кроме того, в тексте немало и производных лексем, образованных от прилагательного *деревянный* в непрямом значении: единичные употребления наречия *деревянно* («**деревянно звучали мостовые**» [4]) и существительного *деревянность* («Арсений прижался лбом

к дубу и почувствовал, как в него вливается **деревянность**» [4]). Существительное *деревянность*, образованное при помощи абстрактного суффикса *-ость*, выражает неподвижность и отрешенность, передающиеся главному герою при контакте с дубом.

В тексте дважды встречается метафорическая номинация *дерево лавки*: «Ее щека касалась **дерева лавки**... [4]» и «Сказала, упершись ладонями в **дерево лавки**... [4]». Автор намеренно заменяет прилагательное на существительное: для него важен не материал, из которого изготовлен предмет, а представление о дереве как о символе вечной жизненной силы.

В качестве репрезентанта концепта «дерево» используется дендроним *осина*. Это дерево считали проклятым, так как в местах, где оно росло, можно было встретить чертей [1]. Связь с нечистой силой объясняет использование *осины* в магических ритуалах. Например, осиновый кол вбивали в умерших колдунов, чтобы они не превратились в «ходячих» покойников [6]: «Когда изба догорела, самые смелые отважились рыться в пепле, чтобы проткнуть осиновым колом то, что осталось от Анастасии» [4]. Проведение данного ритуала объясняется отношением жителей Рукиной слободки к Анастасии, которую они считали ведьмой. Еще один магический ритуал, бытующий в фольклоре, связан с этим деревом: «заламывание осины» [2, с. 42]: «Другая рука обламывает ветку осины и прикрывает ею огонек со стороны монастыря» [4]. Арсений ломает ветку, чтобы избежать встречи с нечистой силой.

Свою смысловую нагрузку несет еще один репрезентант концепта «дерево» — *сосна*. Образ *сосны* в романе представлен несколькими сочетаниями слов: *сосновые иголки*, *сосновые ветки*, *сосна*. Лейтмотив *сосновых иголок* появляется в тексте не раз и связан со сценой смерти: «Скрюченный человек катался по кровавой земле, а за ним волочили, собирая пыль и **сосновые иголки**, вывалившиеся кишки» [4].

Ветки *сосны* использовались в обряде погребения человека, который не успел или не смог покаяться (исповедоваться в грехах перед смертью): «Там тела опускали на дно глубокой ямы и закладывали **сосновыми** ветвями. Так покойники становились заложными» [4]. С давних времен *сосновые ветки* клали на дно гроба и бросали за гробом с покойником, чтобы не допустить возвращения мертвого с того света. Соприкосновение главного героя со смертью Е. Г. Водолазкин описывает, используя прямые и производные номинации концепта: «Муравьи не склонны отличать его от этой **сосны**, и он их понимает. Он и сам чувствует степень своей одеревенелости. Это уже началось, и этому трудно противиться. Еще немного, и он уже не вернется. Одушевленный голос Анастасии вытаскивает его из области **древесного**» [4]. Образ *сосны* возникает и в связи со смертью самого Арсения (Лавра): «Тело Лавра продолжает лежать под **сосной** у входа в пещеру» [4].

В романе «Лавр» заключительный этап жизненного цикла нередко ассоциируется с процессом опадания листьев, что находит отражение в использовании сочетаний с лексемами *облететь*, *деревья*, *листья*. Вот как автор описывает приход смерти в дом Христофора: «За спиной Арсения стояла фигура, и старик [Христофор] сразу ее узнал. То была смерть. Она распространяла запах немывтого тела и ту нечеловеческую тяжесть, от которой в душе рождался ужас. Которую чувствовало все живое. От которой за окном прежде времени **облетели деревья**. И попадали птицы» [4].

Еще более тесная взаимосвязь человека и дерева прослеживается в передаче психологического состояния Устины, беременной жены Арсения

(Лавра), которая предчувствует свой печальный конец, видя «умирание природы» (возникает образный параллелизм): «*Окутавший Белозерье мрак наводил на Устину тоску. Она видела, что природа умирает, и ничего не могла с этим поделать. Глядя, как облетают с деревьев листья, Устина также роняла слезы. Изменения в своем теле она наблюдала теперь как бы со стороны*» [4].

Таким образом, концепт «дерево» является одним из основных концептов русской культуры, реализующихся как в фольклоре, так и в произведениях художественной литературы. Являясь концептом-константой, он тем не менее в процессе вербализации проявляет определенную специфику в зависимости от конкретной исторической эпохи соответствии с мировоззрением конкретного писателя. Наблюдение над способами репрезентации концепта «дерево» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» выявило многообразие лексических средств, позволяющих автору образно и точно передать свое индивидуальное мироощущение в контексте многовековых традиций русского народа.

Список литературы

1. Бабушкин А. П. Концептуальные типы значений // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1996.
2. Борисова Л. В. Концепт дерево как лингвокультурный код // Вестник Московского гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2014. № 1. С. 34—45.
3. Водолазкин Е. Г. Дом и остров, или Инструмент языка. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. 384 с.
4. Водолазкин Е. Г. Лавр. М.: АСТ, 2013. URL: <https://angelov.su/book/lavr/reading> (дата обращения: 8.02.2021).
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
6. Круглый год. Русский земледельческий календарь / сост. А. Ф. Некрылова. М.: Правда, 1989. 496 с.
7. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. М.: Гнозис, 1994. 216 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 6-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия. 1964. 900 с.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
10. Славянская мифология: энциклопедический словарь / под ред. С. М. Толстой. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
11. Токарев Г. В. Лингвокультурология: учебное пособие. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009. 135 с.
12. Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 496 с.
13. Штенрберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Наука, 1936. 572 с.

УДК 821.161.1-21
ББК 83.3(2=411.2)6-462
DOI: 10.46726/И.2021.1.5

А. В. Муравьева

ТРАДИЦИИ АВАНГАРДА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДРАМЕ: АБСУРДНОСТЬ «СНОВ» И. ВЫРЬПАЕВА

Статья посвящена функционированию в пьесе Ивана Вырыпаева «Сны» авангардистских абсурдистских элементов. Анализируются и типологизируются формы проявления абсурда, акцентируются текстовые элементы, в которых в той или иной степени проявлен абсурдистский код. Основное внимание уделяется специфике персонажа, проецируемых в его речь образах, а также общей сюжетной канве текста. Акцент ставится на смещении, сращении и тавтологизации как основных способах формирования абсурдистского высказывания. В ходе исследования рассматриваются абсурдистские техники и приёмы создания текстового пространства: метонимия, содержательная избыточность и/или недостаточность, нарушение логики высказывания и события, сведение понимания ситуации к сфере чувств, работа с хронотопом. Наблюдается постепенная их трансформация под влиянием постмодернистского контекста, а именно усиление позиции субъекта с одновременным исключением возможности утверждения исключительности позиции персонажа, последовательное нивелирование «чистых» абсурдистских форм и замещение их элементами, ориентированными на иллюстрацию постмодернистского способа организации пространства. В результате делается вывод о реализации в «Снах» И. Вырыпаева характерного для новой драмы эффекта одновременной разработки нескольких эстетических традиций. В данном случае речь идет о параллельном использовании авангардистских и постмодернистских техник абсурдизации.

Ключевые слова: абсурд, авангард, новая драма, постдрама, текстопорождающие механизмы.

A. V. Muravyova

AVANT-GARDE TRADITIONS IN MODERN RUSSIAN DRAMA: THE ABSURDITY OF IVAN VYRYPAEV'S "DREAMS"

The article is devoted to the functioning of avant-garde absurdist elements in Ivan Vyrypaev's piece "Dreams". The forms of absurdity are analyzed and typologized, and the text elements in which the absurdist code is more or less expressed are emphasized. More attention is paid to the specifics of the character, the images projected into his speech, as well as the general plot outline of the text. The emphasis is placed on displacement, fusion, and tautologization as the main ways of forming an absurdist context. The study examines the absurdist techniques and techniques of creating a text space, such as: metonymy, content redundancy and / or insufficiency, violation of the logic of statements and events, reducing the understanding of the situation to the sphere of feelings, working with the chronotope; there is

a gradual transformation under the influence of the postmodern context, namely, the strengthening of the subject's position with the simultaneous exclusion of the possibility of asserting the exclusivity of the character's position, the consistent leveling of "pure" absurdist forms and their replacement with elements focused on illustrating the postmodern way of organizing space. As a result, the conclusion is made about the realization in I. Vyrypaev's "Dreams" of the effect of simultaneous development of several aesthetic traditions characteristic of the new drama. In this case, we are talking about the parallel use of avant-garde and postmodern techniques of absurdization.

Key words: absurd, avant-garde, new drama, post-drama, text-generating mechanisms.

Первая пьеса Ивана Вырыпаева «Сны» [1] была написана в 1999 году, когда в значительной мере проработанными были практически все новодраматические техники. Однако именно в это время «в мир, где, казалось, не могло быть уже ничего нового, вдруг ворвалась конструктивная новизна, пафос бурного заселения новых территорий психореальности, инфореальности, биореальности» [3]. Историко-литературная ситуация рубежа веков вкупе с действующими общими постмодернистскими принципами определили проблематику пьесы, а также способствовали формированию методологической основы текста. Для И. Вырыпаева, равно как и для многих других молодых драматургов конца 1990-х годов, была характерна проработка абсурдистского контекста, представленного примерно в равных долях техниками 1) авангардистскими, 2) экзистенциалистскими и 3) собственно постмодернистскими — часто основывающимися на первых и вторых.

Однако именно в «Снах» формируется пространство, где авангардизм становится одним из ведущих принципов текстовой организации. Абсурд же как неотъемлемый его компонент в большей части пьесы представляется в качестве самодостаточного феномена, одновременно и апеллирующего к социальности, и не замыкающегося в ней.

Комплекс авангардистских приёмов, заявленных в тексте, в целом можно разделить на две основные группы: а) приёмы, направленные на работу с проблематикой пьесы, системой образов и мотивов; б) приёмы, формирующие и определяющие композиционный строй драмы, работающие со структурой, в том числе — структурой высказывания. Деление это максимально условно (ибо любой из приёмов будет работать на основную проблематику), однако оно необходимо: с одной стороны, контекстуально авангард связывается с планом выражения текста (а значит, с формальными, внешними нарушениями, обнажением приёма и т. д.), с другой — уже упомянутая социальность в тексте И. Вырыпаева с развитием сюжета меняет свою направленность, поворачиваясь от общесоциального, полуфилософского к бытовому, локальному, актуальному и точечному (в данной статье нас будет интересовать преимущественно первое).

Большинство абсурдистских элементов, вводимых в пространство пьесы, характеризует так называемый абсурд ситуации: уже в афише, согласно традиционной схеме, представляющей список действующих лиц, мы видим «девушку, которой снились сны». Формулировка описания определяет действительную характеристику персонажа, однако лишена субъективности: не девушка видит сны, а сны сняты ей. Формулировки описаний следующих

за ней лиц схожи с борхесовской классификацией: «девушка, у которой коричневые слюни», «девушка с беременным животом», «парень заика», «парень, который всё время мёрз». Характеристики лиц не алогизированы, но представлены системой, лишённой логики, — сферой чувств. Восприятие с точки зрения ощущения нарушает рационалистическую картину: познаваемое через чувственную сферу представляет собой не более чем набор знаков, обычно приводимых к анализу. Ощущенческая модель лишает образы одной главной характеристики — принадлежности реальному миру, а значит, ставит вопрос о реальности/нереальности происходящего. Отсюда следует невозможность восприятия в качестве реального отдельных ситуаций: мыши, бегающие по венам ПЗ, птицы в животе ДС и т. д.

Совокупность техник, используемых Вырыпаевым для воссоздания пространства «Снов», видится близкой авангардной: большинство приёмов, используемых автором, будут вводиться в чистом виде — как иллюстрация возможностей текста. И ситуативный абсурд здесь оказывается одной из главных черт, работающих на абсурдизацию пространства в принципе. Равно как тексты авангардистов прошлого столетия, «Сны» Вырыпаева строятся преимущественно на оксюморонности образов, логическом несоответствии ситуации и действующих в ней персонажей.

Сюжетика пьесы в равных пропорциях ориентирована на включение «реальных» компонентов и компонентов, формирующих пространство сна. Кажущееся логичным и нелогичным одновременно, действие пьесы строится по принципу формального следования драматургическим приёмам: отсутствие жанрового определения компенсируется названием; недостаточность афиши, сведённая к детали как основополагающей функции героя, компенсируется посредством «проговаривания» героями и героинями себя в пространственных репликах. Текст характеризуется недосказанностью (если не недостаточностью), выраженной одновременно следованием и нарушением драматургических принципов и работой с читательским ожиданием. (Пост)авангардность приёма здесь сводима к следованию традиционным принципам абсурдизации на уровне организации текста — от нарушений сюжетных линий к размыванию границ жанра и разного рода композиционным нарушениям. С точки зрения композиционно-содержательной стороны, текст характеризуется тавтологичностью на всех его уровнях, конкатенацией и сращением как едиными принципами организации.

Недосказанность проявляет себя также и в осмыслении категорий, составляющих предмет дискуссий. Фиксируемые ДК тематические блоки (красота, освобождение, любовь, бог, кайф и т. д.) реализуют себя в высказываниях других персонажей. Строящиеся по единому синтаксическому принципу, они выражают разные границы концептов: «Красота — это большой живот. Красота — это рыба, это сова. Красота — огромная как дыня, даже больше — как поле, даже больше поля — как слон» [1]. Представляемые в качестве лишённых смысла структур, они на самом деле являются перевёртышем, зеркальным отражением схемы с грамматически не связанными компонентами. Гипотезе о зеркальности и взаимному отражению/проникновению конструкций вторит отсутствие во многих редакциях знака тире между компонентами: «Красота это большой живот» и т. д. Получается, содержательная сторона высказываний сводится к постулированию известных истин: большой живот (беременность) — это красиво; рыба, сова (природный

мир) — это красиво; красота — везде и во всём. Буквальное использование формул, ставших клише, не привлекает Вырыпаева: он строит высказывание таким образом, что оно, благодаря своей клишированности, остаётся узнаваемым, однако теряет смысл при буквальном его прочтении. Подобное оформление речи персонажа затеняет «классический» абсурд: «даже больше — как поле, даже больше поля — как слон».

Переворачивание конструкции способствует также наращению смысла. Уже первые предложения в линейном их восприятии представляются в качестве метафор красоты, а начиная с пятого предложения («Однажды я видела красоту как луну» [1]) формируют цепочку метонимических образов, сводящих смысл высказывания (в рамках, например, первого акта) к определению картины красоты мира: «У красоты есть глаза и нос как у мальчика» [1], иными словами, все дети, с их глазами и носами, красивы; «У нее есть руки, она может тебя любить» [1], то есть ребёнок, с его непосредственностью и желанием обнять того, кто рядом, красив по определению и он будет любить; «Если ты купаешься в луне, то значит и в красоте» [1], что значит, если ты видишь красоту мира, то ты сам красив.

Здесь Вырыпаев также следует основным авангардистским принципам организации текста, однако использует их уже на уровне высказывания. Работая со словом, он играет значениями — частично искажая смысл высказывания, частично дополняя его. Основным приёмом становится смещение, поиск общих компонентов различных семантических полей, работа с ассоциативными моделями, установление в качестве основного значения элемента побочного, факультативного, что в целом способствует формированию отдельной системы средств выразительности, проецируемой на восприятие субъектом действительности.

Каждый из введённых персонажей особым, эмпирическим способом представляет читателю/зрителю собственное, субъективное понимание отдельной категории: прекрасного, свободы, бога, ада. Важной здесь оказывается «атмосфера личной памяти, пространства и его фактуры» [2]. За рассуждениями действующих лиц кроется определённый способ осмысления этой категории, формируемой в сознании и преломляемой сопутствующими факторами: бытовыми элементами, особенностями мышления, способом восприятия. Интересно, что все представители условной дискуссии иллюстрируют отдельное течение мысли, принятое в осмыслении категории, однако каждое явлено в искажённом, деформированном виде — собственно субъективном представлении. Нарушение структуры микро- и макровысказывания становится следствием специфики способа восприятия и формой его представления: иными словами, перед читателем предстаёт образ ощущения, сформированного в пространстве сна. Высказывание деформируется дважды: на уровне представления, формируемого сном и действующими в нём законами, и на уровне восприятия, где невозможны чёткость, определённость и линейность конструкций. Искажение логики высказывания оказывается методом, с помощью которого персонажи представляют собственный, явленный в их сознании мир. Сновидческий компонент, также активно прорабатываемый в рамках первой волны авангарда, становится связующим звеном между комплексом приёмов и формируемым в сознании персонажей миром.

Абсурдизация мира героев начинается с величин предельно малых — с образа, формируемого чаще метонимически; с места, лишённого чётких

очертаний, полного ирреальных компонентов; со времени, представленного разрозненными и внешне не связанными отрезками, предельно растянутого или же, напротив, чрезмерно уплотнённого. В этом абсурдном мире главное место занимает субъект с его ощущением — физическим или психическим. Субъективность в пьесе становится определяющим фактором, работающим, с одной стороны, на утверждение самой фигуры субъекта как некоего абсолюта, образующего собственное пространство-время, а с другой — на формирование проблематики, с этим субъектом связанной. Субъект в пьесе, в рамках принадлежности уже поставангардной традиции, пытается утвердить своё видение мира. Дискредитированное временем / историей / процессом, оно формируется посредством клише, коллажирования уже известных компонентов. Субъект в этом мире ищет себя — сначала искусственно создавая пространство вокруг себя, а затем погружаясь в поиски выхода из этой искусственно созданной им реальности.

Таким образом, совокупность авангардистских техник и приёмов, заявленных в тексте Вырыпаева «Сны», можно объединить принципом формального нарушения, реализуемого на всех — от микро- до макро- — уровнях высказывания. Драматург начинает свою работу со слова, внешне оставляя его в рамках нормы, а внутренне — формируя сложную цепочку ассоциативных связей, провоцирующих образование разного рода метонимических смещений. То же наблюдается и на уровне композиции, где структурные смещения формируют равно логичное и алогизированное пространство. Объединение элементов происходит посредством работы с мотивом сна, утверждающего ориентированную на реальность и тут же — выходящую за её пределы систему, где равновероятными оказываются разнотипные процессы.

Список литературы

1. *Вырыпаев И.* Сны. URL: https://theatre-library.ru/files/v/vyrypaev/vyrypaev_2750.html (дата обращения: 31.10.2020).
2. *Пацюков В.* Симметрия в пространстве ушедшего века: первый и второй русский авангард // Художественный журнал. 2000. № 32. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/82/article/1792> (дата обращения: 31.10.2020).
3. *Эпштейн М.* De'but de siecle, или От пост- к прото-: Манифест нового века // Знамя. 2001. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2001/5/de-but-de-siesle-ili-ot-post-k-pto-manifest-novogo-veka.html> (дата обращения: 31.10.2020).

УДК 821.161.1-14
ББК 83.3(2=411.2)52-8,43
DOI: 10.46726/Н.2021.1.6

О. А. Павловская

ТЕАТРАЛЬНАЯ ТЕМА В ПОЭЗИИ Н. А. НЕКРАСОВА И А. Н. АПУХТИНА: ТВОРЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

В статье рассматривается проблема творческих контактов и литературной преемственности Н. А. Некрасова и А. Н. Апухтина в интерпретации театральной темы. Эти русские поэты были активно вовлечены в современную театральную культуру, наблюдали за ее развитием, использовали сценические элементы в собственной художественной практике. В их творческом наследии запечатлен интересный опыт переживания театральной действительности второй половины XIX века, в рамках которого и обнаруживается индивидуальная манера поэтов. И Некрасов, и Апухтин в театральной сфере обрели механизмы для творческого самовыражения, для открытого диалога об общественных и нравственных проблемах, для сокровенно-исповедального повествования о личных переживаниях и духовной драме своих современников. Театрально-сценические приемы включаются в поэтический текст, благодаря чему усиливается персонификация образного ряда, нарастает декларативность произведения, появляются дополнительные коммуникативные основы лирики.

Ключевые слова: Некрасов, Апухтин, русская поэзия, театр, литературная преемственность, драматизация лирики.

O. A. Pavlovskaya

THEATRICAL THEME IN THE POETRY OF N. A. NEKRASOV AND A. N. APUKHTIN: CREATIVE CONTACTS

The article deals with the problem of creative contacts and literary continuity of N. A. Nekrasov and A. N. Apukhtin in the interpretation of the theatrical theme. These Russian poets took part in modern theatrical life, used stage elements in their own artistic practice. The creative heritage of these authors captures an interesting period of experiencing the theatrical reality of the second half of the 19th century, within which the individual manner of the poets is revealed. In the theatrical sphere Nekrasov and Apukhtin found mechanisms for creative self-expression, for an open dialogue about social and moral problems, for an intimate and confessional narrative about the personal experiences and spiritual drama of their contemporaries. Theatrical and stage techniques are used in the poetic text, due to which the personification of the figurative series is enhanced, the declarativeness of the work increases and additional communicative foundations of the lyrics appear.

Key words: Nekrasov, Apukhtin, Russian poetry, theater, literary continuity, lyric dramatization.

Интерес русских поэтов к театральной жизни столицы второй половины XIX века, творческая включенность в театральный мир открывает и новые зоны их творческого сближения. Опорой для восстановления литературных контактов Н. А. Некрасова и А. Н. Апухтина становятся не только театральные имена современных им драматургов, актеров, названия театральных

© Павловская О. А., 2021

постановок и имена сценических персонажей, но и — что особенно важно для поэтического мироощущения — запечатленный в поэзии опыт *переживания* театральной действительности, включающий отношение к театральным событиям, живое соучастие в судьбе талантливых актеров, непосредственность зрительской эмоции и одновременно взыскательно-рациональное рассуждение о судьбе русского театра. Вполне очевидно, что в театральной рефлексии Некрасова и Апухтина проявились разные факторы, в частности разный биографический опыт *вхождения в столичную действительность и личностного самоопределения* в ней, литературные связи с современниками и сформировавшееся литературное окружение, своеобразие творческих установок и эстетической позиции. Наконец, между Некрасовым и Апухтиным на правах старшего и младшего современников устанавливаются особые отношения *творческой ориентации и преемственности* в интерпретации театральной темы.

Пожалуй, своеобразной опорой в установлении творческих контактов русских поэтов можно назвать *художественную соотнесенность эмоционального переживания* в поэтическом творчестве и театральном искусстве. Напомним известные строки Н. А. Некрасова:

О сцена, сцена! не поэт,
Кто не был театралом,

Кто не сдавался в милый плен,
Не рвался за кулисы
И не платил громадных цен
За кресла в бенефисы...

(«Прекрасная партия», 1852) [2, I, с. 108].

Некрасовская мысль о значимости театрального переживания для поэтического развития личности находит воплощение и в творчестве А. Н. Апухтина. В частности, повышенной театральной восприимчивостью поэт 60-х годов наделяет своего лирического героя — ребенка, отождествляя тем самым театральное чувство с непосредственностью детской души:

Я был тогда еще ребенком неразумным,
Я лепетать умел едва,
Но помню: о тебе уж радостно и шумно
Кричала громкая молва.

Страдания умом не постигая,
Я в первый раз в театре был...

(«М-те Вольнис», 24 декабря 1858 года) [1, с. 111].

В комментариях к этому стихотворению составитель сборника «Театр в русской поэзии» Мария Хализева так оценила этот пассаж русского поэта: «О своей встрече с театральным искусством Апухтин повествует искренне и даже слегка самоуничижительно...» [4, с. 444]. Следует заметить, что образ ребенка и сопровождающая его детская эмоциональность мировосприятия — характерная особенность поэтического мира А. Н. Апухтина. Благодаря этой поэтической доминанте мелодраматизм автора получает новые обертоны. Так детская эмоциональность первых зрительских впечатлений вполне сопоставима с дебютным чувством, а театральная тема приобретает дебютное звучание.

В поэзии Н. А. Некрасова мотив театрального дебюта носит адресный характер и, на наш взгляд, неслучайно соотносится с именем Варвары Николаевны Асенковой ((1817—1841), актрисы Александринского театра.

Ей Некрасов посвятил следующие стихотворения: «Офелия» (1841), «Прекрасная партия» (1852), «Памяти Асенковой» (1855). Ранняя смерть талантливой актрисы прочно соединила ее образ в поэзии с юностью лирического героя:

В тоске по юности моей
И в муках разрушенья
Прошедших невозвратных дней
Припомнив впечатленья.

Одно из них я полюбил
Будить в душе суровой,
Одну из множества могил
Оплакал скорбью новой...

(«Памяти Асенковой», 1855) [2, I, с. 146].

В воспоминаниях лирического героя зрительские эмоции и любовные переживания нерасторжимы. Образ актрисы романтизирован и возведен на пьедестал женского идеала. Звучащий в этом стихотворении мотив театрального дебюта актрисы («Я помню: занавесь взвилась, / Толпа угомонилась — / И ты на сцену в первый раз, / Как светлый день, явилась» [2, I, с. 146]) не подтверждается биографическими источниками, но в поэтическом сознании автора именно он передает живость и эмоциональность впечатления, интерпретируется как начало нового чувства. В идеализации образа актрисы Некрасов ориентируется на барочную эстетику, извлекая оттуда, прежде всего, необходимые скрепы для визуальной гармонизации предмета:

И точно, мало я видал
Красивее головок;
Твой голос ласково звучал,
Твой каждый шаг был ловок;

Дышали милые черты
Счастливым детским смехом... [2, I, с. 146].

Дебютные впечатления лирического героя подчеркивают в женском образе детскую чистоту, благородство, наивность, неискренность, что приподнимает и образ актрисы над толпой «театралов», укореняет его в сфере высокого искусства. Кристаллизации образа способствует временная дистанция — стихотворение написано спустя 14 лет после смерти актрисы. Кроме того, на наш взгляд, здесь реализуется и такая особенность поэтической памяти Некрасова, как умение творить легенды.

А. Н. Апухтин в стихотворном посвящении Леонтине Фэ — «М-ме Вольнис» достигает эффектного разнообразия в представлении актрисы, высвечивая ее сценические амплуа — драматические, комедийные. Апухтинский образ обретает особую глубину и выразительность благодаря возрастным характеристикам:

На жизнь давно глядишь ты строгим взором,
И много лет тобой погребено,
Но твой талант окреп под их напором,
Как Франции кипучее вино [1, с. 112].

Более того, принцип бинарной оппозиции, определяющий образную структуру стихотворения (лирический герой — актриса, драматическое — комедийное, зритель — сцена и т. д.) включает и возрастные противопоставления: такова дебютная встреча лирического героя-ребенка с актрисой в роли

«седой», «иссохшей под бременем невзгод» героини. В театральном опыте Леонтины Фэ (М-me Вольнис) Апухтин открыл и поэтически представил новые грани театрального таланта — зрелость, глубину и мастерство актерского перевоплощения. Ценность встречи с таким талантом соизмеряется с постижением нравов и характеров. Чуть ранее это отметил и Н. А. Некрасов в «Современных заметках» за 1847 год: «Во всех этих пьесах она имела успех самый блестящий. Игра ее в высшей степени натуральна и отличается истинным и глубоким чувством» [2, XII, кн. 2, с. 255].

Еще одна линия творческих контактов Некрасова и Апухтина связана с именем Александра Евстафьевича Мартынова, актера Александринского театра. Оба поэта оставили ему поэтические посвящения, хотя и вызванные разными обстоятельствами, и выполненные в разных жанрах.

Поводом для стихотворного посвящения Некрасова «А. Е. Мартынову», 1859 г. стал торжественный обед, «задуманный и данный российскими литераторами в честь актера Мартынова, который вскоре должен был покинуть Петербург и уехать на неопределенное время на юг лечиться от чахотки» [4, с. 326]. Стихотворение имеет юбилейный характер. Следуя жанровому канону, Некрасов включает в текст юбилейные даты («Со славою прошел ты полдороги / Полпоприща ты доблестно свершил...»), пожелания («...чтоб даровали боги / Тебе надолго крепости и сил!..»), похвалу («Свободную семью людей свободных / Мартынов вокруг себя в тот день соединил...»). Сквозь плотную призму жанрового канона актерский талант, лицо актера просматривается с большим трудом. Пожалуй, лишь в метафоре можно увидеть намек на глубокий, самобытный талант Мартынова, явленный в театральной среде и включившийся в «русскую художественную школу» (литературный круг некрасовских современников). Значение предложенной Некрасовым метафорической формулы объясняется с учетом литературного контекста, да и поэзии самого Некрасова конца 1850-х — начала 1860-х годов: в предреформенную эпоху тема дома, семьи приобретает особую смысловую ценность в творчестве русских писателей и на русской сцене. Вполне очевидно, что Некрасов распространяет смысл тематического комплекса на литературное окружение с намерением поддержать художественные искания современников в области национального самобытного искусства.

Стихотворное посвящение Апухтина «Памяти Мартынова» (август или сентябрь 1860) вызвано скорбными обстоятельствами и носит прощальный характер. Общую эмоциональную атмосферу создает интерьерная зарисовка, отчасти напоминающая прощальный спектакль:

С тяжелой думою и с головой усталой
Недвижно я стоял в убогом храме том,
Где несколько свечей печально догорало
Да несколько друзей молилися о *ней* [1, с. 127].

Событийная канва панихиды неожиданно сменяется театральным элементом. Актер оживает в видениях лирического героя-повествователя и раскрывается в своих главных ролях — в комедийных («Он всех собой смешил и так шутил безвредно...» — Лодыжкин из комедии И. Е. Чернышева «Жених из долгового отделения») и драматических («Все поняли они, как тяжело и обидно / Страдает человек в родимом их краю...» — Тихон из драмы А. Н. Островского «Гроза») амплуа.

Сценическое действие взаимодействует со зрительской аудиторией. Последняя же представлена в свойственной Апухтину ролевой манере:

Все зрители твои: и воин, грудью смелой
Творивший чудеса на скачках и балах,
И толстый бюрократ с душою, очерствелой
В интригах мелких и чинах,

И отрок, и старик ... и даже наши дамы,
Так равнодушные к отчизне и к тебе,
Так любящие визг французской модной драмы,
Так нагло лстящие себе... [1, с. 127].

Образный калейдоскоп подчиняется общей эмоции, зрители в конечном счете оказываются особенно восприимчивы к трагической роли актера.

В заключение герой-повествователь подчеркивает главное достоинство актерского мастерства Мартынова. Примечательно, что актерская сущность высвечивается сквозь призму пушкинского начала. Сравним:

А. С. Пушкин:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал [3, с. 460].

А. Н. Апухтин:

Конечно, завтра же, по-прежнему бездушны,
Начнут они давить всех близких и чужих.
Но хоть на миг один ты, гению послушный,
Нашел остатки сердца в них! [1, с. 128].

Подобная параллель служит еще одним подтверждением синтетического характера театрального и поэтического творчества, а также свидетельствует об эстетическом ориентире Апухтина на классический образец пушкинского творчества.

Однако в литературном наследии А. Н. Апухтина есть экспромт, который событийно и по форме соотносится с юбилейным стихотворением Некрасова — «А. Н. Островскому» (18 февраля 1872 года). В этот день «был дан скромный обед в честь А. Н. Островского, на котором этот экспромт зачитывался автором» [4, с. 450]. Поэт демонстрирует виртуозное владение жанром: с фактографической точностью вписывает юбилейную дату («Лет двадцать пять назад спала родная сцена, / И сон ее был тяжек и глубок...» [1, с. 176] — двадцать пять лет с момента первых публикаций драматурга), подчеркивает заслуги Островского перед русским театром («Бесценных перлов ряд театру подаря, / За ним «Доходное» вы утвердили «место», / И наша сцена, вам благодаря, / Уже не «Бедная невеста» [1, с. 176]). Мастерски включая в текст экспромта названия пьес драматурга, Апухтин создает игровую поэтическую форму типа «центон», что в свою очередь соответствовало и настроению торжества.

Игровая манера театральной лирики А. Н. Апухтина во многом сориентирована на литературную традицию первой половины XIX века, а также определяется принципами школы «чистого искусства» (каламбур, легкая ирония, недомолвки и намеки). Игровое поведение в жизни и литературе делает эти области взаимопроницаемыми. Однако близкое литературное окружение, в частности Н. А. Некрасов, побуждали поэта корректировать творческие установки: усиливать фактографичность, насыщать описание деталями, использовать психологические элементы в стихотворении.

Поэтическая манера Н. А. Некрасова в произведениях на театральную тему была продиктована иными творческими принципами («дело прозы — анализ, дело поэзии — синтезис...» [2, XII, кн. 2, с. 167]) и определялась достаточно непростым соотношением поэзии и театра.

Уже в раннем стихотворении «Новости» (Газетный фельетон, 1845) Некрасов сатирически представляет такое типичное явление столичной жизни, как литературный вечер. Намеренно сгущая признаки заурядности и заурядности происходящего, автор развенчивает «новостной» характер события:

Литературный вечер был; на нем
Происходило чтение. Важно, чинно
Сидели сочинители кружком
И наслаждались мудростью невинной
Отставшей знаменитости. Потом
Один весьма достойный сочинитель
Тетрадищу поспешно развернул
И три часа — о изверг, о мучитель! —
Читал, читал и даже сам зевнул... [2, I, с. 28].

Одновременно обстановка заурядности и скуки становится фоном для образа романтического поэта. Он также раскрывается в действии, но с противоположным импульсом:

Их разбудил восторженный поэт;
Он с места встал торжественно и строго,
Глаза горят, в руках тетради нет,
Но в голове так много, много, много...
Рекой лились гремучие стихи,
Руками он махал как иступленный [2, I, с. 29].

В сатирическом образе персонифицирован опыт романтической поэзии с ее аффектированностью, напыщенностью, длиннотами, но и, как нам представляется, опыт *декламационного искусства* романтической эпохи. Визуальные признаки словесного действия («Глаза горят», «руками он махал как иступленный») также передают повышенную эмоциональность поэзии.

Сатирическая трактовка романтического исполнительского искусства не единственный опыт Некрасова. Несколько ранее в статье «Летопись русского театра. 1841 год. Месяц январь» Некрасов неодобрительно отнесся к представлению «лирической сцены» «Гарантелла» (И. П. Мятлева. — *О. П.*): «Впрочем, нам кажется странною мысль — давать на театре лирические стихотворения, хоть бы их читал даже Каратыгин. Первое условие сцены — действие, а в лирических стихах его нет и не может быть. После этого можно ожидать, что нам когда-нибудь прочтут вместо какой-нибудь театральной пиесы целый альманах Владиславлева» [2, XI, кн. 1, с. 258].

В понимании Некрасова театральная тема становится окном в общественно-социальную действительность, что в свою очередь потребовало овладения разными приемами и формами объективации изображения. Среди них востребованной и результативной — и в журналистской деятельности, и в поэтическом творчестве — стала фельетонная форма (сатира «Балет», 1866). Но почти одновременно Некрасов пробует и синтетические жанры, позволяющие совмещать сатирический и драматический элементы. В качестве такого примера можно назвать произведение 1867 года — «Притча о Киселе».

Притчевая форма позволила поэту актуализировать драматические стороны театральной жизни, обусловленные вторжением общественных пороков

(диссонансов). В интерпретации Некрасова наиболее опасным, по сути, губительным для театрального искусства становится процветающее казнокрадство, ловко маскирующееся в условиях непрофессионального руководства. Растворяющее действие казнокрада-секретаря состоит в том, что он поддерживает, с одной стороны, губительную для театра среду обитания — солдафонство Киселя; с другой стороны, манипулирует театрально-общественным сознанием для извлечения собственной выгоды («И все пошло путем известным: / Начнет дурак или подлец, / А вслед за глупым и бесчестным / Поидет и честный наконец», — опасается секретарь [2, III, с. 48]). Латентная театральность образа реализуется в действиях Киселя и театральной общественности, образ секретаря-казнокрада становится пружиной театральной деградации:

Кисель до гроба сценой правил,
Стубил театр — хоть закрывай! —
Свои седины обесславил,
Да не попасть ему и в рай.
Искусство в государстве пало,
К великой горести царя,
И только денег прибывало
У молодца-секретаря... [2, III, с. 50].

Идея губительности и гибели театрального искусства, основанного на фарсе, звучит и в стихотворении Апухтина «Актеры» (1861). Поэт развенчивает сценические маски, лишённые глубины и естественности переживаний:

И мы смеемся надо всем,
Тряся горбом и головою,
Не замечая между тем,
Что мы смеялись над собою! [1, с. 129].

Духовная опустошенность, деградация актера, по мнению Апухтина, становится началом театрального конца: «Одежды сбросив шутовские, / Мы все усталые, больные, / Лениво сходим на крыльцо» [1, с. 130]. В сравнении с Некрасовым, Апухтин максимально вживается в образ актера, использует форму лирического «мы», достигая обобщения и пронзительности лирического переживания. Повествовательный элемент, усиленный перечислением глагольных форм, способствует представлению *судьбы* актера и одновременно фиксирует ее ритмическую монотонность и неизбежность угасания.

Проведенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что Н. А. Некрасов и А. Н. Апухтин, долго пребывая в едином культурном пространстве, проложили и сохранили индивидуальные линии интерпретации театральной темы. Так, вполне очевидно, что Некрасов усиливает в театральной сфере общественно-социальное звучание, тогда как его современник Апухтин черпает в этой сфере новые возможности для творческого самовыражения, привлекает импульсы драматического переживания эпохи, действительности.

Список литературы

1. Апухтин А. Н. Полное собрание сочинений / вступ. ст. М. В. Отрадина; сост., подг. текста и примеч. Р. А. Шацевой. Л.: Сов. писатель, 1991. 448 с.
2. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981—2001. Т. 1. 1981. 719 с.
3. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1977—1979. Т. 2. 1977. 399 с.
4. Театр в русской поэзии: в 2 т. / авт.-сост. М. В. Хализева; предисл. и послесл. В. М. Гаевский. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2007. Т. 1. 2007. 496 с.

УДК 94(410) "16/17":327
ББК 63.3(4Вел)51-64
DOI: 10.46726/Н.2021.1.7

В. А. Евсеев

СПЕЦИФИКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АНГЛИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГЕРМАНСКИМ КНЯЖЕСТВАМ НА РУБЕЖЕ XVII—XVIII ВЕКОВ

Статья посвящена рассмотрению политики Англии к различным княжествам Германии на рубеже XVII—XVIII веков. Британия для борьбы со своим главным соперником в Европе — Францией устанавливает достаточно успешную систему союзов с германскими княжествами, которые носили временный характер.

В основном почти все договоры имели военно-политическую направленность, а экономические статьи были очень редким исключением.

Главным рычагом управления политикой германских государств были финансовые ассигнования английского правительства немецким князьям на аренду их войск для борьбы с Францией. Этот аспект стал одной из характерных черт британской внешней политики в Европе уже с самого начала XVIII века.

Следует отметить трансформацию англо-германских отношений с приходом на английский трон Ганноверской династии. Происходит некоторая смена приоритетов. После 1714 года Великобритания уже четко ориентируется на одно из самых влиятельных княжеств в Германии — Пруссию. Возвышение этого княжества и превращение его в королевство после войны за испанское наследство и его возрастающее влияние в германских землях делают это государство желанным союзником для Британии. Георг I пытается установить более тесные связи с прусским королем, чтобы удовлетворить территориальные претензии его вотины — Ганновера. Английское правительство видит в этом союзе с Пруссией выгодные перспективы для увеличения политического влияния Британии в германских землях.

Ключевые слова: внешняя политика Англии, рубеж XVII—XVIII веков, германские княжества, финансовые ассигнования, Пруссия.

V. A. Evseev

THE SPECIFICS OF ENGLAND'S FOREIGN POLICY IN RELATION TO THE GERMAN PRINCIPALITIES AT THE TURN OF THE XVII AND XVIII CENTURIES

This article is devoted to the investigation of England's policy to different principalities of Germany at the turn of XVII—XVIII centuries. France — the main opponent of Britain in Europe — in order to restrain British influence in Europe created a successful system of alliances with different principalities of Germany. However, these alliances were temporary, had a military and political orientation, whereas economic articles were very rare exceptions.

The main instrument Britain used in dealing with German states was the financial allocations to the German princes to make their troops fight France. This aspect has become one of the hallmarks of British foreign policy in Europe since the beginning of the XVIII century.

It is worth noting the transformation of Anglo-German relations with the House of Hanover ascending to the throne. There is some change of priorities. After 1714, Great Britain is already clearly oriented to one of the most influential principalities in Germany — Prussia. The rise of this principality and its transformation into the kingdom after the war for Spanish heritage and its growing influence in German lands make this state a welcome ally for Britain. Prussia became the main ally of England in Germany.

Key words: foreign policy of England, the turn of the XVII—XVIII centuries, the German principalities, financial allocations, Prussia.

Конец XVII — первая четверть XVIII века является важной вехой в борьбе Британии за политическое влияние в международной политике того времени. В этот период времени закладывается основа ее будущего могущества. Вступая в союзы, как с влиятельными, так и с второстепенными европейскими странами, Британия стремилась усилить свое политическое влияние на европейском континенте.

При Карле II и его брате Якове II английская внешняя политика в значительной степени была под влиянием внешнеполитического курса французского короля Людовика XIV. Но после Славной революции 1688 года положение меняется. С воцарением на английском престоле Вильгельма Оранского происходят коренные изменения во внешней политике страны. Англия превращается в лидера в борьбе против Людовика XIV.

Политика Вильгельма III была направлена на активное вмешательство в европейские дела. Его преемница на престоле королева Анна и первый король из династии Ганноверов — Георг I тоже тяготел к подобной политике, ибо в силу своего статуса курфюрста Ганновера был заинтересован в защите политических интересов своего княжества, находившегося в центре Германии.

Однако, кроме геополитических аспектов, в английской политике в отношении германских княжеств имелись и экономические интересы. Германия благодаря своим размерам и богатым природным ресурсам была выгодным торговым партнером для ведущих европейских держав. Англия занимала первое место среди европейских стран по количеству товаров, импортируемых и экспортируемых в Германию в начале XVIII века. Импорт из Германии в среднем за 1700—1702 годы составил 732 тыс. фунтов стерлингов в год, а экспорт — 779 тыс. фунтов стерлингов [9, p. 210—211]. Товаров на такую сумму Англия в начале века ввозила только из своих колоний. Торговые связи Британии с Германией в начале XVIII в. были достаточно прочными.

История внешней политики Британии конца XVII — первой четверти XVIII века нашла отражение в достаточно большом количестве трудов как отечественных, так и зарубежных авторов. Это фактически отдельная тема исследования. В значительной степени историографические аспекты этой проблемы рассмотрены в соответствующих разделах в ряде работ современных российских исследователей — А. Б. Соколова, Л. И. Ивониной, Е. А. Сорокиной [3, 5, 6]. Труды указанных авторов рассматривают в целом внешнюю политику Англии в Раннее Новое время. Однако конкретных исследований по теме германской политики Англии на рубеже XVII—

XVIII веков нет. Задачей данной статьи является рассмотрение внешнеполитического курса Англии в отношении германских княжеств от эпохи Славной революции и до начала правления династии Ганноверов, а также выявление особенности этой политики в обозначенный период.

Взойдя на английский престол, Вильгельм Оранский стал проводить активную внешнюю политику в Европе, желая оказать как можно более сильное противодействие гегемонистским планам Людовика XIV. Поэтому правительство Вильгельма III начинает срочно создавать систему союзов с германскими княжествами, направленных против Франции. Нуждаясь в сухопутных силах, английское правительство стало прибегать к вербовке солдат за границей. В их числе оказались и германские княжества.

Еще в 1691 году Англия вступает в союз с Баварией, Майнцем, Брауншвейгом. В 1694 году к данному союзу присоединяется Саксония. Союз германских князей и английского короля был трехсторонним, к договору также присоединился император Священной Римской империи. Союз носил оборонительный характер, направленный против третьей страны, которая будет угрожать военной силой Англии или императору. Немецкие князья, участники данного договора, обязались поддержать Англию и Австрию в войне против Франции, а в случае войны князья обязались поставить своим союзникам ограниченный военный контингент сухопутных войск. За участие в договоре Бавария, Майнц, Брауншвейг и Саксония получали денежные субсидии от Англии. В августе 1695 года к данному договору присоединилась Голландия [10, vol. 2, p. 341—342]. Договор между Англией и герцогом Брауншвейга имел тайную статью: герцог заключал договор о дружбе и поддержке с Англией с одной стороны, а Британия со своей стороны должна была поддерживать герцога перед императором и помочь ему стать курфюрстом [там же]. Благодаря поддержке Вильгельма III, герцог Брауншвейг-Люнебургский становится в 1692 году курфюрстом Ганновера [2, т. 1, с. 235]. В 1694 году Британия и Саксония заключили отдельный договор о взаимной поддержке в случае войны с третьей страной; Саксония обязалась выставить 6 тыс. солдат для поддержки Англии. За этот договор правительство Англии выплатило Саксонии 50 тыс. фунтов стерлингов одновременно, большую часть Британия должна была выплатить в случае участия саксонских войск в военных действиях на стороне Англии [там же]. Саксония и Брауншвейг становятся в Германии надежными союзниками Англии благодаря данным соглашениям. Что касается Баварии, то ее правительство ведет параллельные переговоры с Францией, надеясь на более выгодные денежные субсидии с ее стороны. Надо сказать, что Людовик XIV не скупился на денежные ассигнования для немецких князей за их военную и политическую поддержку: французское правительство выплатило в общей сложности немецким князьям к 1704—1705 годам более 2 млн экю [1, с. 257].

В марте 1701 года Баварский курфюрст вступает в переговоры одновременно с Францией и Англией. Правительства Британии и Франции не знали, что Бавария ведет переговоры одновременно с обоими государствами. В итоге, Бавария склоняется к союзу с Францией. Союз этот был заключен еще в начале 1702 года, т. к. Франция предложила более щедрые денежные ассигнования [10, vol. 2, p. 401]. Союз был заключен тайно от Англии. Официально союз Баварии и Франции был оглашен лишь в июне 1702 года [4, с. 144—145].

Англия, лишившись поддержки Баварии, усиленно ищет союза с другими немецкими княжествами. В 1701 году, в рамках Великого Союза, Англия вступает в союзнические отношения с другими как крупными, так и мелкими княжествами Германии. В феврале 1702 года Англия подписала договор с Пруссией, одним из крупнейших германских княжеств, которое в 1701 году стало королевством, в апреле 1702 года был заключен договор между Англией и Волфенбателем, в июне 1702 года к договору присоединились правители Трира, архиепископ Майнца и маркграф Бранденбурга подписали договор с Британией 24 июня 1702 года. В августе 1702 года к этому договору присоединился герцог Вюртембергский, епископ Мюнстера подписал договор с Британией 18 марта 1703 года. В сентябре 1703 года к договору присоединился герцог Мекленбурга. В 1703 году договор с Англией подписали также правитель Гессена, герцоги Гольштейна, Сакс-Готта [11, vol. 1, p. 326]. Эти договоры должны были обеспечить Англии политическую поддержку в Центральной Европе в случае войны с третьей страной. По ним Британия получала контингент сухопутных войск германских княжеств на время войны с Францией. Британия обязалась вернуть армии на родину сразу же после окончания военных действий. Договоры не предусматривали торговых привилегий для английских купцов на территории данных владений. Все они носили военно-оборонительный характер.

Самым важным союзником Англии на территории Германии становится Прусский король Фридрих I (до 1701 году курфюрст Фридрих III). Он обязался поставить Англии и Австрии для войны с Францией более 30 тыс. солдат, практически всю армию Пруссии. Взамен он потребовал территориальных приращений для своего королевства после окончания войны за испанское наследство. Кроме того, Фридрих желал, чтобы королева Анна гарантировала его титул короля перед другими князьями Германии. Новоявленный прусский король желал, чтобы Англия и Империя оказали давления на ряд германских князей, которые к 1702—1703 годам так и не признали за Фридрихом титул короля Пруссии. Таковыми были курфюрст Саксонии Август, герцог Вюртемберга и ряд других княжеств [11, vol. 1, p. 325, 327].

Англия заключила в 1702 году также договор с ландграфом Гессель-Касселля о военной поддержке и поставке войск, за что ландграф получил от Англии 50 тыс. талеров [10, vol. 2, p. 116].

После вступления Англии в войну за испанское наследство правительство королевы Анны стремится к расширению новых союзов с германскими князьями. Теперь сюда примешиваются и коммерческие интересы Англии. В парламенте в 1702—1704 годах возникают дискуссии по поводу альянса Британии и германских княжеств. В начале войны за испанское наследство тори и виги считали политический союз германских княжеств и Англии очень важным для Британии. Единственное, что не устраивало тори, это отсутствие торговых договоров между указанными княжествами и Англией [14, vol. 1, p. 371—372]. Правительство королевы Анны тоже беспокоило торговые интересы страны в Германии, тем более что во время войны за испанское наследство торговые связи Британии с германскими землями несколько ослабли. Импорт и экспорт Германии в Англию в 1704—1708 годах снизился на 14 % [9, p. 377]. Но решить данную проблему было не так легко: германские княжества были бедные, и их князья жили за счет продажи своих мужчин в солдаты для других государств. Это ослабляло их экономику. Из всех

княжеств по экономическому развитию на первом месте стояла Саксония. Крупнейший торговый центр Германии — Лейпциг находился в Саксонии. Англия идет на сближение именно с этим княжеством в начале XVIII века. Кроме Саксонии, большую роль в экономике Германии играли так называемые «вольные» города, их правительства не были заинтересованы в политическом союзе, ибо они жили за счет оживленной торговли с другими странами.

Англия после 1704 года стремится заключить также торговые договоры с имперскими городами и княжествами Германии. В марте 1703 года она заключает новый договор с Саксонией, который подтверждал союзнические обязательства Саксонии перед Британией. Однако в это время армия саксонского герцога была задействована в Северной войне, и герцог Август не мог отправить своих солдат Англии и Нидерландам в полном объеме. Договор с Саксонией от 1703 года также включал статью, которая подтверждала торговые привилегии британских купцов в Саксонии [11, vol. 1, p. 331]. В декабре 1703 года Британия заключает конвенцию с князем Брауншвейгским, по которой он должен увеличить контингент своих войск для Англии за границей. За это правитель Брауншвейга получает дополнительные ассигнования от Британии [11, vol. 1, p. 333]. Примерно в это же время правительство Голландии просит Англию увеличить свои сухопутные войска во Фландрии. Это вынуждает английское правительство просить у парламента утвердить новые ассигнования на увеличение численности британской армии за границей. Парламент в декабре 1703 года утверждает увеличение ассигнований на содержание сухопутной армии во Фландрии [14, vol. 1, p. 402—404]. Эти обстоятельства стимулируют правительство королевы Анны на заключение новых соглашений с германскими князьями. В ноябре 1704 года Англия заключает договор с Пруссией, которая по данному новому соглашению передает Англии 4 тыс. солдат в наем на год. Кроме денежного вознаграждения за это Фридрих I в секретной статье договора потребовал от Британии гарантировать ему право на часть германских территорий после окончания войны. Англия в секретной статье гарантировала Пруссии поддержать ее требования в установлении послевоенных границ перед императором. Кроме того, секретная часть договора Фридриха I и Анны включала статью на гарантию свободной торговли английских купцов в Пруссии, за это Англия обязалась выплатить Пруссии единовременно около 150 тыс. крон [13, p. 108]. Договор с Пруссией противоречил интересам Голландии, которая претендовала на Верхний Гельдерн в случае поражения Франции и Испании в войне, поэтому ряд его статей держались в тайне до конца 1705 года. В конце 1704 года Англия подтверждает договоры с другими своими союзниками в Германии: с Триром, Брауншвейгом, Гессеном [13, p. 109]. Данные соглашения не приносили ничего нового в отношения между этими княжествами и Британией. Последняя была заинтересована в увеличении численности своих войск на континенте, и германские княжества наращивали поставку своих солдат для Британии. В 1705 году Англия заключает конвенцию с Ганновером, которая носила оборонительный характер. Курфюрст Ганновера поставлял Англии своих солдат, за что британское правительство выплачивало ему около 20 тыс. крон. Договор был рассчитан на год, через год армия возвращалась в Ганновер [13, p. 109].

В 1706 году Англия и Голландия заключают конвенцию с правителем Палатина (Пфальца). Парламент Англии ратифицировал данный договор в мае 1706. Правитель данного княжества сдавал Голландии и Англии в наем

почти всю свою армию. Договор не включал статей, касающихся торговли или экономического сотрудничества между княжеством и Британией [10, vol. 2, p. 195].

Совсем другого рода был договор между Англией и вольным городом Данцигом, заключенный в октябре 1707 года. Это соглашение было о торговле и взаимном сотрудничестве. Данциг подтверждал торговые связи с Британией, которые были установлены еще в XVII веке Восточной (Балтийской) компанией. Кроме того, Данциг гарантировал Англии политическую поддержку против Франции [8, vol. 1, p. 100]. Основные статьи договора касались обоюдных экономических интересов обоих государств.

Это был единственный договор, заключенный между германскими землями и Англией в это время, который касался в основном коммерческих интересов обеих сторон. Большинство договоров, которые заключала Англия с германскими правителями в 1690—1707 годах, были направлены на политическое и военное сотрудничество.

Данные договоры с германскими князьями не всегда вызывали одобрение парламента и общественности. Известный английский публицист и писатель Джонатан Свифт, например, осуждал практику вигского правительства нанимать солдат в Германии. Свифт утверждал, что германские князья действовали как шантажисты, так как требовали за участие в войне на стороне Англии и Империи субсидий от английского правительства. Он считал, что они должны были безвозмездно помогать императору, как главе Священной Римской империи [15, vol. 6, p. 56, 58]. Действительно, договоры с германскими князьями фактически лишь устанавливали цену за «кровь подданных». Из всех этих договоров следует выделить договоры с Пруссией. В них речь шла о более крупном контингенте войск, чем в договорах с другими князьями, кроме того, прусский король гарантировал ряд торговых привилегий для английских купцов. За участие практически всей армии Пруссии в военных действиях на стороне Англии и Империи (более 30 тыс. чел.), а также за торговые привилегии для английских купцов в Пруссии, Британия признавала по вышеназванным договорам с Пруссией ее право на Верхний Гельдерн, Кельн и часть Баварии.

По мнению английских парламентариев «использование немецких солдат спасает кровь британских подданных, что отвечает выгоде страны» [12, vol. XV, p. 456]. Тори в 1707 году, хотя были и не вполне довольны выплатами германским князьям, придерживались мнения, что лучше платить «чужим подданным», чем позволить умирать англичанам [там же].

После 1707 года Англия заключает договоры с еще рядом княжеств Германии, как правило, эти договоры повторяют уже заключенные Британией с правителями Германии между 1702 и 1707 годами.

В 1708 году Англия заключает договор с Ганновером, это курфюршество снова сдавало в наем Британии своих солдат сроком на один год. В феврале 1709 года подобный договор был заключен между Англией и Саксонией, которая к этому времени вышла из войны со Швецией. По данному договору Саксония поставляла войска правительству Британии до мая 1710 года. Англия же обязалась выплатить 35 тыс. крон единовременно саксонскому курфюрсту и остальную часть денег выплачивать каждый год до возвращения войск на родину [13, p. 211].

В марте 1709 года Англия и Голландия подписывают новый договор с Пруссией. Данный договор подтверждал предыдущие договоры с Пруссией,

и продлял использование прусских войск Англией и Голландией до начала 1710 года [там же]. Но в октябре 1709 года Англия и Голландия заключают так называемый «первый договор о барьере». По нему Англия признавала за Голландией право на Верхний Гельдерн, что шло вразрез с ее договорами с Пруссией. Данный договор носил секретный характер. Узнав о нем, король Пруссии грозил разорвать союзные отношения с Англией и выйти из войны. Отношения между Англией и Пруссией наладились с большим трудом.

В 1709—1710 годах Англия вновь подписывает договор с правителем Трира, который гарантировал участие его солдат в войне до ноября 1710 года. В ноябре Англия подписывает договор с герцогом Брауншвейгским: договор подтверждает политическое и военное сотрудничество Англии и данного герцогства; по нему солдаты Брауншвейга остаются в сухопутной армии Англии и Голландии до 1710 года. В начале 1710 года подобный договор был заключен и с Саксонией [13, р. 234].

К 1710 году в общественном мнении Англии уже сформировалось негативное отношение к войне за испанское наследство. Поэтому парламент, отражая эти настроения, считал, что правительство тратит слишком много средств на содержание иностранных войск. Тем не менее, в 1710—1712 годах Англия продолжает заключать договоры с германскими князьями о дальнейшем использовании их армий в борьбе с Людовиком XIV. Осенью 1710 года подобный договор заключается с Брауншвейгом, а в январе 1712 года с Саксонией. Оба договора заключены на 1 год [13, р. 238].

Все договоры Англии с германскими правителями с 1701 года и до смерти королевы Анны носили трехсторонний характер: Англия, Голландия и тот или иной германский правитель. Двусторонними были только договоры с ганноверским курфюрстом и Данцигом (1707 г.) Обращает на себя внимание сходство в текстах этих договоров. В них определено количество войск, которое должен поставить тот или иной германский правитель, и сумма, которая за это выплачивалась Англией и Голландией. В одних случаях сумма определялась по количеству солдат, например, в договоре с герцогом Сакс-Готским 70 крон за драгуна, 25 крон за пешего воина. В других договорах названа общая сумма и время пребывания солдат за границей, а также сроки выплаты суммы. Например, по договору с курфюрстом Палатина (Пфальца), ему сразу выплачивалось 40 тыс. крон единовременно и ежемесячно, учитывая пребывание солдат за рубежом, еще 2,5 тыс. крон. Договор с Пруссией отличался от других договоров с немецкими княжествами. Речь в нем идет о значительном контингенте войск, соответственно и выплат было значительно больше. Речь шла о 300 тыс. крон, половину из которых выплачивала Англия, половину Голландия. Это не единственное отличие договора с Пруссией от других договоров с германскими правителями. Другое отличие, на наш взгляд, более существенное. Ряд статей договоров Англии и Пруссии говорят о ее территориальных претензиях: на Верхний Гельдерн, часть Баварии и Кельн. Британское правительство брало на себя обязательства добиться от союзников передачи данных территорий Пруссии. В договорах с другими германскими князьями речь о территориальных претензиях с их стороны не велась. Из общей массы договоров можно выделить договоры с Саксонией и Пруссией, так как в них Англия оговаривала свои торговые интересы в Германии.

Несмотря на то, что Англия, подписывая договоры с германскими правителями, поддерживала своих основных союзников (Голландию и Империю),

часто она пыталась извлечь из них выгоду только для себя. Об этом говорят ее договоры с Пруссией и Саксонией, которые включали секретные статьи о преимуществах британской торговли в данных землях.

Особняком стоит договор между Данцигом и Англией от 1707 года. Как уже было сказано, это единственный договор за указанный период, в котором на первом месте стоят не политические, а экономические интересы страны в германских землях.

После окончания войны за испанское наследство Англия уже более не нуждалась в услугах немецких наемников, и они были возвращены обратно в свои княжества. Казалось, что сейчас внешняя политика Британии в германских княжествах будет менее активна. Однако теперь на германскую политику Великобритании влияет династический фактор.

После смерти королевы Анны к власти в Англии приходит династия из Ганновера, и германское направление становится гораздо более важным фактором во внешней политике страны, нежели при Вильгельме и Анне. Интересы Ганновера и их защита становятся одним из ведущих факторов внешней политики новой английской династии в отношении Германии.

В свою очередь других мелких немецких князей не мог не беспокоить тот факт, что ганноверский курфюрст стал королем одной из самых влиятельных и богатых стран Европы. Это автоматически означало увеличение влияния Ганновера в Германии. Теперь это княжество могло рассчитывать на безусловную поддержку Англии во всех спорах с другими немецкими князьями.

Георг I начинает проводить активную политику в германских землях. Первым договором, который заключило его правительство с германскими княжествами, была конвенция с герцогом Волфенбюттеля. Данный договор был заключен в августе 1717 года и был рассчитан на 1 год до августа 1718 года. Конвенция включала в себя договор о дружбе и вербовку солдат в Волфенбюттеле для нужд английского правительства [7, vol. 2, p. 254]. Несмотря на окончание войны и заключения союзного договора с Францией, Англия опасалась агрессии со стороны третьей державы. Не имея собственной значительной сухопутной армии, английское правительство вынуждено было вербовать солдат за границей не только во время войны, но иногда и в мирное время.

В 1719 году Англия заключает торговый договор с Гамбургом, договор касался торговли сельдкой и правил ее перевозки из Германии в Британию. Договор регламентировал торговлю рыбой между Лондоном и Гамбургом. Данный документ касался только торговли и не включал никаких статей о политическом союзе [8, vol. 1, p. 289]. В этом же году был заключен договор между Пруссией и Англией. Он был заключен летом 1719 года. Договор включал две секретные статьи, смысл их сводился к тому, что Пруссия становилась союзником Ганновера в Германии и обязывалась поддержать требования Георга на ряд немецких территорий, которые в это время принадлежали Швеции. Англия в свою очередь тоже в одной из статей договора гарантировала поддержку Пруссии в ее притязаниях в германских землях [13, p. 250]. По данному договору Пруссия становилась главным союзником Англии на территории Германии.

После окончания войны за испанское наследство и налаживания отношений с союзниками (Голландией и Священной Римской империей) Англия более не нуждалась в сухопутной армии на континенте. Последние наемники были в 1718 году возвращены в Германию, и войска мелких германских

княжеств были уже не нужны. Приоритеты теперь по отношению к ним изменились. Ганновер становится достаточно мощным орудием британского влияния в немецких землях. С одной стороны, внешняя политика Англии в Германии была направлена на защиту интересов этого владения английских королей, а с другой стороны, в возвышении Ганновера в германских землях. Английские политики видели в нем плацдарм для увеличения влияния самой Великобритании в данном регионе Европы. Поэтому Лондон в это время стремится к стратегическому союзу с одним из самых влиятельных государств Германии — Пруссией. Тем не менее, как таковой союзный договор между Пруссией и Британией в этот период заключен не был. Договор 1719 года касался лишь поддержки взаимных претензий сторон на территории Германии и военного союза во время войны с третьей державой.

В 1723 году состоялись новые переговоры между Пруссией и Англией. По их итогам в октябре этого же года был подписан новый договор между Англией и Пруссией [13, р. 297]. Этот договор включал две секретные статьи и имел стратегический характер. Стороны подтверждали взаимные обязательства о поддержке территориальных претензий к Швеции и ряду мелких германских княжеств, стороны также обязались поддерживать друг друга перед другими немецкими властителями. Пруссия в одной из статей еще раз подтверждала торговые привилегии Британии в своей стране. Данный договор был дальнейшим шагом к сближению Пруссии и Британии.

В 1725 году между Англией и Пруссией был подписан новый договор, который фактически устанавливал союз между двумя государствами. Это был первый договор такого уровня между двумя этими странами. Все договоры, подписанные ранее, носили кратковременный характер и были рассчитаны на период от 1 года до 3 лет. Новый договор был подписан лично Георгом I и прусским королем 3 сентября 1725 года в Ганновере и был рассчитан на 15 лет (до сентября 1740 года). Данный договор был трехсторонний, к нему присоединился король Франции Людовик XV. Этот союз носил оборонительный характер и был направлен против любой третьей страны, которая могла быть угрозой для вышеперечисленных государств [11, р. 274]. Договор включал секретную статью, которая устанавливала, что прусский король вполне может стать главным государем в Германии. Данная статья была косвенно направлена против Карла VI, который был главой Священной Римской империи. Поэтому эта статья договора 1725 года между Англией и Пруссией долгое время держалась в тайне, так как австрийский император был в это время союзником Британии.

Так в первой четверти XVIII века начинается сближение Пруссии и Англии, которое продолжается и после смерти короля Георга I. Данное сближение, на наш взгляд, имело целью увеличение влияния британской политики в германских княжествах.

Договоры с другими княжествами для английской политики были лишь временными и, как было показано, в них не ставились далеко идущие цели.

Подводя итоги, можно констатировать, что Англия в конце XVII — начале XVIII века для борьбы со своим главным соперником в Европе — Францией, в лице Людовика XIV, устанавливает достаточно успешную систему союзов с германскими княжествами, которые носили временный характер. В основном почти все договоры имели военно-политическую направленность, а экономические статьи были очень редким исключением, в частности, торговый договор с Данцигом.

Главным рычагом управления политикой германских государств были финансовые ассигнования английского правительства немецким князьям на аренду их войск для борьбы с Францией. Этот аспект стал одной из характерных черт британской внешней политики в Европе уже с самого начала XVIII века.

Следует отметить трансформацию англо-германских отношений с приходом на английский трон Ганноверской династии. Происходит некоторая смена приоритетов. После 1714 года Великобритания уже четко ориентируется на одно из самых влиятельных княжеств в Германии — Пруссию. Возвышение этого княжества и превращение его в королевство после войны за испанское наследство и его возрастающее влияние в германских землях делают это государство желанным союзником для Британии. Георг I пытается установить более тесные связи с прусским королем, чтобы удовлетворить территориальные претензии его вотчины — Ганновера. Но не следует думать, что англо-прусское сближение 1717—1720-х годов было выгодно лишь «ганноверской партии», английские правящие круги видят в этом союзе выгодные перспективы для увеличения политического влияния Британии в германских землях.

Список литературы

1. Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М.: Международные отношения, 1991. 380 с.
2. Германская история в новое и новейшее время. М.: Наука, 1970. Т. 1. 510 с.
3. Ивонина Л. И. Дипломатия и революция. Смоленск, 1998. 278 с.
4. Ивонина Л. И. Формирование коалиции европейских государств против Франции накануне и в начале войны за испанское наследство // Проблемы истории международных отношений в Новое время. Смоленск: СГПУ, 2002. С. 134—150.
5. Соколов А. Б. Правь Британия морями? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. Ярославль: ЯГПУ, 1996. 190 с.
6. Сорокина Е. А. Внешняя политика Англии в конце XVII — первой четверти XVIII в. в Центральной, Восточной и Северной Европе: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2003. 24 с.
7. A General Collection of Treaties, Declarations of war, manifestoes and other public relating to peace and war. L., 1732. Vol. 2. 560 p.
8. Chalmers G. A Collection of Treaties between Great Britain and other powers. L., 1790. Vol. 1. 593 p.
9. Davies R. The Rise of the English shipping Industry in the 17-th and 18-th centuries. L.: Macmillan, 1962. 427 p.
10. Dumont J. Corps universal diplomatique du droit des gens: contenant un recueil des traites d'alliance, de paix... faitsen Europe depuis la regne de l'Empereur Charlmagne jusques a present: in 8 vol. Amsterdam, 1726—1731. Vol. 2. 366 p.
11. Jenkinson C. A Collection of all treaties of peace alliance and comers between Great Britain and other powers (1648—1783): in 3 vol. Liverpool, 1785. Vol. 1. 413 p.
12. Journals of the House of Commons. 1705—1707. L., 1803. Vol. XV. 683 p.
13. Myers D. P. Manuel of collection of treaties and of collections relating to treaties. Cambridge: Mass, 1922. 685 p.
14. Parliamentary Papers. L., 1797. Vol. 1. 298 p.
15. The prose Works of J. Swift. L., 1903. Vol. 6. 345 p.

УДК 929.6

ББК 63.215(2)-2

DOI: 10.46726/И.2021.1.8

*А. А. Корников***СТАРИННЫЕ ГЕРБЫ ГОРОДОВ ГУБЕРНИЙ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ**

Статья посвящена исследованию дореволюционных гербов городов трех регионов Верхней Волги — Владимирской, Костромской и Ярославской губерний. Рассказывается о процессе разработки, утверждения данных гербов, выделяются основные группы городских гербов, приводятся их количественные показатели. Анализируется символика городских гербовых эмблем. Показывается влияние дореволюционных гербов на современную муниципальную геральдику.

Ключевые слова: российская геральдика, городские гербы, символика городских эмблем, геральдические традиции.

*А. А. Kornikov***OLD COATS OF ARMS OF THE CITIES
OF THE UPPER VOLGA PROVINCES**

The article is devoted to the study of pre-revolutionary coats of arms of some cities in three regions of the upper Volga area — the provinces of Vladimir, Kostroma and Yaroslavl'. The process of developing and approving of their coats of arms is described, some groups of city coats of arms are specified, their quantitative indices are presented. The article analyzes the symbolism of urban emblems. The influence of pre-revolutionary coats of arms on modern Russian urban heraldry is shown.

Key words: Russian heraldry, urban coats of arms, symbols of city emblems, heraldic traditions.

Интереснейшими источниками по отечественной истории служат гербы — эмблематические изображения, составленные по определенным правилам и утвержденные верховной властью. Губернские, областные, наместнические и провинциальные гербы рассказывают об истории, достопримечательностях, промыслах, географическом положении, происхождении названий этих территорий, о событиях далекого прошлого. Особую группу территориальных гербов составляют гербы городов и посадов. Такие гербы, возникшие в эпоху средних веков, не только рассказывали об истории этих городов, но и символизировали их права, независимость от власти светских и духовных феодалов [27, с. 13].

Целью данной статьи является анализ происхождения и символика дореволюционных городских гербов трех регионов Верхней Волги — Владимирской, Костромской и Ярославской губерний. Выбор именно этих регионов далеко не случаен, так как их территория является историческим центром России. Данная тема имеет значение и с точки зрения краеведения нашей Ивановской области, так как до революции 1917 года наш край входил

в состав данных губерний. Таким образом, старинные городские гербы этих губерний являются символами не только всей России, но и Ивановского края. Изучение дореволюционных городских гербы указанных губерний имеет значение и с точки зрения понимания современной муниципальной геральдики, поскольку эти гербы оказали влияние на разработку эмблем современных муниципий областей Верхней Волги.

Научная актуальность поставленной проблемы обуславливается отсутствием глубоких и исчерпывающих исследований по данной теме. Имеется лишь небольшое количество исследований, которые анализируют происхождение эмблем отдельных городов [25, с. 5—16; 30, с. 1—79]. Но чаще всего встречаются работы, которые в популярной форме рассказывают об истории городских гербов тех или иных регионов [5, с. 22; 13, с. 18; 24, с. 69].

Вначале остановимся на вопросе о времени появления городских гербов в России. В Западной Европе городские гербы появились в конце XIII — начале XIV века [27, с. 13]. Несколько иначе ситуация выглядела в России. Еще в домонгольский период в нашей стране имелось множество удельных княжеств с большим количеством городов. Существовали некоторые эмблемы, которые могли развиваться в гербы. Но в силу целого ряда причин развитие российской городской геральдики пошло иным путем, чем в странах Западной и Восточной Европы. По вопросу о времени появления первых городских гербов в России в литературе было высказано несколько точек зрения [28, с. 11—37]. Комплексный анализ имеющихся письменных, вещественных (сфрагистических и нумизматических) памятников показывает, что о российских городских, как и земельных гербах, можно говорить не ранее конца XVII века. В полной же степени институт городского герба утвердился в России в третьей четверти XVIII века [28, с. 67].

Первое упоминание о городском гербе в российском законодательстве относится к 1692 году, когда в одном из указов Петра I и его соправителя Ивана V было предписано Ярославской приказной избе использовать ярославский герб [12, с. 142, № 1444].

Однако начало процесса введения городских гербов относится к 1720-м годам. Это было связано с общим реформированием Петром I центральных и местных учреждений. Вместе с тем необходимо отметить, что разработка и создание городских гербов приобрела массовый характер уже во время правления Екатерины II и было связано с проводившейся в 1770-х годах реформой местного управления. В частности, в 1778—1781 годах создаются Владимирское, Костромское и Ярославское наместничества. В связи с созданием новых административно-территориальных единиц разрабатываются и гербы входивших в них уездных городов.

Организацией работы по созданию гербов, в том числе и городских, в России занималась Герольдмейстерская контора, созданная в 1722 году при Сенате. Чиновники конторы рассылали специальные анкеты по городам, где просили дать сведения о его истории, достопримечательностях, экономике, флоре, фауне и т. д. Затем на основе полученных сведений составлялись проекты гербов, утверждавшихся потом императором. Кто занимался разработкой и созданием гербов в 1778—1781 годах? В данный период Герольдмейстерскую контору возглавлял действительный статский советник А. А. Волков, его заместителем был коллежский советник И. И. фон Энден. Художественная часть при разработке гербов выполнялась живописцами А. Бутковским, И. Шавриным и А. Шерстнёвым [26, с. 99—111; 2, с. 140—144].

Чем руководствовались чиновники и художники из Герольдмейстерской конторы при создании гербов? К началу разработки рассматриваемой группы гербов Герольдмейстерская контора утвердила общую композицию составления местных гербов. По предложению И. И. фон Эндена гербовый щит городского герба стал делиться на две части. В верхней части изображали герб или часть герба наместничества или губернии. А в нижнюю часть вводили собственно городскую эмблему. Несмотря на то, что эта композиция противоречила правилам геральдики, она была закреплена специальным сенатским указом и стала общепринятой в российской городской геральдике до середины XIX века [15, с. 830, № 14884]. В 1857 году по предложению заведующего гербовым отделением департамента герольдии Сената барона Б. В. Кёне было решено располагать губернский герб не в верхней части, а в вольной, т. е. в прямоугольном квадрате, располагавшемся в правой или левой части верхней половины щита [20, с. 581, № 32037]. Однако это предложение не было полностью реализовано до 1917 года. Поэтому в дореволюционных изданиях мы чаще встречаем гербы рассматриваемой группы в таком виде, в каком их утвердили в 1778—1781 годах.

В 1770-х годах имелись не только специальные законодательные акты, которые регламентировали деятельность Герольдмейстерской конторы и герольдмейстера, но также утвердились общие подходы в выборе городских эмблем. В именном, данном из Сената, указе Герольдмейстерская контора сформулировала их следующим образом: «Герольдмейстерская контора... предполагая себе в правило, чтобы в оных (в гербах. — *А. К.*) означить первое: милость ее императорского величества к сим сведениям; второе: чтобы обстоятельства, или промыслы оных изобразить, которые сочиняя при сём, на апробацию Правительствующему Сенату предлагает» [14, с. 469, № 13780].

Таким образом, гербовый щит большинства городов (кроме «старых» гербов, т. е. составленных ранее) делился горизонтально на две равные части. В верхней части помещался герб наместничества, указывавший на административную принадлежность города, а в нижней — индивидуальные эмблемы, которые символизировали географические, природные, экономические, исторические и иные особенности данного города.

Несколько слов необходимо сказать о категории так называемых «старых» гербов. К ним относят гербы, разработанные до начала 1770-х годов [26, с. 209—219]. На рассматриваемой нами территории к этой категории гербов можно было бы отнести следующие гербы. Во-первых, это старые земельные гербы, зафиксированные еще в «Титулярнике» 1672 года — первом гербовнике Русского государства. К ним относятся владимирский лев в короне с раскрытой пастью и высунутым языком, держащий передними лапами длинный крест; ярославский медведь, держащий передней лапой протазан (алебарду); ростовский серебряный олень с золотым ошейником [22, с. 81, 93].

Во-вторых, это гербы, созданные основателем российской геральдики товарищем (заместителем. — *А. К.*) государственного герольдмейстера Российской империи графом Франциском Санти в период его пребывания на этой должности с 1722 по 1727 год. Позднее он был обвинен в антиправительственной деятельности и сослан в Сибирь [1]. Ф. Санти разработал несколько десятков гербов, в числе которых были гербы городов рассматриваемого региона: Суздаля (птица сокол в княжеской шапке), Юрьевца (серебряная башня с разверстыми воротами) [26, с. 51, 219].

Третью группу составляют гербы, разработанные при составлении знаменных гербовников 1712 и 1729—1730 годов. Данные гербовники составлялись

для создания полковых знамен русской армии этого периода. В эту группу входят гербы Углича (царевич Дмитрий в царском одеянии, княжеской шапке, с ножом в правой руке) и Галича (золотая воинская арматура и над нею золотой крест св. Иоанна) [4, 38, 40; 29, с. 156].

К числу «старых» городских гербов относят и герб города Костромы. Его принятие было связано с путешествием императрицы Екатерины II в 1767 году по Волге. Особенно пышный прием Екатерине II был оказан в Костроме. Находясь в Костроме, императрица узнала о том, что город не имеет герба, и оттуда послала в Герольдию письмо с распоряжением разработать герб для города и уезда [9, с. 110].

На основании повеления императрицы Герольдмейстерская контора представила на утверждения проект герба Костромы, в котором была изображена плывущая по реке галера. В высочайше утвержденном докладе Сената от 24 октября 1767 года давалось следующее описание герба: «В голубом поле галера под Императорским штандартом, на гребле плывущая по реке, натуральными цветами в подошве щита изображенной». При этом в «Высочайше утвержденном докладе Сената “О гербе города Костромы”» отмечалось, что данный герб создан в память о путешествии императрицы по Волге на галере летом 1767 года [18, с. 376, № 12992]. Все эти «старые» гербы позднее были использованы при массовой разработке гербов Владимирского, Костромского и Ярославского наместничеств.

Хронологически первыми были утверждены гербы городов Ярославского наместничества. Указом Екатерины II 20 июня 1778 года были утверждены 12 городских гербов этого наместничества. При утверждении этих гербов впервые в истории российской геральдики стал проводиться принцип, в соответствии с которым в городской герб стали включать или весь наместнический герб, или его часть: «...В каждом новом городе (так в тексте. — А. К.) — иметь часть герба Ярославля с некоторым по приличеству каждого названия, где можно было, прибавлением» [15, с. 723—724, № 14765].

Согласно этому указу в городские гербы ярославского наместничества (за некоторым исключением) была введена в различных вариантах фигура ярославского медведя. В ряде гербов эмблема медведя являлась основной, но к ней добавлялся какой-то элемент. В других гербах ярославская эмблема изображена возникающей в верхней части щита. Исключение, как мы отмечали, делалось только для «старых» гербов. К числу «старых» ярославских гербов (хотя в указе так не названных) были отнесены гербы городов Ярославля, Углича, Ростова. По каким-то причинам элементы наместнического герба не были включены в герб города Романова, хотя это был вновь созданный герб [15, с. 723—724, № 14765; 16, с. 113—114].

С конца XVIII века до начала XX века административно-территориальное деление ярославского края изменялось. В 1796 году Ярославское наместничество было преобразовано в Ярославскую губернию [18, с. 229, № 17634]. В новой губернии вместо 12 уездов было образовано 11, был ликвидирован Петровский уезд (город Петровск стал заштатным городом).

В 1822 году были объединены Романовский и Борисоглебский уезды в один Романово-Борисоглебский уезд, в связи с тем, что их центры — города Романов и Борисоглебск — объединены в один город — Романов-Борисоглебск. Соответственно был создан объединенный герб Романова-Борисоглебска (ныне город Тутаев. — А. К.). В таком виде данное административно-территориальное деление просуществовало до 1917 года.

Ярославский герб по указу 1778 года стал занимать часть поля всех уездных гербов (за исключением гербов городов Ярославля, Углича, Ростова, Романова). В оставшихся частях поля изображались эмблемы, характеризующие отдельно взятый уездный: Борисоглебск — «в золотом поле венец из роз, лазоревою лентою связан; в каждой розе по букве золотой; все же буквы составляют звание онаго города»; Данилов — «щит разрезан вкось пополам, а выходящий из поля шахматного, в серебряное с зеленым полем, медведь»; Любим — «из зеленого поля, разделанного черным на несколько частей, выходящий медведь, в серебряном поле»; Молога — «в двух же частях того щита показано в лазоревом поле часть земляного вала, отделанного серебряною каймою, или белым камнем»; Мышкин — «в другой части в червленом поле мышка, доказывающая название сего города»; Петровск — «щит разрезан на два: из зеленого поля выходящий медведь в серебряное поле»; Пошехонье — «в золотом поле щита, накрест две зубчатые зеленые полосы; посередине в серебряном щите герб Ярославского наместничества»; Романов — «в золотом поле, вкось протекающая река; по обеим сторонам оной по черной полосе»; Рыбинск — «выходящий из реки медведь, держащий в левой лапе золотую секиру; при оной реке пристань и две стерлядки».

Таким образом, можно отметить, что для городских гербов Ярославской губернии было характерно доминирование основной ярославской эмблемы. Она не только обозначала принадлежность города к определенной губернии, но и часто исполняла роль основной гербовой фигуры (гербы городов Борисоглебска, Данилова, Любима, Мологи, Петровска, Пошехонья). Среди гербов губернии были и «гласные» гербы, в которых эмблема прямо указывает на название города (Мышкин, Рыбинск). Имелся герб, эмблема которого была связана с историческим прошлым города — герб города Углича. На гербе давалось изображение царевича Дмитрия Ивановича, убитого или погибшего от несчастного случая в этом городе в 1591 году. В гербах данной губернии, в отличие от других регионов Российской империи, не имелось эмблем, которые бы указывали на животный и растительный мир или были связаны с экономической деятельностью уездных городов.

29 мая 1779 года Екатерина II утвердила 15 гербов Костромского наместничества. Гербы этого наместничества (кроме «старых») были составлены по сложившейся схеме. К числу «старых» гербов Костромского наместничества были отнесены гербы городов Костромы (как пожалованный ранее императрицей), Галича и Юрьева-Повольского — ныне города Юрьевца. О двух последних было сказано: «Сей герб находился прежде уже сделанный в Герольдии» [20, с. 839—831, № 14884; 16, с. 31—33].

Костромской герб, утвержденный в 1767 году, использовался до конца царствования Екатерины II. Однако в 1797 году повелением Павла I данный герб по каким-то причинам был отменен и был введен некий «старый герб», представлявший из себя четырехчастный щит. В первом, красном, поле щита был уширенный золотой крест, второе и третье золотые — пустые и в четвертом поле, зеленом, серебряный полумесяц [26, с. 113; 6, с. 243]. Этот герб считался официальной эмблемой губернии и губернского центра, его изображали на костромских клеймах и приводили в статистических описаниях губернии и географических атласах [7, с. 46; 6, карта № 7].

В 1834 году данный герб указом Николая I был утвержден в качестве Костромского губернского герба [19, с. 200, № 7586].

Вместе с тем 5 июля 1878 года при утверждении 46 губернских и областных гербов Департамент герольдии Сената представил на утверждение в качестве костромского губернского герба (а с ним и городского герба) герб Екатерины II 1767 года с некоторыми изменениями: «В лазуревом щите, на серебряной воде, золотой древний Варяжский корабль, с орлиной головой и крыльями на носовой части, с парусом, флагом, на котором Императорский орел, и с семью гребцами. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою (голубой. — А. К.) лентою» [26, с. 133; 31]. Новые элементы (корона, лента, листья) были общими для гербов всех губерний Российской империи. Однако в Костромской герб 1878 года были внесены новые детали по сравнению с гербом 1767 года. В новом гербе двухмачтовая галера с десятью гребцами, плывущая в левую геральдическую сторону, превратилась в старинный варяжский одномачтовый корабль с орлиной головой и крыльями на носу с десятью гребцами, плывущий в правую геральдическую сторону. В этом виде губернский и городской гербы просуществовали до революции 1917 года.

С конца XVIII века до начала XX века административно-территориально деление костромского края изменялось. Одни из городов, упомянутых в указе Екатерины II 29 мая 1779 года, продолжали оставаться уездными центрами до 1917 года, другие становились заштатными городами. В 1796 году Костромское наместничество было преобразовано в Костромскую губернию [24, с. 229, № 17634]. В новой губернии вместо 15 уездов было образовано 11 уездов; города Буй, Кадый, Лух и Плès были оставлены за штатом. А в 1802 году Буйский уезд был восстановлен. В таком виде данное административно-территориальное деление просуществовало до 1917 года.

Костромской герб занимал верхнюю часть поля всех уездных гербов (за исключением гербов городов Костромы, Галича и Юрьева Повольского) в нижних частях были: у Буя — «в голубом поле железный якорь с привязанным на золотой веревке бумом, означающим имя сего города»; Варнавина — «в червленом поле выходящая из облака рука, держащая камень, изъясляющая, что апостол Варнава, по имени которого и город сей наименован, убит был камнями»; Ветлуги — «в серебряном поле куст дерева ветлы, означающий имя сего города»; Галича — «в червленом поле воинская арматура с выходящим из нее крестом Иоанна Крестителя»; Кадыя — «в серебряном поле два пучка срезанной травы осоки, означающие низкое положение сего города»; Кинешмы — «в зеленом поле два свертка полотна, изъясляющие, что сей город оным производит знатный торг»; Кологрива — «в золотом поле лошадиная голова с крутою гривой, означающая имя сего города»; Костромы — «в голубом поле галера под императорским штандартом, на гребле плывущая по реке»; Луха — «в червленом поле золотая лестница, означающая, что сему городу утверждением наместничества даны средства для восхождения на верх своего благосостояния»; Макарьева-на-Унже «в голубом поле два золотых колокола, означающие, что сие место, прежде утверждения в нем города, славилось находящимся монастырем»; Нерехты — «в золотом поле две черные раковины улитки, означающие две реки, находящиеся около сего города, изобилующие оными»; Плèsа — «в серебряном поле река с выходящим из нее плесом, означающим имя сего города»; Солигалича — «в золотом поле три стопки соли, означающие, что в сем месте издавна были завезены соляные варницы, почему и город наименован Солигалицким»; Чухломы — «в голубом поле две железные остроги, употребляемые при рыбных

ловлях, являющие, что из озера, по имени которого и сей город назван, такими орудиями ловлею рыб город обогащается»; Юрьевца — «в голубом поле серебряная башня с отверстыми воротами».

Что было характерно для городских гербов Костромской губернии? Отличительной чертой является доминирование «гласных» гербов, в которых эмблема прямо указывала на название города (Буй, Варнавино, Ветлуга, Кологрив, Плѣс). Имеется 5 гербов, эмблемы которых были связаны с историческим прошлым этих городов (Галич, Кострома, Лух, Макарьев-на-Унже, Юрьевец). У двух гербов эмблемы указывали на животный и растительный мир (Кадый, Нерехта) и у 3 городов эмблемы были связаны с экономической деятельностью жителей уездных городов (Кинешма, Солигалич, Чухлома).

14 городских гербов Владимирского наместничества были утверждены Екатериной II 16 августа 1781 года. Они были созданы по уже устоявшейся схеме, как и гербы предыдущих наместничеств [17, с. 218—219, № 15205].

Владимирский герб занимал верхнюю часть поля всех уездных гербов, в нижних частях были: у Александрова — «в красном поле слесарные тиски и две по сторонам наковальни, в знак того, что в сем городе производят разные, весьма изрядные слесарные работы»; Вязников — «дерево вяз в золотом поле, означающий имя сего города»; Гороховца — «в золотом поле выращенный на черных тычках горох, означающий имя сего города»; Киржача — «в зеленом поле, сидящая на пне, с распростертыми крыльями птица сова, каковых в окрестности сего города находится весьма довольно»; Коврова — «сидящие два зайца в зеленом поле, каковых зверей в окрестности сего города изобильно»; Меленки — «в голубом поле золотая ветряная мельница, означающая имя сего города»; Муром — «в голубом поле, три крупитчатых калача, которыми сей город отменно славится»; Переславля-Залесского — «золотые сельди, в черном поле, в знак, что сей город оною копченою рыбою производит торг»; Покрова — «в синем поле две из облак руки, держащие золотой покров, означающий имя сего города»; Судогды — «на зеленом поле четверо положенных параллельно грабли, в знак изобилия сенокосом»; Суздаля — «птица сокол в княжеской короне, поле напололам: наверху синее, а внизу красное (старый герб)»; Шуя — «в красном поле, брус мыла, означающий славные находящиеся в городе мыльные заводы»; Юрьев-Польский — «в серебряном поле натурального цвета два кузовка, наполненные вишнями, чем сей город изобилует». Составленные ранее гербы городов Владимира и Суздаля были утверждены без изменений и сохранили однопольный щит.

Для геральдики Владимирской губернии характерно доминирование эмблем, связанных с экономической деятельностью уездных городов (Александров, Муром, Переславль-Залесский, Шуя, Юрьев-Польский). Имеется 2 герба с символами животного мира (Киржач, Ковров); были также 4 «гласных» герба, в которых эмблема прямо указывала на название города (Вязники, Гороховец, Покров, Меленки).

На протяжении XIX — начала XX века административно-территориальное деление губернии изменялось. Одни из городов, упомянутых в указе Екатерины II от 16 августа 1781 года, продолжали оставаться уездными центрами до 1917 года, другие становились заштатными городами. Так, в 1796 году вместо 14 уездов было образовано 10, были ликвидированы Александровский, Киржачский, Ковровский и Судогодский уезды. В 1803 году были восстановлены Александровский, Ковровский и Судогодский уезды. Появляются новые населенные пункты, имевшие право на герб — город

Иваново-Вознесенск, Гаврилов Посад. Однако в силу ряда причин они так и не получили свои гербы.

В конце 1850 — начале 1860-х годов в рамках реформы, проводившейся начальником гербового отделения департамента герольдии Б. В. Кёне, был подготовлен ряд проектов новых гербов для уездных городов губерний рассматриваемого региона, но они остались неутвержденными. Городские гербы до революции широко использовались на знаках и пуговицах мундиров должностных лиц, на печатях, бланках, местных изданиях (городских дум, уездных земских управ).

После 1917 года использование старых городских гербов прекратилось. Местные дореволюционные гербы юридически не были отменены, но на печатях областных, районных, городских учреждений использовали изображения гербов СССР и РСФСР. Советская символика (пятиконечная звезда, серп и молот, силуэт кремлевской башни) использовалась в декоративном убранстве улиц, домов, официальных помещений. Такая ситуация вполне логично вытекала из особенности советской системы государственного управления. Земельные и городские гербы — это символы определенных прав местного самоуправления. Для советской же государственной системы была характерна жесткая централизация, ограничение прав местного самоуправления. Кроме того, сказывалось настороженное отношение к геральдике как научной дисциплине, характерное для СССР в 1920—1950 годах, когда она рассматривалась как некий пережиток старого, феодального общества, а гербы — как средство пропаганды идей монархии, царского самодержавия, религиозных идей и догм.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов, в связи с усилением в стране общего интереса к истории, краеведению, старинным памятникам архитектуры постепенно меняется и отношение к геральдике, гербам. Последние начинают рассматриваться не как пережиток эксплуататорского общества, а как памятники культуры, исторические источники, рассказывающие об истории города и области, средство воспитания в духе гражданственности и патриотизма. Эта идея часто подхватывалась местными властями, которые нередко видели в разработке герба способ показать свою активность, обратить на себя, свой город внимание со стороны общественности, средств массовой информации, вышестоящих партийных и советских органов. Поэтому начиная с середины 1960-х годов в ряде советских городов разрабатываются и утверждаются новые советские гербы [9, с. 199—201]. Разработанные людьми, не имевшими геральдического образования, эти гербы обладали недостатками, свойственными многим гербам советского периода. В них нарушались правила геральдики: в гербовом поле металл накладывался на металл, на гербовом щите давали названия города. Необходимо отметить, что в советский период гербы имели чисто декоративное значение, их изображали на значках, плакатах, в оформлении улиц и площадей, но на печатях местных учреждений по-прежнему использовали изображения герба РСФСР.

Бурное развитие городской геральдики начинается с начала 1990-х годов. Толчком к этому послужили распад Советского Союза, слом советской государственной машины, принятие конституции 1993 года, а также законов о местном самоуправлении 1995 и 2003 годов. Развитие современной муниципальной геральдики (в том числе и городской) это предмет особого исследования. Однако в рамках данной статьи хотелось бы отметить, что дореволюционные городские гербы оказали большое влияние на разработку новых

муниципальных символов. По нашим подсчетам, среди муниципальных гербов Владимирской, Ивановской (как образовавшейся из частей Владимирской и Костромской губерний), Костромской и Ярославской областей на конец 2020 года имелось 48 гербов, основывающихся на дореволюционных городских гербах рассматриваемого региона [3, 31]. Это гербы современных городских округов, поселений. Они составляют около четверти современных муниципальных гербов четырех областей. В качестве примера можно привести гербы восьми муниципий Ивановской области, созданных на основе дореволюционных городских гербов: Кинешемского, Лухского, Юрьеvecкого районов; городских округов Кинешмы и Шуи; Плесского, Лухского и Юрьеvecкого городских поселений [там же]. Естественно, что эти гербы были разработаны и утверждены с учетом требований к современной муниципальной геральдике, изменений административно-территориального деления.

Подводя итоги рассматриваемой проблемы, можно отметить следующее. Старинные городские гербы трех губерний Верхней Волги являются интереснейшей группой исторических источников. Они рассказывают нам об истории городов, их экономическом положении, об идейных ценностях, на которые ориентировались люди той или иной эпохи, о геральдической культуре того времени. Все эти эмблемы не преданы забвению, они используются при разработке современных гербов городов и районов. Изображения дореволюционных гербов нашего края в настоящее время очень часто воспроизводятся на открытках, календарях, значках. Таким образом, данные гербы выступают не только в роли хранителей исторической памяти, но и вносят свой вклад в создание единой системы официальной муниципальной символики, являющейся неотъемлемой составной частью современного государственного устройства России. А сами гербы и их составные части стали важным компонентом эмблематической среды регионов Верхней Волги.

Список литературы

1. Борисов И. В. Несколько слов о графе Санти — ученом геральдисте // Гербовед. 1994. № 4. С. 34—38.
2. Борисов И. В. Родовые гербы России. М.: Янтарный сказ: Виктория, 1997. С. 216.
3. Геральдика.ру. URL: www.geraldika.ru (дата обращения: 01.11.2020).
4. Гербовник знамен Российской империи, содержащий рисунки гербов городов, провинций, а также знамен полков, их гербов и знаков // РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 1.
5. Зудина И. Н. Гербы городов Владимирской области. Ковров: Гемма, 2003. 22 с.
6. Зуев Н. Подробный атлас Российской империи. СПб.: Типография И. И. Глазунова и Комп., 1860. 39 с.
7. Зябловский Е. Землеописание Российской империи для всех состояний. Ч. 4. СПб.: Императорская Академия наук, 1810. 466 с.
8. Изображения губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров. СПб.: [Б. и.], 1794. 74 с.
9. Козловский А. Д. Взгляд на историю Костромы, составленный трудами князя Александра Козловского. М.: Тип. Н. Степанова, 1840. 203 с.
10. Корников А. А. Российская геральдика: курс лекций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 236 с.
11. Кулагин А. В. Геральдика древнего Углича. Углич: Историко-музыкальный музей «Угличские звоны», 2007. 18 с.

12. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 3. 1246 с.
13. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1. Т. XVIII. Ч. 1. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 842 с.
14. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1. Т. XIX. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В., 1830. 921 с.
15. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1. Т. XX. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. 1830. 1034 с.
16. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое. Книга чертежей и рисунков (Рисунки гербам городов). СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1845. 115 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXI. Ч. 1. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 668 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXIV. Ч. 1. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 635 с.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX. Отд. 2. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1835. 828 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXII. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1858. 1066 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 2. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1886. 1144 с.
22. Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 г. СПб.: Изд. С.-Петербургского археологического института, 1903. 97 с.
23. *Постникова-Лосева М. М.* Русское ювелирное искусство, его центры и мастера. XVI—XIX вв. М.: Наука, 1974. 371 с.
24. *Рево О.* Гербы городов Ярославской губернии // Наука и жизнь 1978. № 10. С. 69.
25. *Сазонов С. В., Ойнас Д. Б.* Об эмблематике и гербе Ростова XIV—XVIII вв. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2000. Вып. XI. С. 5—16.
26. *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1981. 263 с.
27. *Соболева Н. А.* Старинные гербы российских городов. М.: Наука, 1985. 176 с.
28. *Соболева Н. А. и др.* Гербы городов России. М.: Профиздат, 1998. 480 с.
29. *Татарников К. В.* Знамена и гербы полков Российской армии царствования Екатерины I и Петра II (1725—1730) // История военного дела: исследования и источники. Т. 1. М.: Санкт-Петербург, 2012. С. 51—215.
30. *Тихомиров И. А.* О некоторых ярославских гербах // Труды Третьего областного историко-археологического съезда. Владимир: Типография губернского правления, 1909. С. 1—79.
31. Heraldicum. URL: <http://www.heraldicum.ru> (дата обращения: 01.11.2020).

УДК 94(4)''452'':327
ББК 63.3(0) 41-64
DOI: 10.46726/Н.2021.1.9

А. В. Пикин

ОТВЕТ ХАЛКИДОНУ? ПОСОЛЬСТВО ЛЬВА ВЕЛИКОГО К АТТИЛЕ И ЕГО МЕСТО В СВЕТЕ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ 28 КАНОНА ХАЛКИДОНСКОГО СОБОРА

Автор статьи рассматривает вопрос о том, насколько было необходимо папе Льву Великому личное участие в посольстве к Атиллу в 452 г. При этом история посольства рассматривается не только с точки зрения политической целесообразности, но и в контексте борьбы римской кафедры за лидерство в Церкви в связи с принятым Халкидонским собором 28 канонам, уравнивавшим Рим и Константинополь. В статье доказывается, что участие папы Льва в посольстве было его личной инициативой и объясняется желанием римского понтифика, приняв на себя функции политика имперского уровня, поставить себя выше любого другого предстоятеля Церкви.

Ключевые слова: Атилл, Лев Великий, Поздняя Античность, посольства, Халкидонский собор.

A. V. Pikin

RESPONSE TO CHALCEDON? THE EMBASSY OF LEO THE GREAT TO ATTLA AND ITS PLACE IN THE DISCUSSION OF THE CANON 28 OF THE COUNCIL OF CHALCEDON

The author of the article considers the question of necessity for Pope Leo the Great to participate personally in the embassy to Attila in 452. The history of the embassy is considered not only from the political expediency, but also in the context of the struggle of the Roman Holy See for leadership in the Church in connection with the 28 canon adopted by the Council of Chalcedon, which equalized Rome and Constantinople. The article proves that the participation of Pope Leo in the embassy was his personal initiative and could be explained by the desire of the Roman pontiff, taking on the functions of a politician of the imperial level, to put himself above any other primate of the Church.

Key words: Attila, the Council of Chalcedon, embassies, Late Antiquity, Leo the Great.

Одним из наиболее значимых богословских достижений римской кафедры является томос Льва Великого (понтификат 440—461 гг.), предложенный им в качестве западного вероисповедания епископу Константинополя Флавиану и всецело поддержанный IV Вселенским собором, проходившим в Халкидоне на протяжении осени 451 года.

Понтификат этого предстоятеля римской кафедры признается одной из высших точек в истории папства¹. Его активная политика по укреплению

© Пикин А. В., 2021

¹ Подробнее библиографию см.: [20, с. 47—48].

власти епископа Рима над Западом принесла свои плоды². Но, возможно, более известны не его богословие или экклесиология, а встреча с Атиллой, которая оказалась, пожалуй, самым известным посольством V столетия. Одной из причин, приведших к участию епископа в посольстве, на наш взгляд, была реакция на решения Халкидонского собора.

Но прежде чем сосредоточиться на посольстве, необходимо несколько подробнее остановиться на событиях, предшествовавших миссии к правителю гуннов.

В конце 40-х годов пятого века Атила готовился к кампании на Западе, по крайней мере, так считали в Восточной империи [5, р. 66—67]. Восточные историки отмечают, что Гонория, сестра императора Валентиниана III, искала союза с Атиллой. Причиной этому была интрига принцессы, желавшей освободиться от чрезмерной опеки со стороны брата. Гонория обещала Атилле часть ее приданного после того, как он освободит ее³. Вполне вероятно, что мало знакомые с западными реалиями историки склонны были транслировать придворные константинопольские слухи [7, р. 130; 10, р. 145, 188], однако эти слухи явно имели под собой почву⁴.

Другим фактором, влиявшим на настроение предводителя гуннов, было вандалское вмешательство. Иордан отмечает факт подкупа Атилы правителем вандалов Гейзерихом (*Jordan. Getica* 184—185), в чем мы вправе усомниться⁵. Однако вряд ли стоит сомневаться, что вандалы могли подталкивать гуннов к войне на Западе [14, р. 131; 22, с. 75].

Гуннская держава была достаточно серьезным военным противником, объединявшим в своем составе силы многих варварских народов⁶. После смерти императора Феодосия Младшего на Востоке и формального подтверждения новым правителем Константинополя Маркианом договоренностей в отношении дани, Атила, будучи спокоен за свои тылы, начинает войну против Западной римской империи⁷.

Первый этап войны приходится на 451 год. Всю тяжесть боевых действий испытала на себе Галлия. Атила берет измором ряд городов. В конце концов, владыка гуннов терпит поражение в битве на Каталаунских полях близ Трикасс⁸. Победа в этом сражении досталась объединенному войску,

---

² Например, в его понтификат проходит собор 451 года в Медиолане, фактически присоединивший к римской митрополии медиоланскую, и даже более того: можно считать, что это событие положило начало признанию Римского епископа в качестве Патриарха Запада. См.: [28, с. 451]. Впрочем, есть и другое мнение [27, с. 208—210].

³ Подробнее об источниках см.: [5, р. 568—569 (Honoria)]. О самой интриге и настроениях Атилы см.: [4, 9].

⁴ Сообщение Галльской хроники 452 года (*Gall. Chron.* 452, 139), что Атила «требуется жену, как будто положенную [ему] по праву» (перевод А. С. Козлова), на наш взгляд является одним из свидетельств, что это были не просто выдумки Константинопольского двора. Относительно политических установок хроники см.: [25].

⁵ Подробнее о роли Гейзериха см.: [4].

⁶ Подробнее о ее становлении см.: [14, р. 15—124; 21, с. 86—90; 7, р. 18—129].

⁷ Х. Грачанин относит начало кампании против Запада к 450 году, т. е. к периоду сразу после заключения Анатолием мира [5, р. 67], а Э. Томпсон отмечает, что новый император Маркиан пообещал подарки вместо дани, если Атила будет соблюдать мир [14, р. 134—135].

⁸ Подробнее о битве см., например: [14, р. 141—143].

возглавляемому вестготами и римлянами. Гуннские войска отступают, чтобы вернуться на земли Запада уже через год.

Военно-политические процессы на Западе позволяют Маркиану созвать на Востоке церковный собор, который должен был заняться конфликтом между кафедрами Константинополя и Александрии. Учение о природе Христа, высказанное Евтихом, архимандритом одного из монастырей близ столицы, вызвало споры. Ситуацию осложняло то, что Евтих был близок к влиятельному придворному Феодосия Младшего по имени Хрисафий [8, р. 295—297 (Chrisaphius)]. Евтиха обвиняли в аполлинаризме. Поместный собор в Константинополе в 448 году трижды вызывал его на свои заседания, а тот трижды отказывался прийти, ссылаясь на различные причины. В конце концов, Евтих явился на собор, но перед тем заручился поддержкой множества монахов и светских властей. Поместный собор под председательством константинопольского епископа Флавиана пытался добиться от Евтиха четкого определения веры, однако тот уклонялся, говоря, что верует так же, как 318 отцов в Никее. В конце концов, Евтих был осужден, однако успел подать апелляцию, а проще говоря написать жалобные письма во все концы вселенной, в том числе и в Рим. Благодаря вмешательству Хрисафия был созван новый собор, председателем которого был назначен епископ Александрии Диоскор, как и его дядя, Кирилл Александрийский, хотевший поставить на место кафедру-выскочку — Константинополь.

Лев же, разбираясь в обстоятельствах дела, понял, что осуждение было справедливым. Флавиан в своем послании ко Льву летом 449 года описывал заблуждения Евтиха [1, р. 36—37]. В ответ на это римский епископ направил епископу столицы свое исповедание веры — легендарный томос, который также и делегаты от римской церкви должны были огласить на соборе в Эфесе. Сам собор прошел в августе 449 года. Однако томос собором не был зачитан, римская делегация из-за действий Диоскора фактически не приняла участия в работе собора, Флавиан был осужден и вскорости скончался, в том числе и от полученных от монахов, близких к Диоскору и Евтиху, травм. Лев назвал сам собор 449 года в Эфесе «разбойничьим» за столь бесцеремонное обращение с его представителями и епископом столичного города и употребил все свое влияние на императора Запада Валентиниана III, чтобы добиться осуждения александрийца. Однако Феодосий Младший, находившийся под сильным влиянием Хрисафия, всецело подчеркивал правоту «разбойничьего» собора. В 450 году, со смертью Феодосия, ситуация изменилась. Новый император Востока Маркиан получает от Льва письма с требованием созыва собора [15, р. 261—273].

Епископ Рима лично хотел принять участие в нем, однако опасался военного вторжения гуннов в пределы Италии уже в 451 году [7, р. 130]. Но и на Востоке ситуация не была спокойной — в Константинополе тоже боялись вторжения. Дошло до того, что император был вынужден перенести собор, первоначально готовившийся в Никее, в Халкидон, расположенный по отношению к Константинополю гораздо ближе — через пролив Босфор. Сам Маркиан смог посетить съехавшихся владык лишь на шестом заседании, оправдываясь перед открытием собора тем, что его занимают военные дела в Иллирике [1, р. 30].

Богословским итогом собора стало разрешение споров о природе Христа. В ходе собора был вновь подтвержден авторитет римской кафедры: одной из основ христологии был признан томос Льва [18, с. 279; 24, с. 309—

334]. Это признание позволило увеличить духовный авторитет руководителя римской епархии. Однако в политическом плане римская церковь получила от Халкидона то, что не могло не задеть гордости наместника Петра: 28-е правило Собора, фактически уравнивавшее в привилегиях церковного суда римского и константинопольского епископов⁹. Сообщение о принятии этого канона было крайне негативно воспринято Львом. Римский епископ игнорирует сами каноны соборов, направленные ему, письма императора и константинопольского владыки¹⁰. В таких внешних и внутренних условиях наступает 452-й год.

В мае 452 года Лев наконец отвечает Анатолию Константинопольскому и императору Маркиану, а также пишет его жене Пульхерии. Римский предстоятель обвиняет Анатолия в давлении на собор ради завоевания его кафедрой первенства [2, р. 60]. Императору и Пульхерии Лев жалуется на Анатолия и говорит, что тот злоупотребляет своим положением [2, р. 56, 58]. В начале лета Аттила осаждает Аквилею (*Jordan. Getica. 219—222*) и после трехмесячной осады берет ее¹¹. После начала осады гунны захватывают и грабят города Северной Италии вплоть до Медиолана и Тицина¹². Столь быстрое продвижение кочевников Проспер Аквитанский, бывший в то время секретарем Льва, объясняет ошибками в подготовке *magister utriusque militiae* Аэция (*Prosper, 1367*)¹³, однако ситуация не столь однозначна¹⁴. Вполне возможно, что Аэций избрал иную тактику, вместо создания заслонов на перевалах в Юлиевых Альпах, надеясь вступить битву позднее, после разграбления [7, р. 135—136]. Военные действия гуннов произвели эффект на императора Валентиниана, и он решает просить мира. Неясно, однако, когда это происходит, до взятия Аквилеи, или после. Совместно с римским сенатом составляется посольство (*Prosper, 1367*)¹⁵. Послами становятся консул 450 года Геннадий Авиен [8, р. 193—194 (*Gennadius Avienus 4*)], по всей видимости, креатура Валентиниана (так как именно с императором Авиен делил консульскую должность¹⁶), и Тригетий, *vir praefectorius*¹⁷, обладавший уже опытом совершения посольства — в 435 году он был руководителем посольства к вандалам в северную Африку (*Prosper, 1321*)¹⁸ и уже тогда, вероятно, занимал высокие должности в государстве. В посольство к Аттиле входит и римский епископ Лев, вполне вероятно сам изъявивший желание участвовать в миссии (*Prosper, 1367*)¹⁹.

⁹ Само правило см.: [1, р. 457—458]. Подробнее о нем см.: [17, с. 297—300].

¹⁰ Письма датированы декабром 451 года [13, col. 952—960, 970—984].

¹¹ О дате начала кампании и о дате взятия Аквилеи см.: [7, р. 132—135].

¹² Списки разоренных городов сохранили Иордан (*Jordan. Getica. 222*) и автор VIII в. Павел Диякон (*HR XIV.11*).

¹³ <...> nihil duce nostro Aetio <...> belli opera prospiciente.

¹⁴ О роли Аэция см.: [12, р. 100—102].

¹⁵ <...> consilia principis ac senatus populi que Romani.

¹⁶ Э. А. Томпсон считал Авиена обычным богачем, чье мнение ничего не стоило. [14, р. 147].

¹⁷ Авторы «Просопографии Поздней Римской империи» полагают, что префектура могла быть почетной см.: [8, р. 1129 (*Trygetius 1*)].

¹⁸ Pax facta cum Vandalis data eis ad habitandum Africae portione [per Trigetium in loco Hippone III idus Febr.].

¹⁹ Suscepit hoc negotium <...> beatissimus papa Leo.

Кто возглавил посольство, остается неясным. Каждый из вышеназванных послов мог быть его руководителем с равной долей вероятности. В пользу Льва говорит вся последующая традиция, сохранившая лишь его имя, а остальные забывшая²⁰: будущие поколения римлян не упустили случая связать освобождение своего города от гуннов с именем папы [33, с. 44]. В пользу Геннадия Авиена говорит свидетельство Сидония Аполлинария: попавший в Рим в середине 60-х годов V века он отмечал Авиена в числе двух наиболее могущественных сенаторов [8, р. 194 (Gennadius Avienus 4)]. Вполне возможно, что удачное совершение посольства принесло ему определенные бонусы, как это было, например, с семейством Кассиодоров²¹. В пользу третьего участника посольства, Тригегция, свидетельствует традиция внешнеполитического общения римлян с гуннами: Аттила требовал присылать к нему посланников только высокого ранга (см.: *Prisc. Fr.* 13.1 (по изданию Р. Блокли)). Вполне допустим вариант, что явного руководителя посольства не было. Свидетельства о наличии такой практики мы находим у Приска, в его рассказе про посольство Западных римлян к Аттиле 449 года (*Prisc. Fr.* 13.2): там также упоминаются три участника посольства без явного лидера.

Из Рима послы отправились в ставку Аттилы, расположенную у переправы на реке Минций²². Здесь позволим себе процитировать Приска Панийского, также бывшего послом к Аттиле и оставившего сведения о том, как владыка гуннов принимал послов в полевых условиях: «Мы вошли в его шатер, охраняемый многочисленной толпой варваров. Аттила сидел на деревянной скамье. Мы стали несколько поодаль от его сидалища, а Максимин (руководитель посольства, в состав которого входил Приск. — *А. П.*), подошед к варвару, приветствовал его» (*Prisc. Fr.* 11.2.172—176, цитата по переводу С. Дестуниса). Дипломатический протокол того времени подразумевал наличие у посланников подарков [11, р. 163—168], однако ни Проспер, ни другие авторы не сообщают о наличии даров. Более того, они говорят, что Аттила сам был расположен принять посольство (*Prosper*, 1367)²³, поскольку сомневался относительно дальнейшего развития кампании.

Для сомнений у владыки гуннов были свои причины. Во-первых, его страшил пример Алариха, взявшего Рим в 410 году: в течение года после захвата Аларих умер. Вождь гуннов боялся, что в том случае, если он продолжит наступление в Италии, с ним произойдет нечто подобное (см.: *Jordan. Getica.* 223)²⁴. Во-вторых, по свидетельству Идация, войско гуннов терзали различные болезни (*Hyd.* 154)²⁵, мешавшие продолжению войны. И в-третьих, главнейшим пунктом рассуждений Аттилы был следующий момент: император Маркиан отказался выплачивать дань (*Prisc. Fr.* 23.1; *Jordan. Getica.* 225)

²⁰ См.: *Jordan. Getica.* 223, *Pavli Diaconi.* HR XIV, 12.

²¹ Дед известного остготского деятеля Кассиодора, трибун и нотариус при императоре Валентиниане III, совместно с сыном Аэция Карпилионом, был послом к гуннам. По итогам миссии он получил титул *illustris*.

²² Относительно местоположения лагеря см. прим. 544 [23, с. 314].

²³ <...> nam tota legatione dignanter accepta ita summi sacerdotis praesentia rex gavisus est. Указания на то, что Аттила был рад видеть римского епископа, мы склонны экстраполировать на все посольство.

²⁴ О суеверности Аттилы см., например, [26, с. 95—104].

²⁵ Относительно содержания этого отрывка см. рассуждения: [32, с. 135—136].

и готовил войско под командованием Флавия Аэция (*Hyd.* 154)²⁶, которое должно было ударить по кочевникам. Последние два обстоятельства часто служили объяснением сомнений Атиллы в создаваемых на Востоке интерпретациях его поведения [3, р. 360—362]. Но, как бы то ни было, это посольство, присланное благодаря страху императора, могло быть использовано вождем гуннов как благовидный повод отойти назад на свои становища.

Аттила принял миссию и согласился уйти. Из сообщений источников неясны условия этого отхода. Никто не сообщает ни о предложениях, выдвигавшихся посольством, ни о том, чего хотел Аттила за свой уход из Италии. Проспер сообщает, что Аттила пообещал мир (*Prosper*, 1367). Однако Иордан отмечает интересную деталь: Аттила «объявил перед всеми и, приказывая, угрожал, что нанесет Италии еще более тяжкие бедствия, если ему не пришлют Гонорию, сестру императора Валентиниана, дочь Платидии Августы, с причитающейся ей частью царских сокровищ» (*Jordan. Getica.* 224, пер. Е. Ч. Скржинской). Вполне вероятно, что об этом шла речь на переговорах, и обещание приданого было своеобразным выкупом Италии²⁷.

Сам папа в 452—453 годы, да и позднее тоже²⁸, ничего не сообщает ни о факте переговоров, ни об условиях отхода гуннов. Период с мая 452 года по март 453 он проводит в напряженной переписке, отстаивая старинный порядок первенства кафедр. Кажется, что для римского архиерея важнее доказать константинопольскому предстоятелю, что тот поступил бесчестно, чем показать, что в политическом отношении кафедра святого Петра выше. То же касается и переписки с императорской четой — важнее заставить надавить на Анатолия из-за его нечестности, нежели подчеркнуть свой статус посла. События, захлестнувшие Италию, упоминаются Львом лишь однажды — в письме к его confidentу Юлиану Косскому в марте 453 года, да и то мельком [2, р. 65]²⁹. Из дошедших до нас писем, начиная с начала лета 452 года по июнь 453 года, ни в одном Лев не упоминает о каких-либо действиях на территории Италии. Ни в одной проповеди этого периода [6] также нет упоминаний о каких-либо притеснениях со стороны Константинополя и достойном его (т. е. Льва. — *А. П.*) ответе. Складывается впечатление, что для римского епископа участие в посольстве абсолютно не важно, или он не хочет похвалиться им перед папской и/или другими сторонами конфликта из-за 28 канона. Так, в марте 453 года Лев получает письмо от Маркиана, упрекающее в неподдержке собора. Римский предстоятель, словно не замечая своего конфликта, пишет послание к отцам собора, в котором поддерживает их решения

²⁶ О. Менхен-Хельфен [7, р. 137—138] утверждает, что Маркиан прислал кавалерию в поддержку Аэция — *magister militum* Запада, однако на Востоке был свой Аэций, который, на наш взгляд, и возглавлял *auxilia*. См.: [8, р. 29—30 (Fl. Aetius 8)]. Но стоит согласиться с мнением исследователя о том, что Идаций различает кавалерию Аэция и войска, посланные в поддержку западным римлянам.

²⁷ См.: [5, р. 67—68]. Интересно отметить, что здесь Х. Грачанин ссылается на французского историка Р. Груссе [21, с. 90], однако не только Груссе придерживался подобного мнения. См.: [29, с. 45].

²⁸ Идею О.-Дж. Менхен-Хельфена относительно переписки Льва с епископом Аквилеи [7, р. 141—142] мы находим неудачной. См.: [30, с. 130—131].

²⁹ Из 67 строк письма 3 первых относятся ко вводным фразам благодарности за письмо и беспокойство в отношении италийских дел: *Agnoui in dilectionis tuae litteris fraternae caritatis affectum, quod de malis quas multa et saeua pertulimus, pio nobiscum dolore conpateris.*

[2, р. 70—71]. И из переписки остается абсолютно неясным, почему же Лев не хочет вновь поднимать тему установленного порядка церковей. Вполне вероятно, что это был своеобразный реверанс от императора — я надавлю и больше не будем оспаривать твое первенство, а ты помоги мне со стабилизацией ситуации вокруг собора.

Выше отмечалось, что Лев сам настаивал на том, чтобы отправиться послом. Объективных причин у римского архиерея для этого не было. Участие Льва в посольской миссии было совершенно необязательно. Как отмечалось выше, в контексте руководства посольством возглавить миссию мог любой. Да и в целом, согласно складывавшейся практике, достаточно было участия одного из официальных послов [11, р. 131]. Авторитета консулара Геннадия Авиена и/или префекта Тригегия для Атиллы хватило бы. Практика исполнения посольских миссий деятелями Церкви еще только складывалась, и, пожалуй, Лев был первым, кто отправился послом на столь ответственные переговоры. Конечно, можно сказать, что это были переговоры в ходе осады, но и для них хватило бы одного из коллег римского епископа по посольству. Можно отметить, что до Льва послом между государствами был Маруфа Майферкатский, но тот с помощью посредничества разрешал конкретные проблемы с легализацией церкви в Персии³⁰. Как кажется, настойчивость римского епископа в стяжании посольского достоинства стала тем деянием, которое возвело его лично выше любого другого предстоятеля Поместной церкви. Только неразрешимой загадкой остается — какие выгоды Льву это принесло, ведь ему все равно пришлось фактически замолчать спор из-за 28 канона и отложить его разрешение до лучших времен³¹.

Список литературы

1. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Т. II, Vol. 1 / Ed. E. Schwartz. Berolini: Walter de Gruyter, 1936.
2. *Acta conciliorum oecumenicorum*. Т. II, Vol. 4 / Ed. E. Schwartz. Berolini: Walter de Gruyter, 1932.
3. *Burgess R. W.* A New Reading for Hydatius «Chronicle» 177 and the Defeat of the Huns in Italy // *Phoenix*. 1988. Vol. 42, No. 4. P. 357—363.
4. *Clover F. M.* Geiseric and Attila // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1973. Bd. 22, H. 1. P. 104—117.
5. *Gračanin H.* The Western Roman Embassy to the Court of Attila in A.D. 449 // *Byzantinoslavica*. 2003. Vol. LXI. P. 53—74.
6. *Leo the Great. Sermons* / Tr. by J. P. Freeland, A. J. Conway. Washington D.C.: The Catholic University of America Press, 1996.
7. *Maenchen-Helfen O. J.* The World of the Huns: Studies in their History and Culture. Berkeley: University of California Press, 1973.
8. *Martindale J. R.* The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume II. A.D. 395—527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
9. *Meier M.* A Contest of Interpretation: Roman Policy toward the Huns as Reflected in the «Honorius Affair» (448/50) // *Journal of Late Antiquity*. Vol. 10, N. 1, Spring. 2017. P. 42—61.
10. *Muhlberger S.* The Fifth-Century Chroniclers: Prosper, Hydatius and the Gallic Chronicler of 452. Leeds: Francis Cairns Publications, 1990.

³⁰ Подробнее о его миссиях см.: [31].

³¹ Подробнее о разрешении спора см.: [19, с. 112—117].

11. *Nechaeva E.* Embassies — Negotiations — Gifts: Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014.
12. *O'Flynn J. M.* Generalissimos of the Western Roman Empire. Edmonton: The University of Alberta Press, 1983.
13. *Patrologiae cursus completus, series Latina.* Vol. 54. Paris: Ed. J.-P. Migne. 1848.
14. *Thompson E. A.* A History of Attila and the Huns. Oxford: Claredon Press, 1948.
15. *Wessel S.* Leo the Great and the spiritual rebuilding of a universal Rome. Leiden: Brill, 2008.
16. *Zecchini G.* Attila in Italia: Ragioni Politiche e Sfondo 'Ideologico' di un'Invasione // *Aevum.* 1993. An 67, Fasc. 1. P. 189—198.
17. *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. Т. 3. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913.
18. *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. Т. 4. Пг.: Третья государственная типография, 1918.
19. *Боровой В. М.* Рим, Константинополь и христианский Восток в период «акакианской схизмы» (484—518 гг.). Минск: А. Н. Ярушевич, 2017.
20. *Грацианский М. В.* Борьба римского папы Льва Великого за церковное первенство в контексте восточных соборов и императорской церковной политики // *Византийский временник.* 2018. Т. 102. С. 46—70.
21. *Груссе Р.* Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан. Алматы, 2005. Т. I. Груссе Р. Империя степей // *История Казахстана в западных источниках XII—XX вв., Т. I.* Алматы: Санат, 2005.
22. *Диснер Х.-И.* Королевство вандалов: взлет и падение. СПб.: Евразия, 2002.
23. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / вступ. статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2000.
24. *Карташев А. В.* Вселенские Соборы. Минск: Харвест, 2008.
25. *Козлов А. С.* О тенденциозности «Галльской хроники 452 года» // *Античная древность и средние века.* 2004. Вып. 35. С. 55—81.
26. *Манасерян Р. Л.* Гунны в отношениях с Ближним Востоком и Римским Западом. СПб.: Алетейя, 2019.
27. *Мейендорф И.* Единство империи и разделения христиан. М.: ПСТГУ, 2012.
28. *Митрофанов А. Ю.* История церковных соборов в Италии (IV—V вв.). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2006.
29. *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб.: Евразия, 2008.
30. *Пикин А. В.* Политические миссии церковных деятелей в системе посольского взаимодействия конца IV — первой четверти VI века: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2016.
31. *Пикин А. В.* Так называемое «завещание Аркадия» и посольства Маруфы Майферкатского // *Cursor Mundi.* 2018. Вып. 10. С. 53—59.
32. *Томпсон Э. А.* Римляне и варвары. СПб.: Ювента, 2003.
33. *Уоллес-Хедрилл Дж.-М.* Варварский Запад. Раннее Средневековье 400—1000. СПб.: Евразия, 2002.

УДК 930
ББК 63.211
DOI: 10.46726/И.2021.1.10

А. В. Степанов

ВОСПОМИНАНИЯ Л. Б. ТВЕЛЬКМЕЙЕР КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СЕМЬИ СРЕДНЕГО КЛАССА В ПЕТЕРБУРГЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

На основании мемуаров Л. Б. Твелькмейер (Розинг) исследован ряд аспектов повседневной жизни семьи педагога высшей школы в начале XX в.: жилище, питание, досуг, воспитание детей. Высказаны предположения о размерах доходов семьи. Отмечены черты её жизни, типичные и нетипичные для условного «среднего класса».

Ключевые слова: Борис Розинг, Петербург, российский средний класс.

A. V. Stepanov

MEMOIRS OF LIDIA B. TVEL'KMEIER AS A PIECE OF EVIDENCE ON DAILY LIFE OF A MIDDLE CLASS FAMILY IN EARLY 20TH CENTURY ST. PETERSBURG

Upon the reminiscences of Lidia Tvel'kmeier (Rozing), some aspects of daily life of a family of an early 20th century Russian university lecturer are studied, such as housing conditions, nutrition, leisure activities, upbringing of children. The author makes suppositions about probable family income level. Features of life that are typical and atypical of the "so-called middle class" are noticed.

Key words: Boris Rozing, Saint-Petersburg, Russian middle class.

Тема повседневной жизни российского среднего класса Серебряного века в новейшей отечественной историографии фактически только начинает изучаться. После десятилетий вынужденного интереса к жизни русского пролетариата, пережив в 1990-е годы всплеск увлечения социальной историей русской буржуазии, наша наука в начале нового века постепенно расширяет поле своего зрения, включая в него те слои общества, которые, не обладая ни значительной численностью, ни политическим влиянием, тем не менее сыграли заметную роль в процессе трансформации страны, происходившем столетия назад. Одной из таких «вновь открытых» социальных групп стал российский средний класс — пёстрое по сословному происхождению, образованию и профессиональной принадлежности сообщество людей, условно объединяемых, наряду с занятием интеллектуальным, а не физическим трудом, также уровнем и образом своей жизни [4, 11, 15]. В ту пору (как, впрочем, и позднее) именно образ повседневной жизни — от одежды и питания до обстановки жилища и способов проведения досуга — в наибольшей степени определял принадлежность людей к среднему классу, который в иных аспектах сохранял значительную внутреннюю неоднородность.

Мы исследуем один источник личного происхождения, который ещё не удостоился должного внимания историков. Это мемуары коренной жительницы

Петербурга Лидии Борисовны Твелькмейер, урождённой Розинг (1898—1980). Рукопись воспоминаний сохранилась в семье её потомков и впервые опубликована в 2008 г. К сожалению, публикаторы не прояснили историю создания этого труда; указывается лишь, что он был написан в 1975—1978 гг. Знакомство с текстом позволяет предположить, что автор не предназначала его для прижизненного издания (она, например, весьма подробно, хотя и *sine ira*, описывает преследования, которым её отец подвергся со стороны органов ОГПУ в 1931—1933 гг.); возможно, Лидия Борисовна видела читателями своих воспоминаний только близких ей людей. В работе она опиралась преимущественно на собственную великолепную память, а также использовала документы из личного архива: письма родителей и родственников, автобиографию отца и даже некие справочные издания. Жизни своей семьи в дореволюционном Петербурге Л. Б. Твелькмейер посвятила две трети текста; готовя рукопись к изданию, её публикаторы не обнаружили в этом разделе каких-либо фактических ошибок.

Яркие воспоминания сохранились у мемуаристки о родительском доме, точнее — о квартире в доходном доме № 32 по ул. Ямской: «Квартира наша была на 5-м этаже в хорошем, благоустроенном доме с солидными, состоятельными жильцами. Комнаты были высокие, большие, лестница с ковром и белой дорожкой» [14, с. 41]. По мнению Е. Д. Юхнёвой, парадная лестница «с ковром и швейцаром» считалась в те времена в Петербурге неофициальным признаком высокого статуса дома [16, с. 155]. Дом был построен в 1901 г., а Розинги сняли в нём квартиру в 1903 г. и проживали до 1917 г. Выбор адреса не был случайным: дом располагался поблизости от мест службы Бориса Львовича. Впрочем, по стандартам начала прошлого века квартира на верхнем, *пятом* этаже (в доме, где лифт появится лишь в 1983 г.) не считалась слишком престижной [16, с. 79].

Дом начинается с подъезда, и его описание у Лидии Борисовны выглядит едва ли не вариацией на тему «Собачьего сердца» Михаила Булгакова: «Внизу в каморке жил швейцар Василий, который принимал почту, помогал гостям мужчинам раздеться внизу, вечером запирал подъезд. Василий всех жильцов знал в лицо, да и по имени-отчеству тоже, так что никого постороннего не пустил бы» [14, с. 41—42]. Вдобавок к услугам портье и охранника, обитатель каморки под лестницей выполнял функции носильщика: Василий помогал жильцам выгружать вещи при возвращении с дач [14, с. 50].

Воспоминания Лидии Борисовны о квартире родителей точны и конкретны: «Из большой передней был вход во все комнаты: направо — папин кабинет, в одно окно во двор, гостиная и спальня, по два окна на улицу. Направо была еще дверь в столовую, довольно темную, с одним широким окном в дальнем углу; его внутренняя рама оставалась на зиму незамазанной, чтобы можно было ставить туда продукты. В кухне была загородка для прислуги и вход на черную лестницу» [14, с. 50]. К этим четырём комнатам родительской квартиры автор в дальнейшем прибавила ещё детскую [14, с. 51]. Заметим, что даже в доме, построенном в начале XX в., отдельных комнат для прислуги в квартирах не полагалось: «домашнему пролетариату» отводилось место за загородкой в кухне, возле двери на черную лестницу (утверждая обратное, Е. Д. Юхнёва [16, с. 192] возможно поторопилась).

Женский взгляд на комфорт жилища Серебряного века, брошенный из середины 1970-х гг., находит в нём изъяны: «Сейчас кажется, что жизнь в смысле быта была очень тяжелой. Мы не имели тогда ни газа, ни горячей воды, ни пылесосов, ни центрального отопления, ни холодильников; надо было

ежедневно топить пять печей, да еще ванную колонку, да плиту, которую топили каждый день, а иногда и два раза в день: обед ежедневно готовился свежий» [14, с. 54]. Немудрено, что мать мыла дочерей в домашней ванне один раз в неделю, а сама ходила в баню [14, с. 50]. Сам же глава семейства принимал ванну по-спартански: «Утром папа наполнял себе ванну водой из холодного крана. Затем он намыливался и с шумом нырял» [14, с. 57]. Впрочем, для Петербурга начала XX в. уже наличие в доме водопровода и канализации было немалым достижением, а ванну в относительно скромной квартире «под крышей» можно и вовсе считать роскошью [16, с. 136, 138, 197].

Л. Б. Твелькмейер указывает размер арендной платы, которая причиталась с её родителей: 90 руб. в месяц без дров [14, с. 56]. Однако подобная цифра (более тысячи рублей в год, «треть бюджета») вызывает некоторое недоверие. По сведениям современного исследователя, ставки арендной платы за пятикомнатные апартаменты на 5-м этаже в питерских доходных домах начала XX века лежали в пределах от 400 до 600 руб. в год, и даже в наиболее престижных районах не превышали 850 руб. [16, с. 108]. Другой автор, сам живший в ту эпоху, приводит сходную цифру: средняя арендная плата за квартиру из 3—5 комнат в Петербурге составляла в 1912 г. 441 руб. [7, с. 58]. Заметим, что память на цифры у Лидии Борисовны просто феноменальная: например, она безошибочно указала номер телефона родительской квартиры: 95—35 [14, с. 42; проверено по: 3, с. 768].

Пищу у Розингов готовили на дровяной плите, «чай пили из самовара, который не так-то просто было ставить; потом самовары заменили спиртовками, горевшими синим пламенем под чайниками и кофейниками тут же на столе в столовой». Впрочем, современная, более демократичная техника проникла и на кухню: «Еда подогревалась на керосинках, потом вытесненных примусами, которым долго не доверяли: а вдруг взорвется. Керосинки, правда, разводили иногда ужасную копоть, но было спокойнее» [14, с. 54].

Мемуаристка не могла обойти молчанием вопрос о том, чем питались в семье Розингов, тем более что её мать до замужества успела окончить «кулинарные курсы». «Когда собирались гости, мама блистала своим майонезом с омарами, заливным из рябчиков, судаком орли, волованами»; «летом мама делала свой знаменитый раковый суп, которым объедались наши дяди» [14, с. 53]. На ужин детям полагалось кипячёное молоко с кусочком шоколада «Гала Петер». «К утреннему кофе у нас всегда подавались небольшие французские батоны, очень закаленные и немного соленые», — вспоминала Лидия Борисовна [14, с. 55]. Деликатесами в доме Розингов считались такие кушанья, как сыр «бри» («к нему мы не притрагивались, ели швейцарский»), страсбургский паштет и ананас (его глава семейства покупал раз в году, на свои именины) [14, с. 53]. Очевидно, что экономить на съестных припасах Розингам не приходилось, хотя и особой роскошью в еде они не грешили. Тот же суп из раков, по крайней мере, по представлению автора «Книжки для молодых хозяек» (1907 г.), «весьма вкусен и стоит недорого» [13, с. 4].

Разумеется, что в доме, где готовили столь изысканные блюда, «стол к обеду и завтраку накрывали по всем правилам, с белой скатертью и салфетками; у нас не выкладывали большого количества ножей и вилок, так как обед был только из трех блюд, но с обязательным сладким» [14, с. 54]. И, конечно, плебейская водка «у нас в доме не водилась»: глава семейства любил рислинг, но и им не увлекался [14, с. 53].

Мемуаристка оставила весьма подробное описание обстановки комнат. Например, «в гостиной стояли два гарнитура: один с мягкими креслами

и диваном; другая мебель — довольно неудобная, ореховая, приобретенная позднее. Еще был круглый золоченый столик, мамин письменный столик, большое трюмо в простенке, пианино» [14, с. 50]. По нашему предположению, расставить два набора мягкой мебели, пару столиков, трюмо и пианино можно только в комнате площадью не менее 35—40 м².

В спальне старших Розингов «стояли традиционные никелированные кровати»; её обстановку дополняла «маленькая мягкая мебель, крытая кретонном. В углу стоял туалетный столик, задрапированный по моде того времени тюлем на розовой подкладке, а на нем — фарфоровый туалетный прибор» [14, с. 51]. В кабинете отца семейства, кроме письменного стола, имелись также «очень хороший секретер красного дерева» и «большой диван». Там же был установлен некий спортивный тренажёр: дочь Бориса Львовича запомнила, что по утрам из кабинета отца доносился «визг резины гимнастического аппарата» [14, с. 57]. Пол в одной из комнат устилала медвежья шкура «с головой и лапами» [14, с. 61]. Очевидно, что обстановка квартиры столичного интеллигента вполне заслуживает определения «буржуазная» и лишена примет демократического, или, тем более, показного аскетизма.

Под стать обстановке квартиры были и наряды её обитателей. «Папа очень следил за своей внешностью, был даже франтом, шил костюмы у лучшего портного, всегда в белоснежной крахмальной рубашке. Наши слуги с гордостью говорили: наш барин каждый день меняет рубашку; это им прибавляло работы, но внушало уважение», — утверждала мемуаристка [14, с. 57]. Из этой обмолвки Лидии Борисовны мы можем заключить, что численность домашней прислуги в её семье превышала единицу.

Вернёмся к воспоминаниям о нарядах: «Папа знал толк в вещах и денег не жалел. Раз папа купил мне в дорогом детском магазине чудесное синее осеннее пальто и серую велюровую шляпу; мама бы это ни за что не купила, но зато я пронесла его очень долго» [14, с. 56].

А вот как супруги Розинг одевались для выхода в свет: «Я помню родителей, отправлявшихся куда-нибудь на званый вечер или в театр: мама — в голубом муаровом платье, закрытом по самые уши, папа — во фраке. Мама накидывала ротонду на лисьем меху, на голову надевался вязаный капор, чтобы не испортить причёску, и они уезжали» [14, с. 58]. Очевидно, что и в своих туалетах эти представители столичного среднего класса не проявляли демократизма, которого можно бы ожидать от людей, живущих интеллектуальным трудом, а не рентой с фамильного поместья. При этом, по утверждению мемуаристки, все «дореволюционные преподаватели высших учебных заведений и даже профессура жили скромно, как и мы» [14, с. 55].

Интересны свидетельства Лидии Борисовны о способах проведения досуга, которые практиковались в семье её родителей. На первом месте тут стояло чтение. «В нашем доме читали много, и родителей было трудно представить без книги. Читали на ночь, и эту не совсем полезную привычку передали детям. Любили читать и за едой: если кто завтракал или обедал в одиночку, то обязательно с книгой. В детстве нам много читали вслух, но мы очень быстро выучились читать сами» [14, с. 52].

Мемуаристка удивительно подробно описала круг семейного чтения и его расширение по мере своего роста. Приобщение к литературе началось с детских журналов типа «Родник»; за ними следовали сказки Ш. Перро, Г. Х. Андерсена, братьев Гримм; следом наставала очередь современных русских писателей (или, точнее, писательниц — Лухмановой,

Лукашевич, Желиховской, «неизменной Чарской»). Отец читал дочерям произведения своих любимых авторов — Диккенса и Гоголя [14, с. 51—52]. Несколько странно, что девочки — пусть и дочери учёного-физика — в детстве «увлекались Жюль Верном»; куда логичнее, что сестра Лидии Таня «уже в восемь лет поглощала Чарскую в неограниченных количествах». Глава семейства пытался следить за кругом чтения своих дочерей: «Как-то он дал читать мне, уже почти взрослой, трилогию Мережковского, и в части “Леонардо да Винчи” были сколоты несколько страниц и написано: “Не читать!” Мне и в голову не могло прийти послушаться, и я до сих пор не знаю, что там было» [14, с. 52].

В этот традиционный мир семейных увеселений в начале нового века стремительно ворвался технический прогресс. Едва в Петербурге открылись первые синематографы, как сам Борис Львович и его дочери стали их заядлыми посетителями. «Можно сказать, я выросла вместе с кино. Первое мое знакомство с кино оказалось сильным шоком, я страшно испугалась и была ревущей вынесена из зала. Мне было пять лет, вероятно, но я быстро привыкла, и мы с папой ходили на все фильмы с Максом Линдером, Пат и Паташоном, невозмутимым Гарольдом Ллойдом и пр., а потом и с Чаплиным. С захватывающим интересом смотрели ковбойские фильмы ...» [14, с. 58]. Впрочем, Розинг-старший отчасти контролировал и это увлечение своих дочерей: «Сентиментальные фильмы с Мозжухиным и Верой Холодной я не помню; вероятно, на них папа нас не водил». Заметим, что ходил с девочками в кино сам их отец, не поручая это никому из домашней прислуги.

Зимой по воскресеньям отец брал дочь на каток. Родители Лидии, по её утверждению, были хорошими конькобежцами: Борис Львович умел танцевать на льду вальс и «кататься “голландским шагом”» [14, с. 58]. Отец также находил время, чтобы вместе с дочерьми совершать длинные прогулки вдоль набережных Невы, или по осени ездить на Каменный остров «шуршать листьями», а по весне — на Елагин остров «слушать лягушек» [14, с. 59]. Эстетическому воспитанию детей способствовали посещения — опять же в компании отца и по его выбору — выставок живописи, художественных музеев, концертов камерной музыки, оперных спектаклей Мариинского театра и «утренников» в Александринке [14, с. 62]. В этот список едва ли не стандартных в семьях столичной интеллигенции адресов «культпоходов» тоже вторгался бурный двадцатый век: Розинг возил дочь на окраину Петербурга смотреть полёты первых аэропланов [14, с. 60].

Прогулки с няней имели более традиционные, патриархальные маршруты: «вербные базары» и часовенки со святой водой, которой «няня нас обязательно поила, когда мы проходили мимо» [там же].

Воспоминания Лидии Борисовны о нянях и вообще о домашней прислуге заслуживают особого внимания: ровесники Серебряного века нечасто замечали эту «деталь интерьера» и ещё реже упоминали её в своих мемуарах. «Первой вспоминается мамина няня, Екатерина Николаевна. Это была очень умная, властная женщина, державшая в повиновении весь дом. У нее была прирожденная воспитанность, умение себя держать во всех обстоятельствах с достоинством» [14, с. 65—66]. Когда Екатерине Николаевне однажды показалось, что хозяйка дома ей не доверяет, няня немедленно ушла из него, и барыне пришлось уговаривать её вернуться на службу.

Вот другое воспоминание на ту же тему: «Наше семейство было связано с семьей Моисеевых из Ярославской губернии, которые стали для нас почти родными. Первой появилась няня Афанасия, вынянчившая нас всех

троих. Всегда в опрятном сатиновом платье, в белоснежном переднике и в чепце (сборки своих чепцов она всегда крахмалила и плоила особыми щипцами), степенная, удивительно уютная» [14, с. 66].

Идиллическую картину службы прислуги в семье Розингов завершает следующее утверждение Лидии Борисовны: «У нас ничего не запиралось, может быть, только деньги и драгоценные вещи, уж во всяком случае не еда. К прислуге относились с уважением, всем говорили “вы”, но всё же дистанция соблюдалась, никогда не было фамильярности, были барин и барыня, и каждый знал своё место. Нам не позволялось дерзить или делать замечания прислуге, и следовало благодарить за всё» [14, с. 67]. Хочется верить, что всё обстояло именно так, хотя у иных россиян того века сложилось противоположное мнение о своих домработницах [9].

Представляют интерес суждения Лидии Борисовны о политических взглядах своего отца. «Отец был далек от политики, но, конечно, возмущался политикой царского правительства и министерской чехардой, которая не сулила ничего хорошего. Общественная деятельность отца выражалась в пропаганде научных знаний: он охотно читал лекции в рабочем университете, писал и издавал популярные книги по физике, которые были понятны совсем не искусственным в науке людям. Его девиз был: знания в народ. Февральская революция была им встречена с удовлетворением, как и большинством интеллигенции, как единственный выход из создавшегося тупика. Но военная капитуляция ему казалась невыносимой» [14, с. 71]. Показательно, что мемуаристка не помнит, чтобы до революции в её доме читались газеты или велись споры на политические темы. Насколько такой аполитизм был типичен для столичной среднеклассной академической интеллигенции, судить трудно.

Легче судить о том, какую роль в жизни семьи Розингов играла религия. Главные праздники православного церковного календаря в доме отмечались, и соответствующие церковные службы посещались. При этом по крайней мере сама мемуаристка — в те времена юная девочка — относилась к ним с должным почтением. «Торжественно проходила Пасха. На вербной неделе мы говели, это с мамой, в домовый церкви Первой мужской гимназии. Почти не освещенная церковь, тишина, очередь из дам и детей к ширмочке, за которой слышен взволнованный шепот и тихий голос священника: “Аз, смиренный иерей, властью, мне от Господа Бога данной...”, и идет следующий. Наконец и моя очередь. С замиранием сердца выкладываю свои немудреные грехи, потом священник читает молитву, закрывая мне голову эпитрахилью, и охватывает такое чувство облегчения!» [14, с. 61].

Не менее эмоционально воспринималось другое церковное таинство: «Надеваем полный парад, всё белое, и отправляемся к причастию... С трепетом проглатываешь причастие с золоченой ложечки и запиваешь теплым вином с водой из маленького ковшичка, которых множество стоит на подносе. И в школу в этот день не ходили законно — были у причастия» [14, с. 61—62].

Должным образом отмечался в семье Розингов праздник Пасхи. Готовиться к нему начинали с четверга на Страстной неделе: «В четверг ходили на двенадцать евангелий, которые трудно было все выстоять. Домой шли с зажженными свечами в особых фарфоровых держалочках, и от донесенного огонька зажигали свечи перед образами, которые у нас были во всех комнатах в правых углах, лампадки зажигались только перед Пасхой» [14, с. 62]. Заметим, что в доме столичного естествоиспытателя, работавшего над передачей изображения по проводам (над задачей, решить которую удастся только

через 20 лет!), в красном углу *каждой комнаты* имелись *образа*. Финалом пасхальных торжеств было само Светлое Воскресенье: «Когда мы были малы, к заутрене нас не брали; мы ложились, как обычно, спать, а родители, вернувшись, нас будили. Не было случая, чтобы кто-то не захотел встать и пропустил разговление. Когда подросли, ездили с папой в домовую церковь Константиновского училища, где было очень парадно» [14, с. 62].

Таким образом, об атеизме, безверии или религиозном индифферентизме семьи петербургского учёного говорить не приходится. По крайней мере в деле соблюдения обычаев Розинги вели себя так, как предписывала православная церковь, хотя, возможно, и без особого рвения. Их приверженность религиозным традициям проявилась в трагические часы, последовавшие за смертью младшей сестры Лидии Борисовны — Тамары, скончавшейся в апреле 1917 г. от дифтерита: над телом ребёнка монашка творила чин погребения [14, с. 73]. О сохранении обычаев веры свидетельствует и главный в семье зимний праздник: Розинги отмечали не встречу Нового года, а Рождество — с нарядной ёлкой, подарками, «рождественскими угощениями» (орехами, финиками, пряниками и леденцами), приёмом гостей с детьми и поездками по родственникам [14, с. 61]. Даже проживая летом на загородной даче, Розинги (или, по крайней мере, их дочери) по воскресеньям ходили через речку в соседнее село «к обедне» [14, с. 47] и «часто ездили в женский монастырь на большом озере» [14, с. 48].

Повседневную жизнь семьи Б. Л. Розинга, описанную его дочерью, вряд ли можно считать абсолютно типичной для всего среднего класса имперской столицы. Вероятно, далеко не всем супругам удавалось так гармонично разделить между собой домашние обязанности: «Папина забота была дать деньги на хозяйство, а как их истратить — было мамино дело, и делала она это очень разумно, записывала все расходы и из бюджета не выходила» [14, с. 55]. В подобной практике можно усмотреть что-то немецкое, излишне педантичное; однако надо признать, что она приносила полезный результат.

Единственной основой этой идиллии служили заработки Б. Л. Розинга. В 1900—1910-е гг. он преподавал в трёх образовательных учреждениях: Технологическом институте, Константиновском артиллерийском училище и на Женских Политехнических курсах. Ученик Бориса Львовича — знаменитый В. К. Зворыкин — утверждал в «Автобиографии», что в 1900-х гг. Розинг работал ещё в Главной палате мер и весов [17, р. 24]. Однако других свидетельств этому нет; возможно, Зворыкин ошибся: здание Главной палаты соседствовало в Петербурге с комплексом построек Артиллерийского училища. Заметим, что ни в одном из мест работы Розинг не числился *профессором*: в Технологическом институте он занимал должность преподавателя электрометрии [5, с. 199], в училище служил штатским лектором [14, с. 105]. На Женских курсах он стал деканом факультета, но профессором не состоял и там [5, с. 242].

Оклады жалования преподавателей столичного *государственного* вуза Серебряного века можно представить на основании «Памятной книжки Императорского Археологического института» на 1911 г. Его «постоянные преподаватели», имевшие степень доктора и чины IV—V классов, получали в год от 300 до 1000 руб. (в среднем — 650 руб.) [8, с. 13]. Более щедро оплачивался труд преподавателей Демидовского лицея (г. Ярославль), который считался «почти университетом»: например, в 1908 г. его доценты и приват-доценты в чинах VII—IX классов получали по 1440 руб. в год, и даже «лектор» с чином VI класса получал 1000 руб. [10, с. 59—60].

Вознаграждение за службу преподавателя *негосударственного* учебного учреждения (НОУ) можно оценить по примеру Высших Женских курсов в Варшаве. Там в 1912—1913 году оно составляло от 700 до 1000 руб. [6, с. III—V, X—XI]. Возможно, работа сотрудника Политехнических курсов в Петербурге оплачивалась щедрее: своим бюджетом они превосходили тот же Археологический институт вшестеро, а числом преподавателей — лишь вчетверо [12].

Впрочем, понятие финансового благополучия весьма растяжимо: судя по тому, что в 1895 г., когда «кандидат университета» Б. Л. Розинг служил только в Технологическом институте [1, стб. 715], он с женою уже снимал квартиру в новом пятиэтажном доме [1, с. 343] по соседству с профессором С. Ф. Платоновым, — жалования супруга молодой семье хватало; искать дополнительный заработок, вероятно, пришлось, когда в ней появились дети. Тогда Борис Львович и «взял» место в Артиллерийском училище.

Женские курсы в Варшаве могут также служить ориентиром для определения объёма учебных поручений преподавателей начала прошлого века. Там ординарный профессор вёл занятия по 2—3 часа в неделю [6, с. 10], экстраординарный профессор — по 4 часа [6, с. 11]. Нагрузка их коллег не выходила за эти же рамки [6, с. 100, 105, 109]. То, что и в столице России нагрузка преподавателя была не больше, косвенно свидетельствует сама Лидия Борисовна. Вспоминая службу отца в Артиллерийском училище, она писала: «Лекций было мало, и он мог спокойно работать и для себя. Немудрено, что он держался за училище, дававшее ему такие возможности» [14, с. 59].

Повседневная жизнь семьи Б. Л. Розинга демонстрирует двойственную природу российского среднего класса начала XX века. По уровню комфорта занимаемого ими жилища, по качеству питания, по способам проведения досуга, а, главное, по характеру и интенсивности трудовой деятельности главы семейства, Розинги вполне укладываются в «среднеклассные» рамки: всё у них не бедно, но и не роскошно. Этим же рамкам соответствует состав семьи: пожилые родители супругов живут отдельно от своих взрослых детей, а те, в свою очередь, ограничили собственные репродуктивные усилия тремя дочерьми (для сравнения: у В. К. Зворыкина, который был старше Лидии Борисовны на 10 лет и происходил из семьи богатого провинциального купца, имелось 11 братьев и сестёр [17, р. 1]).

Розинги не стремятся вверх по социальной лестнице. Они не жалуются на тесноту квартиры, хотя в ней отсутствует, например, такой атрибут подлинных «барских апартаментов», как будуар — женский аналог кабинета супруга, да и единственная детская комната для трёх девочек маловата. Борису Львовичу и его жене не приходит в голову мысль обзавестись собственным выездом, тем более — автомобилем. Их планы купить заброшенное имение в деревенской глуши пришлось отставить из-за нехватки денег, хотя продавалось оно «что-то очень недорого» [14, с. 49]; так и не став помещиками, Розинги остались скромными дачниками. При этом они не экономят на своих детях, например, отдают их в дорогие частные школы, и не перекармливают заботу о воспитании дочерей на плечи одних лишь нянь (как нередко практиковалось в домах высшей знати). Глава семьи далёк от политики и видит своё служение обществу в сочинении научно-популярных брошюр для народа.

Однако важного качества полноценного среднего класса — независимости от государства, социальной самодостаточности — Б. Л. Розингу (а, следовательно, и его семье) ещё не хватает. Два из трёх мест его службы — это типично казённые учебные заведения, жившие «на широкую ногу», в частности

готовые предоставлять своим даже не «остепенённым» сотрудникам средства для малоперспективных научных исследований. Женские курсы, где также работал Борис Львович, открылись при его активном участии в 1906 г. и были типичным НОУ, хотя их директор Н. Л. Щукин служил «по совместительству» товарищем министра путей сообщения [14, с. 49]. Однако Курсы могли успешно работать лишь благодаря упорному отказу государства допустить женщин в традиционные вузы. Как долго мог сохраняться наплыв на Курсы девушек, готовых заплатить 750 рублей за пять лет учёбы [5, с. 343], не получая даже при успешном её окончании диплом официального образца [12], можно только гадать. «Встроенность» Б. Л. Розинга в государственную структуру иллюстрирует также его стабильный рост в классных чинах: в 1907 г. он — надворный советник [2, стб. 476], а в 1912 г. — уже статский [3, с. 768].

Список литературы

1. Адресная книга города С.-Петербурга на 1895 г. / сост. И. О. Яблонский. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатная, 1895. 1272 с.
2. Весь Петербург на 1907 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб.: Издание А. С. Суворина, Б. г. 813 с.
3. Весь Петербург на 1912 год. Отдел III. Алфавитный указатель жителей города С.-Петербурга. 1912. 1065 с.
4. *Иванова Н. А.* Формирование среднего класса в Российской империи конца XIX — начала XX в. Теория и конкретика. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 294 с.
5. Новейший путеводитель по С.-Петербургу. СПб.: Типография АО «Герольд», 1911. 292 с.
6. Отчет о состоянии Варшавских Высших Женских курсов за 1912—1913 акад. год (4-й год существования). Варшава: Типография «Русского о-ва», 1914. 169 с.
7. *Пажитнов К. Н.* Экономический очерк Петербурга // Петербург и его жизнь. СПб.: Типография бр. В. и И. Линник, 1914. С. 39—71.
8. Памятная книжка Императорского Археологического института в С.-Петербурге. 1878—1911 / сост. П. С. Яковлев. СПб.: Типография В. Д. Смирнова, 1911. 100 с.
9. *Самарина Л. А.* «Мерзавцы всё крали»: воровство среди домашней прислуги в России втор. пол. XIX в. // История повседневности. СПб., 2017. № 1 (3). С. 77—88.
10. Справочная книга Ярославской губернии на 1908 г. / сост. А. П. Морозов. Ярославль: Типография губ. правления, 1908. 145 с.
11. *Степанов А. В.* Средний класс Иваново-Вознесенска в начале XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Вып. № 3 (4). С. 22—30.
12. *Степанов А. В.* «Старые» и «новые» вузы Петербурга 1900-х гг. по материалам справочных изданий // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 3. С. 41—54.
13. Сто двенадцать обедов. Книжка для молодых хозяек. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1907. 128 с.
14. *Твелькмейер Л. Б.* Мой отец и его окружение // Нестор: журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2008. № 12. С. 11—142.
15. *Экитут С. А.* Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012. 426 с.
16. *Юхнёва Е. Д.* Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. 3-е изд., испр. и доп. М.: Центрполиграф, 2012. 383 с.
17. Iconoscope: An Autobiography of Vladimir Zworykin. URL: <http://www.davidsarnoff.org/vkz-chapter02.html>. (дата обращения: 18.08.2020).

УДК 37.015
ББК 74.3(2)53
DOI: 10.46726/Н.2021.1.11

А. С. Хрипунов

СКЛАДЫВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматриваются основные положения либеральной программы развития народного образования в России на рубеже XIX—XX вв. Особенное внимание уделяется институциональному оформлению либерального движения в России, разработке различных проектов программ реформирования российской школы. Дается анализ программных требований ведущих либеральных партий России — кадетов и октябристов, выделяются схожие и отличающиеся черты их программ. Особое внимание уделяется вопросу о либеральном взгляде на проблемы введения всеобщего обучения, развития среднего образования, высшей школы, а также проблемам образования и воспитания инородцев. Отмечается, что образовательные программы либералов были тесно связаны с их политическими и экономическими доктринами. Реформированное образование рассматривалось ими как фундамент будущего гражданского развития страны, а также роста производительных сил народа и его благосостояния. Анализируются сходства и различия подходов кадетов и октябристов к решению проблем образования, а также их ключевые противоречия. Отмечается важность либеральных концепций как наиболее адекватных общественно-политическим и социально-экономическим реалиям царской России в эпоху правления Николая II.

Ключевые слова: политические партии, кадеты, октябристы, либеральное движение, Государственная Дума, народное образование.

A. S. Khripunov

THE EMERGENCE AND EVOLUTION OF THE LIBERAL PROGRAM OF PUBLIC EDUCATION DEVELOPMENT IN RUSSIA IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURY

The article deals with the main provisions of the liberal program for the development of public education in Russia at the turn of the XIX—XX centuries. Particular attention is paid to the institutionalization of the liberal movement in Russia, the development of various projects of programs for reforming the Russian school. An analysis of the program requirements of the leading liberal parties of Russia — the Cadets and Octobrists — is given, similar and distinguishing features of their programs are highlighted. Particular attention is paid to the issue of a liberal view of the problems of introducing universal education, the development of secondary education, higher education, as well as the problems of education and upbringing of national minorities. It is noted that the educational programs of the liberals were closely related to their political and economic doctrines. The reformed education was considered by them as the foundation for the future civil and legal development of the country, as well as the growth of the productive forces of the people and their well-being. The similarities and differences in the approaches of the Cadets

---

© Хрипунов А. С., 2021

and Octobrists to the solution of educational problems, as well as their key contradictions, are analyzed. The importance of liberal concepts as the most adequate to the socio-political and socio-economic realities of tsarist Russia during the reign of Nicholas II is noted.

Key words: political parties, Cadets, Octobrists, liberal movement, State Duma, public education, universal primary education.

Одной из важнейших проблем развития России на рубеже XIX—XX вв., которая косвенно или прямо затрагивала все иные сферы жизни общества, была проблема недостаточного развития системы народного образования. Она была сложной и заключалась в: 1) архаичности отечественной школы всех уровней, основы которой были заложены еще в дореформенный период; 2) чрезмерном многообразии типов школ, различии программ обучения, что затрудняло переход из низших учебных заведений в средние и высшие; 3) недоступности элементарного образования для большинства населения; 4) несоответствии образовательных программ местным условиям и новому хозяйственному укладу; 5) тотальном недофинансировании образования со стороны государства, что усугубляло все другие факторы.

Одну из наиболее аргументированных и проработанных попыток вывести отечественное образование из кризиса предприняли русские либералы. Либерализм в России, как широкое общественное течение, значительно влиявшее на большинство общественных процессов, сложился в России к середине XIX в., закрепился вместе с реформами 1860—1870-х гг.

Именно в эту эпоху произошло первое институциональное обособление представителей либеральной мысли России. Городское и земское самоуправление стало оплотом их деятельности. Постепенно, к 1870—1880-м гг., земства переходят от обслуживания нужд местной администрации, которые входили в т. н. «обязательные повинности» (содержание полицейских квартир, строительство и ремонт дорог и проч.), к широкой гуманитарной деятельности. Наиболее активно она выражалась в области здравоохранения и народного образования. Так, открытие и содержание школ становится одной из важнейших расходных статей земств [20, с. 64—68].

Именно в этот период были сформулированы основные принципы либеральной концепции образования: общеобразовательная школа, возможность беспрепятственного перехода из школы одной ступени в школу другой ступени, широкая автономность, отсутствие всякого рода искусственных ограничений доступа к образованию (половых, национальных, религиозных, сословных). Сложившись прежде всего в среде земств, либеральная программа народного образования окончательно утвердила принцип равенства. Это должно было стать еще одним ударом по традиционному обществу.

Вопросы образования пользовались повышенным вниманием не только со стороны органов местного самоуправления. Во второй половине XIX в. в большом количестве стали возникать учительские и просветительские общества либерального толка: Московское общество распространения технических знаний, Санкт-Петербургское педагогическое собрание, педагогические общества в Москве, Одессе, Казани, в других городах. Наиболее активными были комитеты грамотности в Москве и Петербурге. В их работе принимали участие виднейшие русские педагоги и земские деятели — С. Ф. Ольденбург, В. П. Вахтеров, князь Д. И. Шаховской, А. Ф. Петрушевский, Д. Д. Протопопов

и др. [16, с. 4]; в 1890-е гг. их состав пополнили в будущем видные педагоги и историки образования Г. А. Фальборк и В. И. Чарнолуский. Многие из них в начале XX в. влились в активную политическую деятельность, представляя либеральные партии и организации.

Участники этих обществ пытались выработать теоретические основы реформ всех ступеней школы с учетом нужд населения и государства в целом. Однако, принимая во внимание низкую материальную базу народного образования в России, авторитарный характер государства, а зачастую и дилетантизм самих либералов, мы должны отметить, что все попытки разработать какие-либо проекты не увенчались успехом.

Первой организацией либерального толка, имевшей свою определенную программу, был кружок «Беседа» (1899—1905 гг.). В него входили видные представители интеллигенции, будущие деятели партии кадетов и октябристов — Д. И. Шаховской, В. А. Маклаков, П. А. Гейден, Д. Н. Шипов, Н. А. Хомяков и др. [17, с. 41—53]. Вопросы образования были одной из центральных тем обсуждения кружка. Они выработали идею о необходимости общественного контроля над образованием [17, с. 120—121]. Их взгляды получили развитие в сборнике «Всеобщее образование в России» [2].

Более серьезными либеральными организациями, уже ставившими в числе своих целей и организацию партий, стали «протопартийные» структуры — Союз освобождения и Союз земцев-конституционалистов, появившиеся в 1903—1904 гг. [7, с. 62, 74]. Важным является тот факт, что их появление фактически стало следствием ужесточения цензурной политики правительства и усиления борьбы с любой оппозицией, в число которой попали и различные либеральные организации — столичные комитеты грамотности, Вольное экономическое общество и др. Значительная часть интеллигенции резко полевела в своих убеждениях, другая заняла выжидательную позицию. Так или иначе, образовавшиеся союзы освобожденцев и земцев-конституционалистов носили нелегальный характер.

Несмотря на то, что помимо «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов» существовали и другие объединения либерального толка, именно они составили ядро партии кадетов, а также сыграли заметную роль в обособлении Союза 17 октября. Именно программные установки освобожденцев и земцев-конституционалистов легли в основу партийной программы кадетов. Несмотря на значительную степень общности целей и задач обеих организаций, они не были идентичными по социальному составу и тактике. Союз освобождения находился на левом фланге либерализма, был демократичен по составу. Сравнивая программу освобожденцев с программой земцев-конституционалистов, ряд историков характеризует первых как представителей радикального либерализма [13, с. 7].

Обе организации, включавшие в свой состав людей, имевших богатый опыт работы напрямую с населением, знавших его чаяния и нужды, выступали за введение в России конституции. Широкая политическая и социальная программа синтетически включала в себя и вопросы образования. Так, по воспоминаниям видного земского деятеля и члена партии октябристов Д. Н. Шипова, на первом общеземском съезде в мае 1902 г. была выработана общая программа, затрагивающая главным образом вопросы экономического развития села и города. Важным, с точки зрения развития народного образования, здесь был пункт, требующий обеспечения общедоступности образования, расширения программы начального обучения, предоставления прав широкой

инициативы в этой сфере для общественности [24, с. 167]. Это тесно связывалось с развитием отечественного промышленного и сельского производства.

Это стало первым шагом в деле оформления либеральной программы образовательной реформы. Безусловно, эта проблема поднималась в учительских организациях, комитетах грамотности, земских кружках и раньше, но зачастую последние просто констатировали пагубное положение в стране, предписывали необходимый идеал, к которому следует стремиться.

Следующим шагом к формированию либеральной доктрины стало появление полноценных программ Союза освобождения и земцев-конституционалистов [22, с. 24—40]. Проблемы образования занимали в них важное место, связывались с социально-экономическими, общественно-политическими и этнокультурными вопросами. Так программа освобожденцев, принятая весной 1905 г., содержала следующие требования: введение в России всеобщего начального (затем и обязательного) светского обучения, передача начального и среднего образования на места, автономия высшей школы, преемственность учебных программ всех ступеней образования, приспособление нужд среднего образования к местным условиям [7, с. 160]. Очевидно, за основу образовательной доктрины были взяты высказанные на ноябрьском общеземском съезде 1904 г. тезисы [7, с. 125—132]. Конкретизированные, они составили ядро программы освобожденцев.

Отметим, что преобразования высшей школы программой Союза освобождения тесным образом связывались с развитием гражданского общества и правового государства. В условиях авторитарного самодержавно-монархического режима, демократизация высшей школы была маловозможна.

Программа земцев-конституционалистов по вопросам образовательной политики повторяла основные положения программы «Союза освобождения», но с некоторыми отличиями. Так они считали, что вводить бесплатность образования на всех ступенях является преждевременной мерой [10, с. 307]. Земцы-конституционалисты считали, что полное содержание среднего и высшего образования государством и органами местного самоуправления повысит налоговую нагрузку на население, особенно сельское, которое и так вынуждено платить значительные сборы.

Таким образом, образовательные программы наиболее значительных либеральных протопартийных организаций, очевидно, носили прогрессивный характер. Их авторы учитывали позитивный мировой опыт, прежде всего западноевропейский, те представления о формах народного образования, которые сложились в русской либеральной педагогической среде в предшествующий период. Их программные положения в области просвещения органично вписывались в социально-экономическую и политическую доктрину.

Представители либеральной мысли первыми приступили к созданию легальных политических партий. Главными атрибутами любой партии являются ее устав и программа. Первой на политическую сцену, среди либералов, вышла партия кадетов, учредительный съезд которой проходил 12—18 октября 1905 г., и на котором была выдвинута партийная программа, опиравшаяся, главным образом, на программу Союза освобождения. Для составления раздела о просвещении была создана специальная комиссия, которая рассмотрела программы Союза освобождения и Союза земцев-конституционалистов в этой области. В выработке конечного текста принимали участие И. М. Сахаров, Э. Д. Grimm, С. А. Котляревский и некоторые другие. За основу также была взята программа освобожденцев [3, л. 8—10]. Свой окончательный

вид она приобрела уже на II съезде в январе 1906 г., где она была конкретизирована по ряду вопросов.

Союз 17 октября начал свое организационное оформление сразу после издания одноименного манифеста. Ее костяк составило «меньшинство» земско-городских съездов во главе с А. И. Гучковым [21, с. 190]. В отличие от кадетов, полагавших, что этот документ является первым шагом к более серьезным преобразованиям, октябристы считали, что права и свободы, дарованные манифестом, уже достаточны, а главной задачей общественных сил является их закрепление и недопущение разрастания революционного хаоса в стране. Уже в ноябре 1905 г. октябристами был подготовлен текст «Воззвания» к избирателям под подписью председателя московского отделения ЦК Д. Н. Шипова, где и были изложены наиболее общие партийные задачи — борьба с реакцией и борьба с революцией [23].

Образовательная программа кадетов в исследуемый хронологический период никак не изменялась. Ее основные положения легли в основу деятельности Лиги образования (всероссийская общественная просветительская организация, существовавшая в 1906—1917 гг.). Формально она носила беспартийный характер, однако, среди ее руководства мы видим представителей партии кадетов: П. Н. Милюкова, А. А. Мануйлова, А. А. Шахматова, Г. А. Фальборка, В. И. Чарнолуцкого и др. Проекты реформ Лиги часто использовались кадетами как свои собственные, представлялись ими в качестве законопроектов в Думе. Ее местные отделения использовались для ведения агитационной партийной работы. То есть можно утверждать, что Лига образования являлась профильной кадетской организацией, труды ее лидеров часто дополняли и разъясняли кадетскую программу. Например, к работе в созданной в 1907 г. фракционной комиссии по народному образованию привлекался Г. А. Фальборк [1, с. 46]. Кадетский проект «Положения о школах», внесенный в III Думу, также был создан в недрах Лиги образования. В 1908 г. по ее инициативе в столице была открыта Педагогическая академия [22, с. 303].

Получила дальнейшую разработку и октябристская доктрина, ее основные пункты уточнялись и разъяснялись на партийных съездах. Очевидно, что активное внимание к вопросам образования объяснялось определяющим местом их в либеральной программе преобразований, а также фактически prevailing положением партии октябристов в III Государственной Думе. Так после победы на выборах в 1907 г. член фракции октябристов Е. П. Ковалевский прямо обозначил приоритеты их деятельности, назвав ее «Думой народного просвещения» [5, стб. 407]. Активизация октябристской фракции в этом вопросе требовала от них не только уточнения их собственной программы, но учета взглядов и мнений их оппонентов, как внутри либерального движения, так и вне его.

Наиболее широко проблемы образования обсуждались на III съезде Союза 17 октября, который проходил 4—8 октября 1909 г. На съезде работала секция по народному образованию, председателем которой был избран В. К. фон Анреп. Он возглавлял и комиссию по народному образованию в III Государственной Думе [11, с. 91—93, 108—110, 122—124]. Кроме В. К. фон Анрепа, с докладами по проблемам образования выступили члены фракции октябристов в Думе — профессор Казанского университета М. Я. Капустин и товарищ председателя думской комиссии по образованию Е. П. Ковалевский.

Итак, программа октябристов в области образования требовала следующее: правительство и народные представители должны приложить все необходимые усилия для скорейшего введения всеобщего начального обучения; увеличение средних и высших учебных заведений, в особенности технических, до такого количества, которое бы удовлетворяло насущные нужды страны; предоставление самой широкой общественной и частной инициативы в деле открытия и содержания учебных заведений; пересмотр учебных программ с целью их упрощения и приведения в соответствии с насущной жизнью народа; установление прямой преемственности между различными ступенями школ [12, с. 347].

Опираясь на материалы съездов, думских прений и на другие разделы программы, мы можем отметить дополнительные принципы образовательной политики, которых придерживались октябристы. В первую очередь это обеспечение равного доступа к образованию всех подданных империи без различия пола, религии и национальности. Во-вторых, это гарантии бесплатности обучения, по крайней мере, в начальной школе. В-третьих, поддержка прав родителей на активное участие в образовательной жизни детей. В-четвертых, улучшение материального положения учителей, а также значительные усилия для подготовки преподавательских кадров для начальной и средней школы. Также октябристы выступали за повышение полномочий педсоветов в учебных заведениях, за развитие внешкольного обучения, настаивали на введении всеобщего начального обучения в десятилетний срок (который затем был увеличен до 25 лет) [11, с. 55—56, 122—124].

В ходе прений и обсуждений были более детально сформулированы позиции октябристов по реформе среднего образования. На III съезде партии отмечалось, что Россия должна в короткие сроки догнать западные страны по уровню развития и доступности среднего образования. Были отмечены первоочередные задачи октябристов в вопросе средней школы: 1) она должна быть национальная — русская; 2) должна быть повышена ее воспитательная роль, что в свою очередь возможно только при наделении должными полномочиями педагогических советов, допуске семей учеников в школы, значительной децентрализации школьного дела; 3) она должна давать общее среднее образование, т. е. быть не только подготовительной ступенью в университеты, но и иметь законченное практическое значение [11, с. 136—138].

Рассмотрим программу кадетов: 1) народное образование должно быть организовано на принципах свободы, демократичности и децентрализации; 2) полная свобода частной и общественной инициативы в учреждении и организации учебных заведений всех видов; 3) установление органичной связи между всеми ступенями школ; 4) снятие наиболее одиозных ограничений на право занимать должность преподавателя (свобода преподавания); 5) введение широкой автономии для высших учебных заведений; 6) увеличение количества высших учебных заведений, в первую очередь технических, снижение платы за обучение в них (пункт программы земцев-конституционалистов о полной бесплатности всего обучения, как и многие другие, которые не соответствовали программе «Союза освобождения», был отвергнут комиссией авторов программы); 7) уничтожение всех ограничительных мер к поступлению в школы всех ступеней; 8) поступательное увеличение числа средних учебных заведений; 9) расширение прав местного самоуправления в деле образования, вплоть до передачи дела его заведыванием полностью на места [12, с. 333].

Таким образом, либеральные программы в целом декларировали схожие принципы. Программы октябристов и кадетов были ориентированы на общую эволюцию политической системы и общественного строя России, а также были связаны с другими разделами их доктрин.

Так, по их мнению, углубление гражданско-правовых основ общества возможно лишь при просвещении народа, только свободная личность может стать подлинным фундаментом гражданского общества. Образование выступало в качестве ведущего средства достижения этой свободы [22, с. 89—91].

Народное самосознание, которое может возникнуть только при правильно поставленном деле образования, по мнению лидера кадетов П. Н. Милюкова, должно стать прочным фундаментом подлинного правового порядка. Октябристы занимали схожую позицию. Важность работы их думской фракции в области образования не раз отмечалась в ходе работы III съезда партии В. К. фон Анрепом, М. Я. Капустиным, Е. П. Ковалевским и некоторыми другими [11, с. 60].

Кроме того, октябристы смотрели на необходимость развития образования и под другим углом. Помимо усиления реакции просвещение народа должно было уберечь страну от новой революции. По их мнению, неграмотные и малообразованные люди были наиболее восприимчивы к леворадикальной агитации, зачастую не понимали подстрекательной сущности их деятельности. Несмотря на сдержанную критику нового избирательного закона, принятого летом 1907 г., октябристы отмечали в нем и положительные черты. Так, М. Я. Капустин — председатель бюджетной комиссии в 1907—1917 гг., в речи по поводу роспуска II Думы отмечал, что новые правила будут в ближайшей перспективе иметь положительное значение, т. к. среди депутатов будет гораздо меньшее число откровенно неграмотных необразованных людей, единственным желанием которых было насильственное перераспределение земли в их пользу [4].

Таким образом, октябристы еще раз подчеркивали, что подлинное гражданское общество возможно только среди образованного народа. Профессор М. Я. Капустин утверждал: «Надо, чтобы в широких слоях населения укрепилось сознание необходимости Г. Думы, сознание, что возврат к прошлому нежелателен и невыносим» [11, с. 47]. Просвещение должно уберечь Россию и от возвращения в деспотию, и от революционных потрясений. В то же самое время в разжигании революции обвинялись не только различные радикалы, но и само правительство, которое как будто намеренно принимает положения и уставы, которые не могут не спровоцировать волнения. В частности, в таком контексте речь шла об университетском уставе 1884 г. [11, с. 160—165]. Схожие взгляды выражал лидер кадетов П. Н. Милюков, говоря о попытках официальных печатных органов дискредитировать Государственную Думу и другие завоевания революции [9, с. 431—433].

В работах и выступлениях видных кадетов Н. И. Кареева, М. М. Клевенского мы обнаруживаем критику правительства, которое, по их мнению, намеренно тормозит всякую полезную деятельность в сфере образования.

Солидарную позицию занимали и октябристы. Неоднократно с думской трибуны промедление Министерства просвещения в введении всеобщего обучения и реформе средней школы называлось крайне опасным, а в 1914—1915 гг. министерство в своем бездействии стало обвиняться в нарочном вскармливании новой революции [6, стб. 322—333].

Таким образом, образовательные доктрины кадетов и октябристов имели довольно много общего — зачастую они выступали с единых позиций и в печати, и с трибуны российского парламента.

Следует теперь акцентировать внимание на различии программ кадетов и октябристов, которые не нарушали видимого единства целей и задач в образовательной политике, но были принципиальными и отражали разное видение не только схожих целей, но и методов и путей их достижения.

Крайне дискуссионным внутри либерального лагеря были вопросы, связанные с инородческой школой. Различия их программных позиций в вопросах национального образования, являлись отражением противоречий кадетов и октябристов в целом по национальному вопросу. Несмотря на то, что обе партии придерживались мнения о необходимости всяческого развития личности, снятия всех ограничений сословного, религиозного и национального характера, степень свободы и национального самоопределения у них серьезно отличалась. При этом важно учитывать, что складывание их программных требований проходило на фоне революционных событий 1905—1907 гг., когда с новой силой вспыхнули национальные движения на окраинах. Остроту вопросу придавал тот факт, что собственно русские составляли менее половины населения империи. То есть, очевидным фактом, как для кадетов, так и для октябристов было приниженное положение инородцев и иноверцев. Газетные статьи, выступления на съездах, конференциях и с думской трибуны отражают мнение партий по этому вопросу.

Ключевой проблемой национальной школы был язык преподавания. Кадеты здесь выступали за самые широкие права. В начальной школе преподавание на родном языке должно было стать обязательным для всех инородцев, которые обладали развитой письменностью. Кадеты выступали за постепенное введение родного языка и в средних учебных заведениях [14, с. 229], утверждая, что «условием, без которого невозможно умиротворение окраин и правильное проведение там всеобщих выборов, является, главным образом, свобода употребления местных языков в общественной жизни и школе» [18, с. 190]. Кадетами отстаивались права евреев (активность проявлял депутат Н. М. Фридман). П. Н. Милюков, в свою очередь, особое внимание уделял украинскому вопросу, который правые в Думе вообще считали неактуальным в силу непризнания самого факта существования украинского народа. Правые, обвиняя деятелей «украинства» в сепаратизме, наталкивались на ответные обвинения П. Н. Милюкова, что «истинными сепаратистами являются русские националисты, отрицающие самостоятельный украинский язык и украинскую литературу, и поощряющие правительственные гонения, которые уже заставили украинское движение перенести свой центр в австрийские пределы, где возможно и создание украинского сепаратизма» [8, с. 382].

Вообще украинский вопрос был особенно острым для кадетов, т. к. поддержание «украинства» в глазах русской общественности выходило далеко за рамки идеи национально-культурных автономий, разрушало традиционное понимание «триединства» русского народа, что вызывало недовольство не только у представителей правого политического лагеря, но и в среде либералов, даже у самих кадетов — П. Б. Струве, Д. Д. Протопопова и др. Последний видел в украинских стремлениях вредный мелкий национализм [15, с. 19]. Украинские члены партии требовали открытого обвинения П. Б. Струве за его взгляды, отклонявшиеся от позиции ЦК по национально-культурным вопросам [14, с. 194].

Октябристы также признавали право инородцев на национальную школу, где все предметы, за исключением русского языка, должны были преподаваться на местном языке. При обсуждении вопроса в комиссии по народному образованию В. К. фон Анреп высказал мнение, что для каждой отдельной народности должен быть издан свой закон, т.к. народы, населяющие Россию, находились на разном уровне развития. Ключевым отличием здесь было то, что октябристы говорили о начальных училищах, выступая затем за исключительные права русского языка. По их мнению, школа должна давать не только определенный набор знаний, но и воспитание в «русском государственном духе». Иначе говоря, октябристы признавали, что одной из целей системы образования является воспитание граждан России, осознающих принадлежность к единой большой стране. В. К. фон Анреп на петербургском собрании Союза 17 октября, весной 1909 г., еще раз сформулировал партийную позицию: «школа должна развивать детям любовь к своему государству, должна не замалчивать то, что составляет гордость народа, должна, не угнетая ничьей культуры, веры и языка, стараться привязать к русскому, как к родному. Изучение русского языка, географии и истории на русском языке должно быть для всех обязательно» [11, с. 47]. Относительно украинского вопроса, октябристы здесь были солидарны с правыми и вообще выступали против каких-либо автономий, называя этот процесс «дележом России» [11, с. 357].

Отношение к инородческой школе стало поводом для взаимных обвинений кадетов и октябристов то в реакционности, то в заигрывании с революцией. В. К. фон Анреп заметил по этому поводу: «...обе партии стоят за конституцию, за свободу, за просвещение <...> пунктом разделения является национальная идея. Октябристы — национальная партия, кадеты — космополитическая» [11, с. 61].

Каждая партия видела решение проблем национальной школы по-своему. Кадеты пытались сохранить единство страны путем максимально возможного расширения национальных прав, создав такие условия для инородцев, чтобы им просто незачем было стремиться к отделению. Октябристы, напротив, настаивали на использовании школы для сохранения полного единства государства, воспитания российских граждан, но с сохранением их национальных черт.

Серьезные разногласия проявились во время работы над законопроектом о всеобщем начальном обучении. Касались они степени его децентрализации. Так, кадетская доктрина в этом вопросе гласит следующее: «Свобода частной и общественной инициативы в открытии и организации учебных заведений всех типов и в области внешкольного просвещения; свобода преподавания» [12, с. 333]. Требование октябристов сформулировал В. К. фон Анреп: «Государство, конечно, должно иметь широкий контроль над школой, должно установить минимум знаний для получения известных прав, должно подготовить кадры преподавателей, но не должно непосредственно управлять школой, не должно непосредственно ею заведывать. В этом отношении мы стоим за широкую децентрализацию...» [11, с. 92].

Можно заключить, что кадеты и октябристы по-разному видели степень децентрализации школьного дела. Первые справедливо указывали, что, выражая поддержку местному самоуправлению в развитии школьного дела, октябристы лишали их права деятельного прямого участия в школьной жизни. При этом на те же земства и города ложилось бремя финансового

содержания этих школ. Иначе говоря, октябристы поддерживали широкие права органов местного самоуправления, частную и общественную инициативу в учреждении и содержании школ, но выступали за организационный контроль со стороны Министерства народного просвещения.

Еще раз отметим, что кадеты выступали за полную децентрализацию, передачу начального и среднего образования в руки самоуправления, за широкую автономию университетов. Октябристы же, признавая важную роль земств, пытались не идти на конфронтацию с Министерством просвещения. Так, школы на местах разных ступеней через инспекторов и училищные советы, по их мнению, должны были оставаться под министерским надзором. Кроме того, В. К. фон Анреп выступал за передачу под контроль министерства и церковно-приходских школ, что было весомым шагом на пути к единству школы. Октябристы не были их противниками, но они считали, что при сохранении текущего «дуализма» в начальном образовании, всеобщее обучение невозможно: «необходимо уничтожить в корне ту борьбу <...>, которая существует в настоящее время между школами церковно-приходскими и земскими, но уничтожить это соревнование можно только одним путем: необходимо сосредоточить общее заведывание всеми школами в руках одного хозяина; необходимо и для школ земских, и министерских, и церковно-приходских дать одну общую инспекцию, одно общее наблюдение» [11, с. 25]. Утверждая это, октябристы ссылались на авторитетные для себя имена Н. А. Корфа, К. Д. Ушинского и Н. И. Пирогова [11, с. 274].

Кадеты придерживались схожих взглядов относительно церковно-приходских школ. Они считали, что их создание в 1880-е гг. стало результатом испуга правительства в неконтролируемом росте земской инициативы. Упразднение церковно-приходских школ и передача их местному самоуправлению было одной из задач кадетской политики. П. Н. Милуков заметил, что в данном вопросе они с октябристами шли вместе [8, с. 321].

Несмотря на признание автономности высшей школы, как нормального для нее состояния, октябристы считали, что в текущих политических условиях, когда страна еще не оправилась от революции, с ней следует повременить, т. к. с этим «страшным словом» в Министерстве просвещения ассоциируются студенческие беспорядки [11, с. 126]. Тем не менее, принцип академической автономии оставался ключевым во взглядах октябристов [11, с. 165]. Они предлагали сделать университетскую автономию одним из последних шагов в общем реформировании системы образования, когда и власть, и общественность, будут готовы для данного шага.

Интересен тот факт, что вопросами образования в либеральных партиях занимались люди, непосредственно связанные с ним, чаще всего работники высшей школы. На наш взгляд, этим и трактуется их требование автономности высшей школы. Подчинение ее Министерству просвещения воспринималось в студенческой среде и среди многих профессоров не столько в контексте несвободы развития самой науки, сколько в слепой убежденности в исключительной реакционности правительственной политики, ее откровенной «узости и тупости» [7, с. 129]. Кадетская программа реформы высшей школы пыталась перенести западноевропейские порядки, которые формировались длительное время, в Россию, которая была не готова к такому явлению. Сомнительным представляется это требование и в том плане, что само существование университетов оплачивалось из казны, следовательно, подчинение высшей школы Министерству просвещения, на наш взгляд, являлось

совершенно логичным. В этом плане гораздо более естественным выглядит автономия частных вузов, которые обеспечивали себя сами. В тех случаях, когда эти вузы выдавали какие-либо свидетельства об их окончании, сохранялась их связь с Министерством (в утверждении уставов и дисциплин). Когда же вузы не предоставляли дипломов слушателям, они были полностью автономны.

В этой связи мы должны отметить большую продуманность именно октябристской программы в вопросах автономии. Они признавали ее необходимость как нормальное условие развития высшей школы, но в то же время они адекватно оценивали тогдашние общественно-политические реалии: 1) авторитарный режим; 2) отсутствие демократических гражданских традиций у большей части населения; 3) политизированность высшей школы, которая при любом послаблении всегда становилась очагом революционного движения. Тактика октябристов на поэтапные эволюционные изменения всей жизни России представляется нам наиболее удачной, соответствовавшей потребностям эпохи.

Существенно отличались взгляды октябристов и кадетов на вопросы политической организации студенчества. Обе партии выступали с позиций академизма, хотя кадеты обладали своими студенческими фракциями, в то время как октябристы говорили о необходимости полного изгнания политики из вузов. На фоне растущего студенческого движения в начале 1911 г., П. Н. Милюков высказал позицию: «Или совершенное закрытие студенческой фракции к.-д. как таковой, или предоставление ей действовать на свой собственный страх и риск без всякого руководства и ответственности со стороны партии» [19, с. 308]. Такая двойная позиция стала серьезным ударом по их репутации среди молодежи.

Таким образом, либеральная программа развития отечественной школы складывалась постепенно и долго. В ходе этого процесса учитывались национальные традиции, а также западноевропейский опыт. Либеральным партиям России удалось предоставить развернутую программу преобразования всей системы народного образования. Они преследовали общие идеалы и цели. С другой стороны, мы должны отметить, что даже либеральная программа, выдержанная в духе прогрессивного европейского развития, была для России начала XX в. еще слишком радикальной. Требования введения всеобщего обучения в кратчайшие сроки, ликвидации церковно-приходских школ, максимальной автономности всех ступеней обучения, создания форм самоорганизации деятелей народного образования, на наш взгляд, соответствовали интересам России. Однако в условиях отсутствия широкой демократической традиции, большого культурного разрыва авторов программ и основной части населения страны, финансовых средств на эти мероприятия, либеральная программа народного образования представляется утопичной, а с учетом основных фактов политики правительства, не желавшего идти на системные реформы, еще и опасной с точки зрения усиления раскола между властью и обществом.

Учитывая вышесказанное, мы должны отметить, что программа октябристов представляется в более выгодном свете, по сравнению с кадетской. Первые, очевидно, понимали неготовность России к коренной ломке системы образования, которая стихийно формировалась долгие десятилетия в условиях самодержавия. Но даже их программа расценивалась правительством как слишком радикальная.

Список литературы

1. III Государственная Дума. Сессия I. Отчет фракции народной свободы с приложениями речей депутатов. СПб.: Тип. т-ва Екатерингофское печатное дело, 1908. 127 с.
2. Всеобщее образование в России. М.: Типо-лит Рихтер, 1902. Вып. 1. 203 с.
3. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 37.
4. Голос Москвы. 1907. 9 июня. № 133.
5. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907—1908 гг. Сессия I. Ч. 2. СПб.: Государственная типография, 1908. 2962 стб.
6. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты Сессия I. Ч. 3. 1913 г. СПб.: Государственная типография, 1913. 2699 стб.
7. Либеральное движение в России. 1902—1905 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 648 с.
8. Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.
9. Милюков П. Н. Революционеры справа // Год борьбы. Публицистическая хроника 1905—1906. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1907. 550 с.
10. Освобождение. 1905. №. 69—70.
11. Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. Т. 2. 1907—1915 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 512 с.
12. Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX в. М.: РОССПЭН, 1995. 464 с.
13. Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905—1911 гг. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1994. 528 с.
14. Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1912—1914 гг. Т. 2. М.: РОССПЭН, 1997. 520 с.
15. Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1915—1920 гг. Т. 3. М.: РОССПЭН, 1998. 590 с.
16. Протопопов Д. Д. История Санкт-Петербургского комитета грамотности, состоявшего при Императорском вольном экономическом обществе. (1861—1895). СПб., 1898.
17. Соловьев К. А. Кружок «Беседа»: в поисках новой политической реальности, 1899—1905. М.: РОССПЭН, 2009. 287 с.
18. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1905—1907 гг. Т. 1. М.: РОССПЭН, 1997. 744 с.
19. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1908—1914. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2000. 655 с.
20. Чарнолуцкий В. И. Земство и народное образование. Ч. 1. СПб.: Изд. Тов-ва «Знание», 1910. 187 с.
21. Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. 374 с.
22. Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: РОССПЭН, 2015. 864 с.
23. Шипов Д. Н. Воззвание объединиться независимо от различия политических убеждений, чтобы обеспечить производство выборов в Государственную Думу. М., 1905.
24. Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918. 592 с.

УДК 101.9
ББК 87.3 (4Ита)6-8Эвола
DOI: 10.46726/Н.2021.1.12

К. А. Юдин

«ПУТЬ КИНОВАРИ» ЮЛИУСА ЭВОЛЫ: ОПЫТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ АВТОБИОГРАФИИ И ФИЛОСОФСКОГО САМОПОЗНАНИЯ

Данную статью статью можно рассматривать как продолжение начатого несколько лет назад цикла публикаций автора, посвященных изучению творчества известного итальянского правоконсервативного философа-традиционалиста, барона Юлиуса Эвола. Предпринимается попытка сфокусировать внимание на его отдельной работе, представляющей собой интеллектуальную автобиографию — «Путь киновари». Производится периодизация экзистенциально-онтологического маршрута, пройденного итальянским мыслителем с выделением трех составляющих: художественного, философского и постфилософского этапов.

Первый этап связан с художественными, литературными, поэтическими экспериментами, первичной атрибуцией идейно-мировоззренческих ориентиров, формировавшихся под влиянием авангардистского искусства и сообщества.

Второй период характеризуется значительным расширением социальных связей и интеллектуального кругозора Эвола, осуществившего интенсивное соприкосновение с классической западноевропейской философией, восточной метафизикой, эзотерическими, теософскими учениями в целом и наследием их отдельных представителей. Происходит экспликация «магического идеализма» как парадигмального трамплина для дальнейшего индивидуального трансцендирования.

На постфилософский период выпадает основная деятельность Эвола, направленная на аккумуляцию представлений об интегральной традиции, ее правоконсервативной субстанциональности. Это предполагает рецепцию римско-нордической духовности, гибеллинской модели власти и имперско-органичной государственности. Последняя формируется как общность наднационального типа и превосходит по уровню как христианско-традиционалистскую, так и собственно фашистскую партийно-политическую корпоративность.

Ключевые слова: Юлиус Эвола, философское самопознание, интегральный традиционализм, консерватизм, восточная метафизика, правая идеология, фашизм.

К. А. Yudin

“THE WAY OF CINNABAR” BY JULIUS EVOLA: EXPERIENCE OF INTELLECTUAL AUTOBIOGRAPHY AND PHILOSOPHICAL SELF-KNOWLEDGE

This article can be seen as a continuation of a series of publications by the author, which began several years ago, devoted to the study of the works of the famous Italian right-wing conservative philosopher-traditionalist, Baron Julius Evola. An attempt is being made to focus on his particular work, which is an intellectual autobiography of the — “The way of cinnabar”. The periodization of the existential-ontological route made by the Italian thinker is carried out with the separation of three components: the artistic, philosophical and post-philosophical stages.

© Юдин К. А., 2020

The first stage is associated with artistic, literary, poetic experiments, the primary attribution of ideological orientations, formed under the influence of avant-garde art and the community.

The second period is characterized by a significant expansion of social ties and intellectual horizons of Evola, who went through the phase of intensive contacts with classical Western European philosophy, eastern metaphysics, esoteric, theosophical teachings in general and the legacy of their individual representatives. There is an explanation of “magical idealism” as a paradigmatic springboard for further individual transcending. Main activities of Evola take place in the post-philosophical period; these activities are aimed at accumulating ideas about the integral tradition, its right-wing conservative substantiality.

Key words: Julius Evola, philosophical self-knowledge, integral traditionalism, conservatism, eastern metaphysics, right ideology, fascism.

Барона Юлиуса (Джулио Чезаре Андреа) Эволю можно считать одним из уникальных и оригинальных мыслителей XX столетия. Обладая подлинно аристократическим происхождением, не нуждаясь в дополнительном подтверждении своего социально-интеллектуального статуса, он уже в самом начале своего жизненного пути, в ранней юности, бросил смелый вызов-протест окружающей его и обволакивавшей всех, не способных сопротивляться, «подрывной» реальности. «Что касается антибуржуазного настроения, — писал он, — то <...> он пронизывал всю мою жизнь даже в наиболее практических ее аспектах. Я всегда оставался свободным от любых уз общества, в котором я жил, чуждаясь как профессиональных, так и сентиментальных семейных шаблонов» [16, с. 11—12]. Манифестация нонконформизма, неприимчивость к индивидуализму и коллективистской энтропии, эгалитаризму, релятивизму и иным формам духовной, экзистенциальной патологии, порождаемых «цивилизацией становления», в дальнейшем трансформировались у Эволю в уверенную правоконсервативную идейно-интеллектуальную стратегию, тесно сопряженную с идеологией «третьего пути», немецким национал-социализмом и итальянским фашизмом.

Все эти серьезные проблемы не могли оказаться обойденными ни современниками, ни позднейшими исследователями его творчества. К консервативной публицистике можно отнести отдельные работы или обзорные научно-популярные статьи-предисловия Г. А. Бутузова [4], В. Ю. Быстрова [5], С. Ю. Ключникова [7], А. Бенуа [3], Ж. Парвулеско [12], Ф. Барони [2], Э. Милы [11]. В 1978 г. вышел труд Д. Колона, посвященный рассмотрению воззрений Ю. Эволю и Р. Генона в контексте их размежевания с христианским традиционализмом [9]. Современный историко-философский спектр представлен трудами А. Г. Дугина [6], М. А. Бандурина [1], К. А. Юдина [17, 18], Н. В. Коломица и Т. И. Мозговой [8], С. В. Котова [10], А. В. Филипповича [14]. Огромную научно-библиографическую работу по упорядочению, каталогизации сочинений Ю. Эволю [22, 23], а также их детальному изучению, в том числе — в рамках специальных эволаистских сборников (*Studi Evolani*), предприняли итальянские и другие западноевропейские исследователи [13, 19, 20, 21].

Достоинством всех вышеупомянутых публикаций является общее тяготение к комплексному, концептуальному рассмотрению личности Ю. Эволю во всем многообразии оставленных им следов интеллектуальной активности. Вместе с тем, регулярно предпринимаемые переиздания отдельных трудов итальянского мыслителя, а также всегда признававшаяся им самим ответственность динамики убеждений, обусловленных социально-политическими,

возрастными изменениями, актуализирует устанавливающуюся в настоящей статье фокус локально-философской аналитики.

В начале 1960-х годов вышла в свет очередная работа Ю. Эвола — «Путь киновари» («Il Cammino del cinabro», 1963). Она не стала последним трудом мыслителя, но подводила итоги практически завершённому экзистенциально-онтологическому маршруту, подвергнутому обстоятельной рефлексии. Ю. Эвола отчетливо выделил этапы духовного, интеллектуального самоопределения. При этом он выступил не тривиальным летописцем-хронистом своей жизни, но имманентным критиком и историком собственной философии и мировоззрения. Попытаемся, насколько это возможно, проследовать по этой линии бытия вместе с ним.

Художественный период

Первый этап, в хронологическом отношении охватывающий 1910-е — начало 1920-х годов, сам Эвола называл художественным. В этот период времени состоялось не только теоретическое знакомство с абстрактным искусством, различными формами и течениями авангарда — футуризмом, сюрреализмом, затем дадаизмом, их представителями — Д. Папини, Т. Тцаром, Ф. Т. Маринетти и другими, но и практические — живописные, поэтические и психофизиологические, экзистенциальные эксперименты с собственным телом и сознанием. Все это при должном самоконтроле и ограничениях могло «привести к опыту экстатического и сакрального порядка фракийского донисийства» [16, с. 19]. Однако, как признавался Эвола, «последствия этого опыта принесли с собой обострение <...> кризиса <...> Все дошло до того, что я намеревался положить конец своему существованию — тогда мне было примерно двадцать три года. Это проблематичное решение — то самое, которое привело к катастрофе Вейнингера и Микельштедтера — было обойдено благодаря чему-то подобному просветлению, обретенному мною при чтении раннего буддийского текста» [там же, с. 18].

«Восточную» составляющую Эвола дополняет параллельным знакомством с наследием И. Канта, А. Шопенгауэра, Г. Ф. Гегеля, Ф. Ницше, И. Я. Баховена, О. Вейнингера, Г. Кайзерлинга, М. Штирнера, немецкой классической философией, французским «персонализмом» (Э. Бутру, Ж. Лашелье, Ш. Ренувье, М. Блонделем), правоконсервативной мыслью: Ж. де Местром, К. Шмиттом. К некоторым из них, признавая справедливость отдельных положений, Эвола в конце жизни займет весьма критическую позицию. В частности, он полностью разочаровался в Г. Кайзерлинге, назвав его «настоящим “будуарным философом”, пустым, нарциссическим и чрезвычайно самоуверенным человеком» [там же, с. 40, 42].

Все более определяется позиция Эвола по отношению к Р. Генону, Г. Вирту, а также неогегельянским «спекуляциям» Д. Джентиле, Б. Кроче: «для меня стали очевидными крайнее убожество и пустота итальянских последователей этой философии, которые довели до абсурда ее оригинальный импульс при помощи игры искусственной диалектики, составленной из пары скудных категорий» [там же, с. 39, 113, 123].

Все это подготовило итальянского философа для совершения «экзистенциального прорыва», аналогии — выхода на следующую ступень духовной инициации. Эвола, пережив фазу радикального нигилизма через акт несостоявшейся самодеструкции, осознает ограниченность, редуционистскую

сущность авангардистской претенциозности. «В нем (футуризме. — К. Ю.) разочаровал сенсуализм, нехватка глубины, вся его яркая эксгибиционистская сторона, вульгарное прославление жизни и инстинкта, любопытным образом смешанная с прославлением механицизма и американизма» [там же, с. 15]. Аналогичный «вердикт» Эвола выносил и дадаизму, который «посредством разрушения, мятежа, бессвязности, противоречия и абстракции <...> стремился освободить “Жизнь” (почти как в крайнем бергсонизме), в то время как для меня речь шла о чем-то ином, отличном от жизни» [там же, с. 24]. И в другом месте: «Если говорить об общем мировоззрении, будет не хвастовством, а объективной констатацией фактов заявить, что я оказался единственным человеком периода итальянского *Sturm und Drang* (Бури и Натиска. — К. Ю., курсив Ю. Эвола), кто сохранил свои первоначальные позиции и стремился к позитивным ориентирам, не ища никаких компромиссов с миром, который я тогда отрицал» [там же, с. 18]. Все эти воззрения распространялись и на академическое сообщество, от которого Эвола также дистанцировался, не желая, как и А. Шопенгауэр, иметь ничего общего с «профессорской философией профессоров философии» [там же, с. 38], испытывая неподдельное пренебрежение к конвенциональной, дискурсивной риторике.

Философский период

После проведения в 1920—1921 годах нескольких экспозиций собственных картин, насчитывавших около 70 работ, публикации брошюры «Абстрактное искусство», а также поэмы, вышедшей на французском языке под названием «Темная речь внутреннего пейзажа», Эвола завершает свои художественно-поэтические опыты. Начинается следующий, философский период его творчества, который сам мыслитель очерчивает 1921—1927 годами. В это время Эвола предпринимает первые значительные попытки по осмыслению восточных традиционных доктрин, прежде всего, даосизма и западноевропейской философии. Это нашло отражения в его работах: «Книга Пути и Добродетели» / «Il Libro della Via e della Virtù» (1923), «Очерки о магическом идеализме» / «Saggi sull'idealismo magico» (1925), «Теория и феноменология Абсолютного Индивида» / «Teoria e fenomenologia dell'Individuo Assoluto», завершенная уже к 1924 году, но вышедшая только в 1930 году, уже после публикации еще двух трудов — «Человек как могущество» / «L'uomo come potenza» и «Языческий империализм» / «Imperialismo pagano».

И здесь важно попытаться представить, насколько труден и мучителен был поиск, обретение сущности «Абсолютного Индивида» как носителя высшей свободы. Для Эвола начался этап настоящей идейно-интеллектуальной борьбы с самим собой, при которой нарастающая гносеологическая уверенность сопровождалась прямо противоположным процессом осознания своей уязвимости и непреодолимости барьера, за которым скрывалась метафилософская истина. «Что касается моей системы, — писал Эвола, — то она претендовала на то, чтобы представлять собой крайний предел современной “критической” мысли (я позже отметил, что более справедливым было бы сказать так: представлять собой мысль современного кризиса), и поэтому не могла не критиковать трансцендентальный идеализм» [там же, с. 42].

При этом Эвола вовсе не преследовал цели по субъективно-агрессивной обструкции, комплексному «разоблачению» идеализма, реализма, скептицизма и других философско-мировоззренческих убеждений как

полностью не состоятельных и ошибочных. Итальянский мыслитель лишь стремился указать на их парадигмальную, идейно-аксиологическую ограниченность, закрывающую доктринально-теоретическое транспонирование к «абсолютной свободе». В идеализме таковым барьером выступал модус «инертно-пассивного» Я, при выражении которого происходит «растворение в вещах: “рациональность”, “идеальность”, “историчность”, “конкретная свобода”, “трансцендентальное Я” и т. д.» [там же, с. 58]. «Я говорил, — писал Эвола, — что Я определяется не столько в смысле просто “мысли”, “представления” или “гносеологического субъекта”, сколько в смысле свободы, действия и воли, и достаточно лишь поставить эти ценности в центр, чтобы увидеть кризис системы абстрактного идеализма» [там же, с. 47].

Аналогичным образом, «чтобы расчистить путь» [там же, с. 55], Эвола критикует и философский реализм, а также рационализм и иррационализм, стремясь выйти за пределы мнимых различий между ними, проявляющихся в общей легализации и утверждении «ущербности Я» как «диалектической константы». «На пути Абсолютного Индивида, — считал Эвола, — императивом является не побег от этой ущербности<...> Нужно превзойти все это и утвердить действие, питающееся этой ущербностью<...> В своем смысле постулированный процесс на космически-гносеологической или онтологически-гносеологической шкале представал аналогом процесса сопротивления страсти или инстинкту и освобождения от этой необходимости, преобразования ее в подлинном действии. Так соединяются этика и онтология» [там же, с. 56]. При этом, подчеркивал Эвола, «абсолютная истина должна включать возможность как абсолютного, так и неабсолютного», т. е. интегрировать различия и экзистенциально-онтологическую вариативность, допускающую возможность следования как по «пути другого», предполагающего погружение в сансару, «нижний мир становления», так и встать на дорогу «Бодрствующих и Освобожденных буддизма, путем посвященных античных мистерий» [там же, с. 55].

Таким образом, к завершению философского периода в творчестве Эволы оформляется его идейно-интеллектуальная стратегия, направленная на «восходящее самопреодоление» [там же, с. 65], положенная в основу «теории Абсолютного Индивида». Она включала в себя три стадии, метаисторические эпохи: 1) «Эпоха спонтанности», при которой «личность появляется в конце первой эпохи не в этическом смысле, а просто как человеческая индивидуальность, предел, так сказать, это точка кризиса и перехода из натуралистического мира в иной» 2) «Эпоха отражения», в которой «платой за существование, основанное на рефлекторном сознании, является самоотчуждение» 3) Третья эпоха, соответствующая задаче «магического идеализма», в которой «мир стихий» преобразуется в «ценность (в специфическом, абсолютном смысле) самодостаточности, свободы и господства» [там же, с. 69—71].

Основные вехи постфилософского периода

Однако, если в те годы Эвола выражал явное разочарование слабыми и немногочисленными откликами на его труды, то в зрелые годы он продемонстрировал весьма суровую самокритичность. Отговаривая исследователей его творчества или идейных единомышленников от ознакомления с этими ранними работами, итальянский философ делал откровенное признание. «Определенно, — писал он, — некоторые мои тогдашние представления были полным абсурдом: так, я говорил о “прогнесе западного духа, выходящего

за пределы пессимизма и христианского дуализма” при помощи постепенного утверждения человека сначала в гуманистическом, а позднее в имманентистском и активистском смысле. Но, помимо этих ошибочных убеждений, оставалось верным зафиксированное мной противоречие между двумя фундаментальными идеалами: идеалом “освобождения” и “идеалом свободы” [там же, с. 79].

Подверг сомнению Эвола по прошествии лет и идейно-теоретическую состоятельность одной из своих книг — «Языческий империализм», вышедшей в 1928 г. на рубеже философского и постфилософского периодов его жизни. Кроме определенной политической ангажированности, стимулированной «порывом радикальной мысли» [там же, с. 99], стремлением «воздействовать на политико-культурные течения того времени» [там же, с. 94], главным негативным результатом появления данного труда Эвола считал выведенные на интеллектуальное пространство смысловые искажения. И термин «империализм», и его атрибутивно-сущностная характеристика — «языческий» — пересматривались Эволой как неудачные. Они приводили к неправомерным ассоциациям традиции с агрессивной силой, национализмом, исторически сопряженным с якобы априори деструктивным «языческим» античным, раннесредневековым, «средиземноморским» религиозно-философским опытом и практиками, приобретшими этот уничижительный ярлык в христианском сообществе.

В то же время, судя по всему, Эвола на протяжении всей своей жизни оставался «паладином гибеллинизма», защитником и поборником «чистой традиции», свободной от христианского, католического догматизма и влияния церковной структуры как таковой. «Я, — писал Эвола, — недвусмысленно отвергал дорогое для гвельфизма отождествление римской традиции с католической, разоблачая узурпацию “римскости” церковью» [там же, с. 100]. При этом важно подчеркнуть, что критика католицизма носила не только теоретический характер, но и была подкреплена реальным институционально-персональным опытом. «В 30-е годы, — вспоминал Эвола, — я провел некоторые личные исследования, проведя инкогнито в монастырях тех орденов, которые считаются главными представителями аскетическо-созерцательной католической традиции — у цистерцианцев в их главной обители, у кармелитов и бенедиктинцев старого устава. <...> В итоге я не нашел почти ничего из высших интеллектуальных форм созерцательной традиции. Основой был гипертрофированный литургическо-набожный элемент» [там же, с. 155—156].

Безусловно, знаменательным событием, способствовавшим интенсификации экспертно-аналитической, философско-литературной, публицистической деятельности Эволы стал приход к власти Б. Муссолини. «После похода на Рим, — вспоминал мыслитель, — Муссолини пришел к власти. Определенно, я не мог не симпатизировать любому человеку, сражавшемуся против левых сил и демократии. Однако, было важно, во имя чего предпринималась эта борьба...» [там же, с. 95]. Вместе со своими идейными единомышленниками — А. Регини, Г. де Джорджио, Д. Ферретти, Д. Коми, Э. Сервадио, Л. Грасси, Р. Павесе и другими, входившими в особую эзотерическую группу «Ур» или помогавшими издавать свой журнал «Ла Торре» («Башня», «La Torre»), а также отражать общие взгляды в газете «Фашистский режим» («Regime Fascista») и журнале «Итальянская жизнь» («Vita Italiana»), Эвола бросил фашизму своеобразный неоницшеанский философский ультиматум, встав «по ту сторону» фашизма и антифашизма. «Мы, — заявлял он в одном

из номеров «Ла Торре», — хотим позволить наблюдателям из-за рубежа оценить, до какой степени в фашистской Италии имеется возможность выражать строго имперскую и традиционную мысль, свободную от всякой политической зависимости и приверженную чистой воле отстаивать свои идеи» [там же, с. 127].

Несмотря на тесные и весьма успешные контакты со своим, по признанию Эвола, «естественным окружением» — немецкой консервативной аристократией из «Клуба господ» («Herrenklub») [там же, с. 175], главой румынской «Железной гвардии» К. Кодряну, а также, конечно, с Б. Муссолини, в определенной степени способствовавшим и одобрявшим философские изыскания Эвола в области расового вопроса, что нашло отражение в трех выделяемых им самим значительных исследованиях на эту тему — «Раса и культура» / «Razza e cultura» (1935) «Миф крови» / «Il mito del sangue» (1937) и «Синтез расовой доктрины» / «Sintesi di dottrina della razza» (1941), — идейно-теоретическое расхождение с обоими вариантами «третьего пути», «консервативной революции», оказалось неизбежным.

Подвергнув суровой критике биологический, «материалистический расизм», назвав «расовый манифест», вышедший в Италии вскоре после аналогичного «меморандума» в нацистской Германии, «откровенной халтурой» с «дешевой и агрессивной полемикой» [там же, с. 190], Эвола в конечном итоге пришел к твердому убеждению о гипостазировании, разложении «фашистской культуры», уже на ранних стадиях своего формирования оказавшейся в ловушке бонапартистско-милитаристской инволюции. Попавший в немилость за «магическо-идеалистические» флюктуации от «правильного», партикулярно-кланового фашизма и нацизма, Эвола по прошествии многих лет, уверял, что вся эта деятельность для него была лишь второстепенной, профанической, никогда не отвлекающей его от «традиционных дисциплин», «стремления к необусловленному», открывавшемуся в буддийской аскезе, «доктрине пробуждения» и тантризме [там же, с. 77, 81, 180—181].

В этот «надфашистско-постфилософский» период Эвола, судя по всему, уже утратив надежды выведение Италии и Германии на верный идейно-доктринальный путь, продолжает «восстание против современного мира», погружаясь в «мистерию Грааля и имперскую гибеллинскую традицию», что находит отражение в одноименных работах, вышедших в середине 1930 — начале 1940-х годов [там же, с. 168, 175, 179]. К числу своих безусловных достижений, помимо переводов, популяризации воззрений И. Баховена, О. Вейнингера по «метафизике пола» [там же, с. 119, 122], Эвола относил удостоенное вниманием со стороны К. Юнга детальное рассмотрение герметико-алхимической традиции, сопровождавшееся разоблачением психоаналитических и спиритуалистических заблуждений. Это было представлено в таких ранних трудах постфилософского периода, как «Герметическая традиция» / «La tradizione ermetica» (1931) и «Маска и лицо современного спиритуализма» / «Maschera e volto dello spiritualismo contemporaneo» (1932). После их публикации, по признанию Эвола, он стал «врагом лагеря неоспиритуалистов, теософистов, антропософов» за то, что пытался указать им «правильный путь — держаться вдали как от спиритуалистических отклонений, так и от банальностей и условностей официальной культуры, следуя при этом критериям серьезности информации и объективности критики последней» [там же, с. 157].

Во второй половине 1940-х — 1960-е годы Юлиус Эвола сохранял высокое самообладание, несмотря на полученную им на завершающем этапе войны

серьезную травму: во время бомбардировки Вены он повредил позвоночник, что привело к частичному параличу нижних конечностей, ограничивший его возможности в передвижении до конца жизни. Однако, сам Эвола перенес это стоически. «В моей жизни не изменилось ничего, — констатировал он, — все свелось к чисто физическому препятствию, которое, помимо практических неприятностей, меня никоим образом не взволновало» [там же, с. 207].

С подлинной кшатрийской невозмутимостью и хладнокровием встретил он и стремление полиции обвинить его в деятельности по организованной реставрации фашизма в Италии, якобы проявившейся в руководстве правоконсервативными группировками. В своей очередной книге «Люди и руины» / «Gli uomini e le rovine» (1953), Эвола твердо заявил о намерениях «содействовать формированию фронта подлинно правой идеи». «Как и в прошлом, так и настоящем, — заявлял Эвола, — я отстаивал некоторые концепции доктрины государства — но не потому, что они “фашистские”, а потому что они являлись проявлением принципов великой европейской правой политической традиции в общем». И далее: «Можно было бы устроить процесс над такими концепциями, но в таком случае нужно было усадить на ту же скамью обвиняемых Платона (“Государство”), Меттерниха, Бисмарка, Данте (“О монархии”) и так далее» [там же, с. 212—213].

Прояснению своей позиции, отношения к идейно-политическому опыту тех, кто на заре «консервативной революции» подавал надежды, но так и не стал ее подлинным рыцарем, растворившись в ложных, «подрывных» идеалах, Эвола посвятил свою книгу «“Рабочий” [в творчестве] Эрнста Юнгера», вышедшую в 1960 году. «Юнгера, — считал Эвола, — можно причислить к кругу тех, кто после отстаивания идей “консервативной революции” пережили своего рода травму из-за опыта национал-социализма и закончили принятием вялых либерально-гуманистических идей, вполне соответствующих искомому “демократическому перевоспитанию” их страны» [там же, с. 253].

Своим итоговым, кульминационным трудом Ю. Эвола считал написанную незадолго до этой автобиографии книгу с эксплицировано символическим названием — «Оседлать тигра» / «Cavalcare la tigre». Она отразила стремление философа не просто возвыситься, превзойти, но и найти ключ, способ обуздать «подрывные силы» и стихии, превратившие в руины не только его эпоху, но и всю человеческую цивилизацию. «Формула “оседлать тигра”» предполагала «бытие самим собой, самореализацию за пределами всяких уз <...>». «Трансценденция (или “больше-чем-жизнь”), — заключал Эвола, — составленная центральным и сознающим элементом, входит в имманентность (“жизнь”) — таково условие указанной мной жизни, идущей от “аполлонийского дионисизма” (как начала всякого интенсивного и разнообразного пережитого опыта, однако в особом, ясном опьянении, определенном присутствии высшего принципа) вплоть до активной безличности, до чистого действия за пределами добра и зла, успеха и неудачи, счастья и несчастья, до испытания себя без страха последствий для Я (внутренняя неуязвимость)» [там же, с. 258].

***

В целом, изучение «Пути киновари» как философской рефлексии или «заметок», «путеводителя» [там же, с. 271] — так скромно предпочитал именовать этот труд сам Эвола, — позволяет прийти к следующим выводам.

• Серия «Гуманитарные науки»

Экзистенциально-онтологический маршрут, проделанный Юлиусом Эволой, отчетливо распадается на три масштабных этапа/периода: 1) художественный (1910-е — начало 1920-х гг.) 2) философский (1921—1927) 3) Постфилософский (1927—1974-е гг.). Несмотря на относительную определенность хронологических границ, в событийно-содержательном отношении творчество Ю. Эволы не подлежит однозначной формализации. «Некоторые мои книги, — пояснял мыслитель, — трудно сопоставить конкретному периоду моей деятельности, потому что дата их публикации не совпадает с фазой, к которой они на самом деле принадлежали» [там же, с. 77].

Не стремясь воссоздать свой жизненный путь детально, не претендуя на документально-историческую автобиографичность, Эвола расставляет ретроспективные идейно-интеллектуальные акценты, призванные способствовать правильному осмыслению его творчества. Исследователями, в том числе и нами, уже отмечались «гносеологические диссонансы», встречающиеся в работах Ю. Эволы. Они заключаются в дискуссионности, спорности его интерпретаций буддийского религиозно-философского учения в целом, а также тантризма, даосизма, теории отношений между полами — «метафизики пола».

В то же время, не лишним будет еще раз подчеркнуть, что творчество барона Ю. Эволы в значительной степени носит элитарный характер. К уязвимости отдельных положений его трудов следует относиться с аристократической снисходительностью и великодушием. И можно согласиться с Х. Хансеном, отметившим, что «непреклонный поиск совершенной внутренней логической последовательности является и высшим достоинством Эволы, и его величайшей ошибкой» [15, с. 60]. Но это несколько не умаляет фундаментальности и уникальности эпистемологического наследия барона Юлиуса Эволы, до сих пор, даже по прошествии более 40 лет с момента его смерти, остающегося непревзойденным по силе духа и глубине мысли воином традиции.

Список литературы

1. Бандурин М. А. Геополитическая ситуация в Европе накануне и во время Второй мировой войны во взглядах правых европейских мыслителей — Карла Шмитта, Мартина Хайдеггера, Юлиуса Эволы // Интеллигенция и мир. 2013. № 2. С. 145—165.
2. Барони Ф. Юлиус Эвола и Томмазо Паламидесси. URL: <http://www.fatuma.net/text/evola-baroni> (дата обращения: 20.03.2020).
3. Бенуа А. Юлиус Эвола, радикальный реакционер и метафизик, занимающийся политикой. URL: <http://rossia3.ru/ideolog/nashi/evolabenoist> (дата обращения: 27.03.2020).
4. Бутузов Г. Белый плащ и путь Киновари // Эвола Ю. Герметическая традиция. М.; Воронеж: TERRA FOLIATA, 2010. С. 6—18.
5. Быстров В. Ю. Воля к Традиции // Эвола Ю. Учение о пробуждении. Очерк буддийской аскезы. СПб.: Владимир Даль, 2016. С. 399—413.
6. Дугин А. Г. Традиционализм и его миссия. URL: <http://arcto.ru/article/1582> (дата обращения: 26.03.2020).
7. Ключников С. Ю. Метафизика эроса Юлиуса Эволы // Эвола Ю. Метафизика пола. М.: Беловодье, 1996. С. 3—22.
8. Коломиец Н. В., Мозговая Т. И. Критика революционного радикализма, теория элитаризма и переоценка ценностей в философской концепции Ю. Эволы // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 3-1(57). С. 145—147.

9. Колон Д. Юлиус Эвола, Рене Генон и христианство. URL: <http://www.fatuma.net/text/colon--evola-genon-i-hristianstvo.pdf> (дата обращения: 28.04.2020).
10. Котов С. В. Творчество Юлиуса Эволы и актуальные концепты фашизма // Северо-восточный научный журнал. 2007. № 1. С. 17—19.
11. Мила Э. Юлиус Эвола: последний гибеллин. URL: <http://my.arcto.ru/public/evola/evol-mila.htm> (дата обращения: 29.03.2020).
12. Парвулеско Ж. Секрет Юлиуса Эволы. URL: http://rossia3.ru/politics/russia/parv_evola (дата обращения: 30.03.2020).
13. Седжвик М. Традиционализм, Юлиус Эвола и Рене Генон: как эзотерическое становится политическим // Alter. 2018. № 9. С. 38—52.
14. Филиппович А. В. Историсофия интегрального традиционализма // Антро. 2014. № 2 (15). С. 51—62.
15. Хансен Х. Т. Политические устремления Юлиуса Эволы. Воронеж; Москва: TERRA FOLIATA, 2009. 176 с.
16. Эвола Ю. Путь киновари. Тамбов: Ex Nord Lux, 2018. 274 с.
17. Юдин К. А. Как «оседлать тигра» в «мире руин»? Барон Юлиус Эвола и «дионисийский аполлонизм» как идейно-интеллектуальная стратегия // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Вып. 2 (17). Философия. С. 39—52.
18. Юдин К. А. Традиционализм барона Юлиуса Эволы: об идейных исканиях консервативного революционера // Философские науки. 2014. № 7. С. 113—128.
19. Boutin C. Politique et tradition. Julius Evola dans le siècle (1898—1974). Paris: Editions Kime, 1992. 513 p.
20. Nakl H. T. Julius Evola and Tradition // Key Thinkers of the Radical Right. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 54—69.
21. Lippi J.-P. Julius Evola, metaphysicien et penseur politique: essai d'analyse structural. Paris: Editions L'Age d'Homme, 1998. 311 p.
22. Ponte R. Julius Evola: Unabibliografia 1920—1994 // Futuro Presente. 1995. Vol. 6. P. 28—70.
23. Ricciotti M. Di una possibile trascendenza: storia e liberta nel pensiero di Julius Evola. URL: <http://www.fondazionejuliusevola.it/Documenti/TESE%20Michele%20Ricciotti%20PDF.pdf> (дата обращения: 27.04.2020).

УДК 008.001
ББК 71.0
DOI: 10.46726/Н.2021.1.13

Л. Д. Петряков

ОНТОЛОГИЯ В СМЫСЛОВЫХ ИМЕНАХ МЕСТ И ИНСТИТУТОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются концепты культуры, созданные в классическую эпоху, такие как: «время», «прогресс», «современность с её проблемами», которые прочно вошли в наш повседневный язык. Показано, что они во многом определяют мышление, позволяя эффективно действовать в типичных ситуациях. Раскрыта их амбивалентность в ситуациях, требующих нестандартного мышления, когда они же препятствуют нашему успеху. Отмечено, что в глобализирующемся мире люди часто переезжают, приспосабливаясь к новым местам, стремятся их обжить. Сделан вывод о том, что в этом экзистенциальном движении теряется чувство дома, комфорта, ощущаются отчуждённость от мира и одиночество. Преодоление этой ситуации автор видит в переосмыслении самой категории «место», в её наполнении философским и культурным смыслом.

Ключевые слова: время, место, пространство, дискурс, ново-европейская культура, русская культура, смысловые имена собственные.

L. D. Petryakov

ONTOLOGY IN SEMANTIC NAMES OF PLACES AND INSTITUTIONS: PROBLEM STATEMENT

The article examines the concepts of culture, created in the classical era, such as: “time”, “progress”, “modernity with its problems”, which have firmly entered our everyday language. It is shown that they largely determine our thinking, allowing to act effectively in typical situations. Their ambivalence is revealed in situations requiring out-of-the-box thinking, when they also hinder our success. It is noted that in a globalizing world people often move, adapting to new places, striving to settle them down. The conclusion is made that in this existential movement the feeling of home and comfort is lost, alienation from the world and loneliness are felt. The author sees rethinking of the category “place” as a way of overcoming this situation, filling it with a philosophical and cultural meaning.

Key words: time, place, space, discourse, European culture, local and global.

Новоевропейскую философию и унаследовавшую её онтологический язык культуру, для которых характерна категория «время», принято называть «современной», в отличие от «древней», даже если речь в ней идёт о вечном. Категория «время» подразумевает линейность, направленность, эволюцию, прогресс, историю. Хотя само время в культуре определяется относительно вечности, повторяется в «вечном возвращении» Ф. Ницше, циклично в античности и т. д.

© Петряков Л. Д., 2021

Соединяет и одновременно противопоставляет время — бытию (существованию как таковому) и, в частности, месту, М. Хайдеггер [11]. Цикличность истории, в свою очередь может быть обоснована научно доказанной цикличностью экономики, но тем не менее представления о линейности в истории преобладают как в научном, так и в обыденном сознании. Хотя, как писали философы постмодерна, современная история должна получить не временное, а пространственное измерение.

Об онтологии места и пространства в абсолютном смысле пишет А. Левинтов [3], выделяя такие категории как пустота, ареал, граница ареала, место, географическое пространство. Пространство в абсолютном смысле приобретает кантианско-эйнштейновский смысл, т. е. становится относительным времени, подобным ему, релятивистским. С другой стороны, о пространстве в его социально-географической конкретике пишет Г. Гачев [2]. «Места» для него различаются по национально-культурным особенностям живущих в них народов. Нас же интересует онтология гражданских мест, поименованных культурой, социально и оценочно размеченных, благодаря чему мы можем наблюдать различное поведение одних и тех же людей в разных местах.

В одном месте мы чувствуем себя хорошо, а в другом — плохо, один и тот же человек в одном месте поступает так, а в другом — иначе. Мы совершаем поступки по отношению к пространству: путешествуем, торопимся на работу, бежим от проблем, ищем место для жизни, осваиваем космос, обживаемся в новом доме. Первый вопрос пространства — ГДЕ? Хотя каждое место неповторимо и может быть прекрасно, есть много похожих мест: лес, поле, река, но без имени они чужие для нас. Мы называем места по имени тех людей, что живут там: в Ярославле живут ярославцы, а основал город — Ярослав Мудрый. А, к примеру, в Финляндии живут финны. Финская онтология места [1] предполагает три онтологических категории: дом, сад и лес. Дом — «царство» человека, хозяина. Здесь всё подчинено его воле — в доме порядок и чистота, защита. Лес — пространство природы, где «хозяин» медведь, а человек — случайный гость, добытчик. Сад — промежуточная категория: человек сажает сад, пропалывает сорняки, но урожай зависит не только от него, но и природы. Как и дерево в саду будет неравноценно для хозяина такому же дереву в лесу. В категории «сад» встречаются Восток с метафорой рождения/недеяния и Запад с метафорой творения/творчества (активности человека). Это также ареальный подход к культурному пространству.

Исследовательские вопросы: почему в русской бытовой культуре до сих пор имеет хождение пословица: «хорошо там, где нас нет»? Почему огромные пространства не только Сибири, но и Нечерноземья, в своих дальних и не очень уголках воспринимаются россиянами как чужие, то есть несчастные, несчастливые, несущие негативную оценку даже в своём имени, таком, к примеру, как Горе-грязь? Почему общественные институты, различающиеся своей функцией, не имеют в русской культуре собственных смысловых имён, кроме формально-бюрократических?

Гипотеза: в русской культуре существует парадоксальное отчуждение людей от родных для них мест, выраженное и в песенной культуре: «а она мне нравится, хоть и не красавица». Неустроенность, заброшенность в хозяйственном (а не только в экзистенциальном) смысле множества мест, отдалённых от крупных городов, вызывает эффект «чужая малая Родина», родина, которую нужно покинуть, чтобы обрести свой большой Дом, своё место

в Мире, «выйти в Люди» и т. д. С другой стороны, гражданские, государственные институты, перенесённые и перенятые Россией от Европы, не поняты, не освоены до конца в их предназначении нашей культурой. Они также не имеют собственных смысловых имён, следовательно, существуют «поверх» культуры, вне её «внутренней формы». Следовательно, функции, предназначение этих институтов могут истолковываться культурой превратно (наши пословицы о законах). А институт, не «укоренённый» в культуре, будет также чужим для неё, поверхностным, не будет работать так, как должен и не будет вызывать уважения к себе и власти. Историческим примером культурного освоения (а не только поиска ближайшего исторического аналога) было переименование (вместе с сущностным изменением) парламента Франции в конце XVIII века с «Генеральных штатов» на «Национальное собрание», что сделало его настоящим выразителем воли французского народа, то есть позволило выполнять основную функцию.

Место как и социальный институт входят в культуру с помощью своего имени. Философия имени (С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский [6], А. Ф. Лосев [7]) начала XX века решала эту проблему, опираясь на реализм — связь имени и сущности, функции, предназначения предмета. Основание этой традиции философы видели в платонизме, неоплатонизме, средневековой философии. Актуальность проблеме придаёт переходность эпохи: фэйковые (фальшивые) новости, переименования улиц, появление новых учреждений, снос старых памятников и установка новых, происходящие в разных странах мира. Все они имплицитно ставят вопрос о необходимости переосмысления реальности и места человека в ней. Похожие процессы, но в гораздо больших масштабах происходили в Советской России 100 лет назад. Ценность решения: освоение пространства с помощью имён в том, что смысловое имя «говорит само за себя». Оно существует вне интерпретации, а следовательно, не может лгать [4].

Ещё Платон [9] считал очень важным называть кошку — кошкой, (и далее: войну — войной, а человека — человеком. — *Л. П.*). Реализм, исихазм, имяславие, философия имени пытались пройти этим путём и обосновать новую классику в философии, т. е. непосредственное единство Слова и Дела, Бога, Человека, Мира и их всеединство в мировоззрении, картине мира [6]. Но мировая философская мысль развивалась иначе. Античные философы учили нас различать и не смешивать мнение и знание, как разные степени одной истины о мире. Есть сильные и слабые утверждения, если знание — «ясное и отчётливое», то мнение будет смутным и обманчивым. Мнение, миф, дискурс как сумма мнений — противоположны знанию, хотя могут и не противоречить ему по сути. А мысль о равноправии интерпретаций и «альтернативных фактах» показалась бы античным философам возрождением софистики во всемирном масштабе. Средневековые школы реализма и номинализма, по сути, говорили об одном и том же, но с разных начальных позиций: реализм наделял сущностью только общие имена, тогда как номинализм — только конкретные. Если убрать это ограничение и представить сущность как сему (смысловой неделимый атом), то станет возможно единство этих подходов, без вынужденного компромисса между ними — концептуализма, открывшего «ящик Пандоры» интерпретаций и смысловых слоёв. Хотя и концептуализм, рассмотренный не только как аналитика, но и в аспекте синтеза смыслового единства, мог бы подкреплять реалистический подход к миру. Завершением проблемы универсалий можно считать парадокс

Б. Рассела «множество всех множеств»: разделить формальные имена и имена реальных предметов «до конца» невозможно: к примеру, «дом на набережной» для большинства россиян будет общим понятием, а для москвичей — единичным культурно-историческим концептом. И. Кант обосновал достоверность знания о мире как единство чувственно-конкретного с априорным «знанием о знании», основанном на способностях и опыте человечества. Способствовать этому может смысловое имя.

Содержание поведения людей, определяется не только местом, но и временем, т. е. проблемой, которую они решают. Проблема формирует дискурс — набор мнений, суждений здравого смысла, возможных решений данной проблемы. Человек, столкнувшись с конкретной проблемой, как правило, знает, «что делать?», но не делает этого в силу привычки, сформированной культурой. Чтобы отбросить привычку и начать действовать, необходимо перейти от мнимой, фэйковой реальности дискурсов к объективной (интерсубъективной) реальности смысла. Как говорится в шуточной поговорке, «не дом красит человека, а человек красит дом». Чтобы исчезли или стали исторической метафорой такие названия мест, как «Горе-грязь», нужно уважать себя, живущего в этом месте, а не пребывающего в пустоте «вечных проблем» и недостижимых сакрализованных идеалов. Дискурс — как правило, пустое, «общее место» в культуре. Но при этом в качестве «актуальной повестки дня» он может занимать непропорционально большое место в коммуникативных отношениях между людьми [10]. Он маркирует общение, отличая «своих» от «чужих», сплывает «своих», изгоняя «чужаков», зовёт на «подвиги», состоящие, порой, в стремлении убивать носителей другого дискурса. Взаимодействуя с дискурсом, важно различать актуальность и конъюнктуру: актуально знать то, что может случиться, если не вмешаться в ситуацию, даже если такое вмешательство опасно для тебя. Тогда как конъюнктура это всегда безопасное и даже приятное согласие с «общим мнением» по вопросу, не затрагивающему твоих жизненных интересов [8].

В мире интерпретаций слово формально, оно может означать всё, что угодно и становится инструментом обмана. Тогда как смысл вынужден «прятаться» за контекст, распознаваться через невербальные знаки и т. д. «Не говори ничего!», — так говорят люди, когда перестают верить словам. Такие механизмы распознавания одного и того же смысла, как ассоциации, единство образа, восприятие, понимание идеи, способны восстановить интерсубъективное единство реальности не приводя к догматизму «единственно верного» представления о ней. Интерпретации — не есть истины, устанавливаемые произволом, это мнения, т. е. гипотезы о мире и его явлениях, которые могут быть доказаны или опровергнуты. Следует различать легитимную и нелегитимную интерпретации: первая — иной путь к достоверному знанию о предметном мире (подобно тому, как естественные науки, каждая по-своему, открывают нам знание о разных аспектах одной природы). Нелегитимная интерпретация — основанная на вторичной онтологизации фундаментальных понятий, то есть оторванная от реальности предметного знания, переходящая от одного недоказанного утверждения к другому. Такой ход мысли приводит к сакрализации мировоззрения, превращению набора предпосылок познания — в набор псевдорелигиозных догм.

В гуманитарных науках и обыденной жизни человек имеет право и свободу высказывать своё мнение, интерпретировать реальность, но он не имеет права на подмену доказанного знания о реальности — ложью и мифом

о ней. Есть различие между выражениями: «говорить» и «говорить серьёзно» (говорить под присягой), «утверждать нечто» и «утверждать нечто с достоверностью». Кроме своей идеи, каждое утверждение имеет следствие, которое может быть созидательным, развивающим человека и разрушительным для него, препятствующим познанию, раскрытию способностей, закрывающим перспективы личного и социального роста. Это неравноценные утверждения и, было бы справедливым считать первые, «утверждения человеческого созидания» истинными, а вторые — ложными.

Говоря о генеалогии имён, к примеру, географических мест, следует вспомнить имена их первооткрывателей, делавших чужое (новое для данной культуры) место «своим», близким и понятным. Старое, местное имя, данное аборигенами, как правило, забывалось. Нередко этот процесс сопровождался прославлением королей, спонсоров, писателей и учёных. Это процесс можно назвать «первичным присвоением» пространства. Здесь возникает связь между местом и человеком, давшим ему имя. Рефлексивно, имена малых населённых пунктов давались людьми, жившими в других, соседних деревнях и посёлках. Новый населённый пункт называли по имени (прозвищу) яркого человека, жившего в этом месте. Здесь можно проследить последовательность обретения смыслового имени: от абстрактных: «Новое», «Старое», «Высоково» к конкретным: «Лопатино», «Кирсаново», «Абрамцево», закрепляющее в памяти имена успешных людей, преобразивших, обустроивших эти места. Аналогично, от безличных имён «Зима», «Счастье», именуемая мысль переходит к личным.

Далее возникает спор, конфликт личных имён: «кто более для матери истории ценен?», поскольку за долгую историю от сотен до тысяч лет, в одном месте жили десятки известных людей. С чьим именем связать данное место? Череда переименований кажется нам неправильной: Рыбинск — Щёлково — Андропов — Рыбинск, вызывает насмешки и анекдоты. Наиболее приемлемым кажется именование места не по принципу древности или политической конъюнктуры, а по возможности вступить в диалог с известным человеком, жившим в данном месте. Пушкин, Лермонтов, Ломоносов, Чайковский, Толстой, Репин дают нам возможность увидеть это место их глазами, придти к ним в гости и понять, почему их дом — это наш дом. Знание их произведений, диалог с автором, встреча прошлого и настоящего объединяют людей, как жителей так и гостей этих мест. Отсюда следует право жителей на «исправление имён» — переименование мест. Развитие культуры требует переосмысления прошлого, к которому нельзя относиться равнодушно и формально.

Русская культура, мировоззрение несут в себе многие черты Средневековья. В частности, воспринимает искусство как праздник, развлечение, отдых. Отсюда естественным кажется восприятие искусственной, реальности как идеала, который по определению не может быть «плохим», мрачным, предсказывающим недоброе. А то, что смысл этого идеала производится непосредственно в речи, то, что этот смысл оторван от фактов и жизни, выражает сам себя, является субъективно заинтересованным или формальным и т. д., не столь существенно для воспринимающего его человека. В частности, имена мест нередко дают такую характеристику места, которая либо отрицает его материальность, либо сужает её до имени храма, там построенного. Отсюда — множество одинаковых имён сотен и тысяч разных населённых мест. Отличить одно из них от других можно только по географическому

контексту: району-области-республике. Персонификация имён этих мест, определение их идентичности самим себе — необходимый элемент персонификации каждого человека, там живущего, а далее — идентичности народа и страны. Становление личности человека невозможно без уважения к предкам, создавшим славу этих мест и сделавших себя — уважаемыми людьми. Хотя с помощью имён невозможно персонифицировать каждого человека, но сама возможность сделать это для многих будет стимулировать развитие личности и культуры. Можно, к примеру, дать личные имена улицам с названиями «б-я Овражная», «3-я Жилая», а когда закончатся улицы, давать имена домам, где жили достойные люди. Такой подход называют «имяславие вещей» [6].

Какие имена социальных институтов можно выделить в нашей жизни? Устойчивые выражения русского языка фиксируют нам: общественное место, рабочее место, место отдыха, сакральное место. Но «общественное место» определяется только в гражданском праве и так, что им является всё, кроме семейного очага. В таком контексте лесоруб, уронивший топор себе на ногу, должен оглядываться — «нет ли рядом полиции?», прежде чем выразить словесно своё эмоциональное состояние. Как, к примеру, называется у нас место диалога, общения: завалинка, беседа, вече, кухня, социальная сеть? Имя места должно придавать человеку силы для жизни в этом месте, а не отнимать их, так утверждает метафора «места силы». Соответственно, то, о чём говорят «в кулуарах» всегда более откровенно и честно, чем то, что принято говорить на публике.

Качество места определяется тем, что происходит или что совершает человек в этом месте: война, тюрьма, кладбище и торговая площадь всегда накладывают свою специфику на поведение людей. Человек поддается «магии места». Рассмотрим некоторые места более подробно: общественное место это транспорт, парки и улицы, там общественное, оставаясь социальным, сближается с личным, к примеру, местом отдыха. С другой стороны, место, увиденное в фильме или прочитанное в книге, может стать настолько родным и близким, что будет притягивать к себе в реальности. Станет «родиной души».

Исторической метафорой места именовался и социальный институт, как место «присутствия» ответственных людей, собравшихся (в месте и совместно) для решения важной для всего общества задачи. Смысловые имена различных канцелярий и органов власти должны не только нести прямую функциональную нагрузку типа: «Следственный комитет — комитет для проведения следствия», но и результативную, соответствующую целевому назначению. То есть рассматриваться как место, где решают проблемы людей, без различия этих людей. Сегодня едва ли не любая «контора» может быть «местом жалоб», где бессильный жалуется сильному на слабосильного и, при некотором усилии, может рассчитывать на справедливость. В худшем случае это место господства, «Олимп», где не человек спрашивает у власти «за что?», а власть спрашивает его «кто ты?», чтобы решить самой, «что делать с тобой дальше?».

Аналогично требуют именованья места преступлений, известных и массовых. Такое место — это дистанция, отделяющая мир честных, хотя и ошибающихся людей, от мира людей, намеренно нарушающих общественный порядок: убийц, грабителей, насильников. С одной стороны, мы чувствуем себя «не по себе», испытываем страх, оказываясь на месте преступления, с другой — это место приобретает для нас сакральный характер: всем известны «храмы “на крови”». Но и отмечать эти места одинаковыми крестами

и часовнями — означает откупаться от прошлого, получать моральную индульгенцию и забывать. Помним ли мы, как следует поступать, чтобы не оказаться жертвой или преступником? Как не сделать любое иное место — местом преступления? Мы, как правило, не связываем и не противопоставляем место преступления — месту подвига: «город-герой», «крепость-герой», не связываем героев-людей с местами их подвигов. Хотя подвиг, как правило, это преодоление злой воли преступника в конкретном месте и времени.

Особого имени требует сакральное место, место тишины, молитвы или торжества: церковь, ЗАГС, кладбище, музей, проявляющее безусловную власть над людьми. А также место диалога, общения людей — «площадь для вече». Ж. Делёз [3] определял народ как «людей собравшихся на площадь». Площадь не может быть ни пошлой, ни сакральной. Хотя на ней люди могут умирать за свои убеждения. Там формируется и обсуждается мнение, которое может стать практическим правилом для всех, законом, но когда изменится практика, должен измениться и закон, её регулирующий.

Все эти и другие, важные для человека места и институты должны получить собственные смысловые имена, должны быть освоены культурой, чтобы соединить природу, культуру и человеческое сознание в гармоничное и конкретное единство. Представить, как хотел И. Кант, мир виртуальный в качестве цели для мира реального, таким образом разрешив конфликт между дискурсом и «реализмом» реальности, соединив их как должное и сущее, как красоту, становящуюся добром. Только такая красота может «спасти мир», а не погубить его. «Всюду быть дома» — цель философии, которую ставил перед ней М. Хайдеггер [11], достижима только в том случае, когда ты всюду поступаешь так же, как поступил бы будучи дома, с родными тебе людьми. Дом — место, где действуют законы цивилизации, где уважают жизнь, здоровье, имущество и волю каждого человека. «Цезарь всюду дома» — говорили древние римляне. Сегодня многие люди лишены этой возможности, изгнаны из своих домов. Как им вернуться туда? Как найти свой дом в новом месте? Один из главных трудов Платона, переведённый в Российской империи как «Государство», назывался «Полития», т. е. «горожанство», «город горожан», в латинском переводе называется «Республика», метафорически: «*Rex publica*» — Царь публика, государство граждан или социальное государство. Его строительство и есть цель современной философии, стремящейся дать нам новый «дом».

Мы входим в дом через парадный вход, проходим в гостиную, говорим о погоде и очень осторожно обсуждаем вопросы, затрагивающие чувства хозяев: болезни детей, смерть близких родственников, недостатки и особенности чужого характера. Мы сопереживаем и сочувствуем им. Мы делаем так потому, что стремимся сохранить отношения с этими людьми. Эти люди дороги для нас независимо от того, какие недостатки или досадные привычки они имеют. Может быть, потому, что мы любим их? Может быть, потому, что они любят нас? Это для нас сокрыто. Мы можем обсуждать их недостатки только вдали от них, в самой близкой семейной обстановке. И к каким бы выводам мы не пришли, мы всегда будем защищать своих друзей от агрессии внешнего мира, будем мирить их между собой, если среди них возникнет ссора. И если таково наше обычное отношение к людям, поскольку к числу друзей мы можем присоединять соседей, коллег по работе, случайных знакомых, то откуда берутся наши враги? Называя людей, социальные институты и различные места своими именами, мы выражаем им уважение, признаём своё и чужое достоинство и человечность.

Список литературы

1. *Ваден Т.* Что такое локальное мышление (Может ли существовать финская философия?) // Хора. Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2008. № 1. С. 88—103.
2. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИДИК, 1999. 368 с.
3. *Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
4. *Ермолович Д. И.* Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.
5. *Левинтов А.* Онтология и язык пространства. URL: <http://ontology.mirtesen.ru/blog/43600159334/Aleksandr-Levintov--Ontologiya-i-yazyik-prostranstva> (дата обращения: 13.01.2021).
6. *Нижников Н. А.* Философия имени в России: становление и современная дискуссия. Ч. 1: Имяславие П. А. Флоренского // Пространство и время. 2011. № 4 (6). С. 64—71.
7. *Нижников Н. А.* Философия имени в России: становление и современная дискуссия. Ч. 2: Имяславие А. Ф. Лосева // Пространство и время. 2012. № 1 (7). С. 56—65.
8. *Петряков Л. Д.* Дискурсивная реальность как объект философского анализа: онтологические и гносеологические аспекты: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2014. 350 с.
9. *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
10. *Филлипс Л., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод. М.: Гуманитарный Центр, 2008. 352 с.
11. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

УДК 1:37

ББК 74в

DOI: 10.46726/Н.2021.1.14

*Е. В. Палей***АКСИОПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ**

В статье рассматривается несколько актуальных аспектов гуманитаризации естественнонаучного и технического образования, связанных с включением в процесс обучения явных и неявных ценностных установок. Указывается на негативный характер дефицита гуманитарных ценностей в рамках технического образования. Подчеркивается, что неявные ценностные установки обладают особой эффективностью, соответствуют современным практическим запросам и связаны с профессиональными компетенциями выпускников. Они формируют исследовательское отношение к опыту, критерии оценки профессиональной деятельности, социальную ответственность и значимые навыки сотрудничества.

Ключевые слова: гуманитаризация, аксиопространство образования, ценностные установки, естественнонаучное и техническое образование, подготовка технических специалистов.

© Палей Е. В., 2021

• Серия «Гуманитарные науки»

E. V. Paley

AXIOSPACE OF CONTEMPORARY NATURAL SCIENCE AND TECHNICAL EDUCATION: OPPORTUNITIES FOR THE INTEGRATION OF THE HUMANITIES

The article examines several topical aspects of the integration of the humanities into the natural science and technical education. This process is closely interlinked with the inclusion of explicit and implicit value attitudes in the process of education. The negative character of the deficit of the values fostered by humanities within the framework of contemporary technical education is pointed out. It is emphasized that implicit value attitudes are especially effective, as they correspond to the practical needs and are associated with the professional competencies of graduates. They shape an exploratory attitude towards experience, criteria for evaluating professional performance, social responsibility, and meaningful collaboration skills.

Key words: the integration of the humanities into the natural science and technical education, axiological space of education, value attitudes, natural science and technical education, training of technical specialists.

«В настоящее время реальность является
в первую очередь социальным миром — не природным,
не вещественным, а исключительно человеческим —
воспринимаемым через отражение своего “я” в других людях»
(Д. Белл)

Постановка проблемы

Стремительное движение современного социума в сторону прагматически измеряемых и технически управляемых взаимодействий не могло не отразиться на гуманитарной составляющей образования, обретающей статус «избыточной» ценности. И наиболее явно этот процесс протекает в отношении естественнонаучного и технического образования, минимизирующего присутствие гуманитарных дисциплин. «Сизифов труд гуманитарных кафедр в техническом вузе — доказывать утилитарность, пригодность философии для реальной жизни», где неотрефлектированный технократизм формирует изначально предвзятое отношение к гуманитарному знанию в целом [1, с. 96, 107]. Такая установка, как справедливо отмечают коллеги, далеко не способствует формированию полноценных и актуальных профессиональных навыков, выполнению будущим специалистом своих гражданских, личностных и профессиональных задач. Любая техническая инновация всегда есть отражение некоторой ценности, следование определенной социально значимой цели. Да и провозглашаемая центральная роль инженера и ученого в информационном (постиндустриальном и пр.) обществе явно предполагают наличие ценностных рамок его деятельности, критериев оценки достижений. Поэтому нам кажется, что осмысление механизмов гуманитаризации естественнонаучного и технического образования связано с множеством смыслов, заставляющих рассматривать аксиопространство негуманитарного образования в различных измерениях и настаивать на том, что качество такого образования невозможно без опоры на некоторые гуманитарные принципы и ценности.

Гуманитарное знание как воспитание

В рамках естественнонаучного и технического образования традиционным является акцент на «видимые» компоненты гуманитаризации — этико-воспитательные и исторические. Это напрямую связано с релятивизацией целей и ценностей в современном массовом сознании, иллюзорным представлением о подлинности конкретно-ситуативного, эклектичностью и изменчивостью, определяющими рискогенность и нелинейность современности. Обращение в этих условиях к этическим нормам и традициям оправданно, поскольку позволяет надеяться на снижение нестабильности развития путем создания некоторых границ поведения, преодоление релятивизма и имморализма молодых специалистов. Вместе с тем доминирование «нормативно-воспитательного подхода» может оборачиваться потерей экзистенциально-личностного среза образования. Молодые люди часто воспринимают такую деятельность как попытку вмешательства в свою свободу, — тогда воспитательные усилия имеют обратный эффект. Кроме того, доминирование социально значимых целей в условиях следования жесткой экономической эффективности оборачивается превращением человека в ресурс решения социальных и экономических задач, в «овеществление» субъекта образования, делая его легким объектом внешних манипуляций, базирующихся на тревоге и страхе за свое несовершенство (М. Нуссбаум) [7, с. 49—50, 65—66]. «Овеществленный» субъект образования не способен придать смысл практическим действиям, найти понимание и объективное восприятие событий; он оказывается угрозой для самого провозгласившего эти ценности общества, его неспособность к сотрудничеству оборачивается обострением насилия, нетерпимости, эгоизма и иных проблем [7, с. 16, 21]. Гуманитаризация в данном контексте является сложным процессом отыскания единства социального и личностного, соответствующего целям образования как такового, серьезно искаженным современными трансформациями [9, с. 21—25]. Но по отношению к самому процессу профессиональной подготовки решение таких задач делает моральные ценности и исторические традиции лишь *дополнением* к профессиональным навыкам.

Поэтому проблему гуманитаризации в техническом вузе необходимо ставить гораздо шире, ее решение должно затрагивать внутренние механизмы образовательного процесса. Ниже мы рассмотрим два наиболее значимых неявных аспекта присутствия ценностных установок в аксиопространстве современного естественнонаучного и технического образования. Их осмысление нам кажется важным в силу укорененности в системе профессиональных навыков, неотделимости от профессиональных компетенций.

Гуманитаризация как включение в методологию и этос науки

Если говорить о естественнонаучном образовании, то речь идет о ценностях, имплицитно существующих в рамках научного исследования. Современные парадигмы познания уже не предусматривают его очищения от ценностей: «дальнейшее развитие эпистемологии возможно осуществить, лишь рассмотрев познание в его антропологических смыслах» [6, с. 5, 7]. При этом связь познавательных и ценностных компонент рассматривается как обоюдная: считается, что ценности имеют в своем содержании когнитивную составляющую, а с другой стороны, когнитивные феномены раскрываются как имманентно содержащие аксиологические компоненты [6, с. 8]. Помимо

предметного, происходит усвоение метапредметного содержания научного знания: представлений о границах знаний, способах принятия решений, процессе понимания нового. Аксиологическая нейтральность методов и позиций исследователей, как мы отмечали выше, уже не отражает ведущих тенденций развития знания: определяющим отличием постнеклассического типа рациональности является необходимость учитывать ценностные ориентации субъекта, аксиологизация выступает как критерий научности [4, с. 67—68].

Среди классических примеров такой передачи ценностей могут выступать конкретные учебные задачи как один из элементов дисциплинарной матрицы (Т. Кун), или элементы «личностного знания», транслируемые при обучении любому мастерству (М. Полани). В образовании всегда присутствует риск действия в сфере неизвестного, и именно в этой кризисной познавательной ситуации, по мнению Т. Куна, необходимость распределения риска и гарантия успеха определяются обращением к ценностям [5, с. 239—240]. Согласно мнению М. Полани, элементы оценочной деятельности присутствуют во всех актах познания, связанных с передачей умения и мастерства [11, с. 39]. Ранее мы писали о том, что «обнаруживаемая в ходе образовательного процесса истина — не результат поиска, а результат отбора; место истины в образовании занимает оценка» [10, с. 273]. Но это относится к подготовке бакалавров; в магистратуре и аспирантуре научно-исследовательская деятельность существенно расширяется, применительно к естественнонаучным направлениям подготовки во многом обуславливая собой чисто образовательные компоненты. Ориентированное на исследовательские задачи образование необходимым образом должно включать некоторые ценностные установки, определяющие отношение субъекта к данным *любого* опыта:

— стремление к *рациональности и системности* (выражающееся в практической способности к анализу и синтезу полученных знаний, выявлению всего спектра возможных способов решений);

— понимание *ценности ошибки и незнания* (обуславливающее критическое отношение к опыту и результатам познавательной деятельности, базирующееся на представлении о несовершенстве человека);

— *направленность на развитие знания* как условия прогресса человека и общества (практически реализуемая как умение видеть горизонты неопределенности в предметном поле исследования, перспективы поставленных вопросов и принятых решений вместе с их последствиями).

Исследовательские элементы в образовании формируют представление о достоверном знании как ценности, что позволяет создать гуманитарный контекст логики и методологии науки, связать их с проблемой истины. А. О. Карпов в своих работах указывает, что истина как целевая доминанта присутствует и в большой науке, и в рамках «дисциплинарных одежд», составляя онтологический и воспитательный фундамент познания: «следует уметь чувствовать и ясно воспринимать истину, искать и признавать истину, быть способным распознавать ее и отличать как истину» [3, с. 21]. Установка на достижение достоверности в рамках естественнонаучного образования неявно включает уважение к знанию, выстраивает иерархию вокруг классической философской альтернативы «Платон мне друг, но истина дороже».

Современное состояние образовательной сферы, отличающейся подменой знания на информированность, смещением внимания с качественной на количественную сторону познания, относительностью ценностей ставит перед преподавателями философии некоторые основные задачи, связанные

с формированием представлений о: 1) ценности достоверного знания, независимой от трансформации научных парадигм и социальных запросов; 2) проблемном характере научного поиска, требующем приложения усилий и определенных личностных качеств; 3) ценности незнания, связанной с несовершенством познавательных возможностей человека и выступающей основой критического отношения к своим достижениям; 4) коммуникативной сущности истины, обуславливающей ценность научного диалога и сотрудничества. Гуманитаризация данных исследовательских установок возможна как их рационализация, как раскрытие их внедисциплинарного и мировоззренческого потенциала.

Гуманитаризация как критерий профессиональной компетентности технических специалистов

Современное общество, развивающееся в рамках научно-технического прогресса, существенно изменяет содержание и функции инженерной деятельности. С одной стороны, она по-прежнему несет в себе черты идеологии технократизма; с другой — сложность современных технологий заставляет говорить о кризисе ценностей, направленных на покорение природы (понимаемой и как окружающая среда, и как природа самого человека). Вмешательство в природу требует определения границ и критериев эффективности такого вмешательства, которые не могут быть выведены без учета социальных факторов, — здесь и сказывается дефицит гуманитарной подготовки технических специалистов.

В литературе указывается, что научно-техническая интеллигенция, являющаяся главным субъектом и творцом научно-технического прогресса, редко выделяется в особую исследуемую группу, представления о ней как о части интеллигенции часто идеализируются [8, с. 6]. Но специфика ее деятельности и роль в обществе делают актуальным процесс формирования аксиопространства технического специалиста. Формализация и обезличивание технической подготовки негативно сказываются на качестве труда инженера, носящего инновационный и продуктивный характер, часто связанный с социотехническим проектированием и передачей знаний [8, с. 8—9]. Особенно это актуально в отношении информационных технологий, серьезно трансформировавших все сферы жизни общества, эффективность действия которых напрямую зависит от каждого пользователя. Из этого следует, что у их разработчиков должно быть понимание механизмов социального управления, они должны быть включены в систему ценностей, влияющих на поведение людей в различных ситуациях. Цифровизация — это феномен не технологического, но экономического, политического, гуманитарного и социокультурного порядка; деконструкция гуманитарных связей «по определению не может выступать платформой для понимания сложнейших проблем НТП» [2, с. 71]. Понимание приоритетности этических норм в рамках философской подготовки специалистов позволяет преодолевать ценностный релятивизм обучающихся, но для этого необходимы новые подходы к преподаванию (см., напр.: [1, с. 96—108]). Наш собственный опыт в работе с магистрантами в области информационных технологий говорит об эффективности обращения к социально-философским и этическим принципам в анализе технических разработок, приводящим к пониманию инструментального характера профессиональной этики и возможностей совершенствования собственных технических идей.

Современный технический специалист в подлинном смысле слова должен обладать массой гуманитарных навыков *в качестве своих профессиональных компетенций*. Технология *оценки* последствий внедрения инноваций — одна из самых значимых в их числе. Эффективность работы социотехнической системы невозможна без уважения к ценностям входящих в нее субъектов, без понимания оценки «человеческого фактора» не как помехи, а как неотъемлемого (иногда и важнейшего) элемента данной системы. Принятие технических решений должно осмысляться не только как узкопрофильный, но и как определенный моральный выбор, а для этого необходимо установление ценности стратегического планирования и успеха в противовес получению сиюминутной выгоды. Еще в середине XX века Д. Белл писал о значимости социального консенсуса в условиях нестабильности и зависимости развития постиндустриального общества от роста свободы и согласования интересов. Сегодня это прочно оформилось в идею социальной ответственности, занявшую важное место в системе современных приоритетов (в том числе — компетенций, указанных во ООП и обязательных для организации процесса обучения). Проведение критического анализа собственных экспериментальных и расчетно-технических работ, представление результатов своей работы, организация контроля за деятельностью подчиненных и их обучение, способность анализировать мнения заказчика, руководить работой команды, учитывать разнообразие культур, определять приоритеты собственной деятельности, способность к оценке экономической эффективности технологических процессов, готовность применять основные принципы рационального использования природных ресурсов и защиты окружающей среды, — это неполный список *профессиональных* (не универсальных, и не общепрофессиональных!) компетенций, без которых подготовка узкого специалиста признается неполной. Все они требуют определенного уровня аксиологических знаний, выработки ценностных принципов и понимания значимости своих профессиональных целей как социальных приоритетов.

Заключение

Обеспечение единства универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций выпускников университета невозможно без освоения ими навыков научной работы не сколько в узком смысле исследовательской деятельности, но и как широкой способности к научной оценке действительности. А это напрямую связано со степенью понимания ими системы ценностей науки, признания ее в качестве значимой компоненты своего мировоззрения. Установки на достоверность и доказательность, критическое отношение к опыту, способность выявлять весь спектр возможных способов решения задач и видеть перспективы поставленных проблем актуальны для всех направлений подготовки технических специалистов. Кроме того, эти ценности отвечают современным требованиям к социальной ответственности образования, потребности вуза в интеграции профессиональной компетенции и воспитания.

Философское знание в данном случае выступает как подлинно интегративное и фундаментальное. При реализации интерактивных методик оно способно соединить знания и ценностные установки в общей направленности конкретного магистранта, включить его в интеллектуальную историю, повлиять на горизонты его профессионального развития. При этом важно, что этико-воспитательные моменты не являются чем-то внешним по отношению

к учебной деятельности, а присутствуют как неявные (и за счет этого неотъемлемые) элементы процесса обучения, что обеспечивает адекватность их восприятия применительно к личному познавательному опыту каждого обучающегося и индивидуальность понимания им смысла совершаемых действий. Таким образом мы можем интегрировать в учебном процессе теоретическое и практическое в едином ценностном контексте, создавая новые формы гуманитаризации естественнонаучного и технического образования.

Список литературы

1. *Викторук Е. Н.* Этика и аксиология науки для аспирантов и соискателей (Опыт работы в Сибирском государственном технологическом университете) // Эпистемология & философия науки. 2009. Т. XXI, № 3. С. 95—108.
2. *Гурьянова А. В., Тимофеев А. В.* О предназначении философии и гуманитарного знания в эпоху цифровизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 70—76.
3. *Карпов А. О.* Исследовательское поведение научного типа и отношение к истине в исследовательском образовании // Проблемы современного образования. 2016. № 6. С. 19—24.
4. *Котлярова В. В., Руденко А. М.* Характеристики процесса аксиологизации постнеклассической науки // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 63—73.
5. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. 608 с.
6. *Микешина Л. А.* Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 439 с.
7. *Нуссбаум М.* Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки / пер. с англ. М. Бендет; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 192 с.
8. *Орешиников И. М., Шкерина Т. И.* Современная российская научно-техническая интеллигенция: вымысел, желаемый образ или реальность? // История и педагогика естествознания. 2020. № 1. С. 5—16.
9. *Палей Е. В.* Онтологические основания и цели образования: противоречия трансформации // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 6, вып. 1. С. 21—25.
10. *Палей Е. В.* Ценностный характер образования как познания // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 6, вып. 4. С. 269—273.
11. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 345 с.

УДК 60.561.9
ББК 316.74:37
DOI: 10.46726/H.2021.1.15

С. В. Пирожкова

ЗАДАЧИ УНИВЕРСИТЕТА В УСЛОВИЯХ КОГНИТИВНОГО И БИОКАПИТАЛИЗМА: ОТ ГРАМОТНОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ К УЧАСТНИКУ СОЦИОТЕХНИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

В статье представлена модель эволюции форм работы с социальными ожиданиями в рамках развития практик прогнозного и, шире, управленческого сопровождения технологического развития. Показано, что социальные ожидания выступают одним из важных факторов развития науки и техники в условиях формирования так называемого когнитивного капитализма и биокапитализма. Обосновано, что учет социальных ожиданий происходит в таких видах деятельности, как прогнозирование, футурологическая рефлексия над будущим и форсайт, совмещающий прогнозную, проектную и планово-управленческую составляющие. Зафиксировано, что эти практики последовательно занимали доминирующее положение в обеспечении технологического развития, при этом интегрируя в себя предшествующие формы прогностической деятельности; в ходе их эволюции происходит переход от фиксации ожиданий и прогнозирования их динамики к формам воздействия на них, а затем включению их в процесс социотехнологического проектирования. Проанализирована российская практика работы с социальными ожиданиями в рамках управленческого обеспечения технологического развития, выявлены недостатки этой работы. Обоснованы задачи по ее совершенствованию, решение которых может взять на себя университет как важный участник инновационного процесса, интегрирующего сферу НИОКР и рыночного производства.

Ключевые слова: социальные ожидания, технологическое развитие, когнитивный капитализм, биокапитализм, прогнозирование, футурология, форсайт.

S. V. Pirozhkova

THE TASKS OF THE UNIVERSITY IN COGNITIVE AND BIOCAPITALISM: FROM A COMPETENT CONSUMER TO A PARTICIPANT IN SOCIO-TECHNOLOGICAL DESIGN

The article presents a model of the development of forms of work with social expectations within the framework of the evolution of the predictive and managerial support of technological development. It is shown that social expectations are one of the important factors in the development of science and technology in the context of the formation of the so-called cognitive capitalism — a form of capitalist organization of the economy, in which the sphere of R&D is integrated into the production process and there is a commodification of scientific knowledge. It is noted that the role of social expectations increases when capitalist production absorbs the sphere of biological and medical research and development and biocapitalism

---

© Пирожкова С. В., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 19-511-04003.

The reported study was funded by RFBR and BRFFBR according to the research project № 19-511-04003.

starts to develop. It is proved that social expectations are taken into account in such types of activities as forecasting, futurological reflection on the future and foresight, which combines predictive, project and planning-management components. These practices consistently occupy a dominant position in support of technological development, while each subsequent one integrates the previous. In the course of evolution of these forms, there is a transition from fixing expectations and predicting its dynamics to the influence on them, and then inclusion in the process of socio-technological design. The Russian practice of working with social expectations in the framework of support of technological development is analyzed, and the shortcomings of this work are identified. The tasks of its improvement, the solution of which can be assumed by the university as an important participant in the innovation process that combines the sphere of R&D and market production, are justified.

Key words: social expectations, technological development, cognitive capitalism, biocapitalism, forecasting, futurology, foresight.

Современное понимание технологического развития предполагает, что оно происходит не под действием неких имманентных сил и внутренней логики, но как результат неоднозначного переплетения разнородных групп факторов — роста научного знания и технического творчества, интересов государств и иных акторов, массовых настроений и проведения своих позиций отдельными общественными группами и т. д. Мощнейшей движущей силой становится рынок, обеспечивающий ускоренное развитие одних научных и технологических направлений и тормозящий развитие других. Это обусловлено тем, что научные знания и разработки превращаются в основной ресурс, создающий капитал, позволяя говорить о новой форме развития капитализма — когнитивном капитализме [3]. В результате сфера НИОКР начинает функционировать по правилам рынка в логике экономической целесообразности. Поскольку средства производства сегодня — это по сути воплощенные знания, а вся система получения знаний интегрируется в производственный процесс, оказывается невозможным провести между ними границу. Своеобразной эволюцией когнитивного капитализма становится биокапитализм. Это понятие призвано засвидетельствовать поглощение сферой капиталистического производства биологических и медицинских исследований и разработок, что приводит к коммодификации биологических объектов. В рамках биокапитализма роль социальных ожиданий еще более возрастает, поскольку технологический процесс непосредственно затрагивает человеческую телесность [2].

Коммодификация сферы НИОКР актуализирует в исследованиях науки и техники подходы, зарекомендовавшие себя в экономической науке. Одним из них является представление рыночного процесса как порождаемого не только объективными моментами, но и таким фактором, как субъективные оценки участников рынка и их ожидания. В случае технологического развития этот фактор рассматривается как ожидания массового потребителя инновационной продукции — социальные ожидания от технологического развития, формирующие основания для массового принятия одних технологических решений и неприятия других. Исследователи отмечают, что в условиях рыночной экономики восприятие тех или иных инновационных решений подчас играет ключевую роль в их судьбе [14]. Последний год продемонстрировал эту зависимость с наибольшей очевидностью. Уровень ожиданий и востребованность вакцины от новой коронавирусной инфекции

стали мощнейшим движущим фактором для деятельности фарминдустрии и медицинской науки во всем мире, в то время как борьба с инфекциями, не получившими пандемического распространения, зачастую не выливается в разработку вакцин. Ситуация с коронавирусом SARS-CoV-2 обнаруживает роль социальных ожиданий и применительно к процессу вакцинирования — часть населения во многих странах испытывает недоверие или даже страх перед прививкой, ожидая не только кратковременных побочных реакций, но и долгосрочных последствий для здоровья как отдельных граждан, так и популяции в целом. Этот эффект возвращает к проблеме конструктивной работы с социальными ожиданиями как фактором технологического развития, в частности, развития био- и медицинских технологий.

Просвещение, манипуляция, терапия и партисипация. Во второй половине XX века практики управленческого сопровождения технологического развития становятся важнейшим направлением прикладной социальной науки, ориентированной не столько на осмысление социальной реальности как таковой, сколько на планомерное конструирование этой реальности на основании понимания механизмов ее функционирования и трансформации. Начиная с послевоенных десятилетий множатся различные формы такого сопровождения. Первой, безусловно, становится прогнозирование (technological forecasting), наследующее методологические нормы научного предвидения — ориентацию на выявление объективных закономерностей и формализованные методы получения прогнозных результатов, принципы эмпирической фундированности, проверяемости и воспроизводимости. Однако технологическое развитие — уникальный и открытый процесс, кардинально зависящий от фактора нового знания, а потому недоступный для познавательных процедур, близких к классическому научному предвидению. Какое-то время предполагалось, что в области социального и технологического развития можно полагаться на менее формализованные процедуры — от экспертного прогнозирования до футурологии (нарративной практики, конструирующей образы будущего с использованием процедур обыденной антиципации — экстраполяция, выводы по аналогии и др.). Экспертное прогнозирование получило впечатляющее развитие в виде Дельфи-экспертизы — попытки формализовать процесс генерации экспертного знания и добиться intersubjectivity такого знания, т. е. единственно доступной формы объективности технологического прогноза. Однако метод Дельфи продемонстрировал, что в процессе попыток сделать экспертное прогнозирование более объективным мы все более уходим от познавательной практики как отражающей текущее положение и существующие в возможности варианты его эволюции и приближаемся к конструктивным практикам — планированию, проектированию и программированию. Кроме того, стало очевидным, что не только развитие общества зависит от роста научных знаний и прогресса технологий, но действует и обратная зависимость. Итогом совершенствования методов технологического прогнозирования и рефлексии этого процесса стало появление практики форсайта (foresight), позиционирующихся как комплексная деятельность, направленная на работу с будущим науки, технологий и общества. Важно, что в рамках форсайта легитимными признаются не только формы научного предвидения, но и иные формы антиципации и конструирования представлений о будущем. В форсайте может преобладать как познавательная, так и проективная составляющая, но в обоих случаях субъектами этой

деятельности выступают не только ученые и управленцы, но и иные участники общественного процесса.

Эволюция прогностического обеспечения или, точнее, системы практик работы с будущим (о понятии работы с будущим см.: [5]) общества и технологий дает модель для рациональной реконструкции изменения практик, направленных на учет и управление социальными ожиданиями. Такая реконструкция включает как минимум две оптики рассмотрения. Первая — учет, фиксация и представление социальных ожиданий, т. е. исследовательская оптика. От попытки включить социальные ожидания в технологический прогноз эволюция методов ведет к отказу от надежды исчерпывающим образом объективно описать ожидания, превратив их в контролируемый параметр. Так, уже футурология представляет собой форму мягкого воздействия на социальные ожидания — своего рода терапию шока будущего, что наиболее очевидно по одноименной работе Э. Тоффлера [10]. В форсайтах представление ожиданий осуществляется самими акторами, осознающими и объективирующими свои ожидания, в идеале занимающими критическую позицию в отношении них. Эта тенденция не предполагает, что доминирующие на предшествующем этапе практики отбрасываются. Так, прогнозные возможности растут с развитием возможностей статистического и качественного анализа ожиданий благодаря объективному представлению их в сетевом пространстве. Главным является понимание того, что фиксация наличия у коллективного субъекта определенных представлений о будущем, в том числе о перспективах технологического развития и отдельных инноваций, — лишь необходимый базис для обязательной конструктивной практики.

Вторая оптика — управленческая деятельность, направленная на работу с социальными ожиданиями. Так, прогнозы являются не только формой опережающего отражения динамики ожиданий, но и инструментом их изменения. В данном случае работает такая особенность прогностических результатов, как их самосбывающийся/саморазрушающийся характер. Здесь возможны две противоположные стратегии. Одна — просвещенческая, рассматривающая прогнозы в качестве научно фундированной информации, которая, будучи донесена до граждан, позволит заменить необоснованные спонтанно формирующиеся ожидания на ожидания, коррелирующие с объективным положением дел. Другая стратегия — манипулятивная, исходящая из тезиса об отсутствии некоего объективного, однозначно выделяемого положения дел и делающего отсюда вывод об ангажированности любого прогноза, его перспективистском характере. Соответственно обществу доводится не объективная информация, а некая точка зрения, формирующая ожидания, желательные для некоторой социальной группы или отдельных акторов. На практике обе стратегии сосуществуют, в данном исследовании с позиций эпистемологического реализма вторая трактуется как спекулятивная, требующая замещения первой.

Футурология, как уже было упомянуто, избирает средний путь между просвещением от лица научного знания и манипулированием от лица неких экспертов (хотя футурологические сценарии можно интерпретировать и в таком ключе). Футурологи предлагают обществу разговор о будущем, знакомство с ним и привыкание к нему. При этом недостатком зачастую становится фаталистичность нарратива, хотя в рамках так называемых исследований многовариантного будущего (Futures studies) общество пытаются приучить видеть будущее как систему различных вариантов, отличающихся вероятностью своей

реализации. К футурологии примыкает и совокупность практик осмысления и опережающего проживания будущего благодаря искусству, тематическим направлениям в работе СМИ, публичным дискуссиям и пр.

Форсайты обращаются к различным общественным акторам ни как к объектам просвещения, манипуляции или терапии, но как субъектам производства будущего (хотя ряд исследователей видит и в форсайте лишь новую форму манипулирования общественным сознанием [9]). В рамках форсайтов, отличающихся преобладающим социально-проектировочным характером, с социальными ожиданиями работают не ученые, публичные интеллектуалы или управленцы, но сами их носители и трансляторы. Таков, в частности, смысл партисипативных форм проведения форсайта. В отличие от публичных дискуссий форсайтинг предполагает определенную ответственность участников — это не просто размышления о будущем, но подготовка к принятию решений, формирование консенсуса лиц, вовлеченных в прогнозируемый и проектируемый процесс.

Российский опыт. Представленная выше рациональная модель различных стратегий работы с социальными ожиданиями при переходе к национальной практике разных стран должна уточняться и корректироваться. Для анализа российской практики было проанализировано состояние обозначенных трех форм прогностического обеспечения технологического развития в нашей стране с точки зрения их возможности влиять на социальные ожидания от прогресса науки и технологий.

Технологические прогнозы, реализуемые отечественными исследователями, ориентированы прежде всего на профессиональную среду и как таковые фактически не доводятся до рядовых граждан. Вместе с тем, они формируют основу для принятия определенных управленческих решений, поэтому опосредованно серьезно влияют на жизнь общества. Обычно этот процесс сопровождается информационной поддержкой, как это наблюдается, например, в случае курса на цифровизацию и широкое внедрение технологий искусственного интеллекта. Таким образом, технологические прогнозы формируют ожидания через: 1) заявления политических и экономических акторов (представителей власти и бизнеса), ссылающихся на соответствующие исследования (а чаще просто указывающие на имеющиеся тенденции развития) и озвучивающих соответствующие стратегические решения; 2) программы и проекты, реализующие политические и управленческие решения на разных уровнях функционирования общества и экономики, сопровождающиеся в том числе общественными дискуссиями, но обычно довольно локальными; 3) освещение как стратегических решений, так и практики их реализации, а также их научного обоснования в СМИ. По этой схеме складывается своеобразный дискурс некой инновации, например, дискурс цифровизации, формирующий целый комплекс социальных ожиданий.

Футурологическое направление остается в России слабо развитым и скорее присутствует в виде научпопа и то весьма маргинального. Отношение к футурологии как псевдонауке имеет исторические корни в виде ее критики в советской науке. В действительности, как было показано ранее [4], в России как на уровне ученых социогуманитарной направленности, так и на уровне потребителей продукции социогуманитарных наук не достает понимания специфики футурологии. Да и среди так называемых футурологов зачастую не проводится различия между футурологией и прогнозированием. Эта ситуация препятствует развитию футурологии как формы конструктивной работы

с социальными ожиданиями. Футурологический функционал реализуют публичные интеллектуалы, политики и лидеры мнений, рассуждающие о будущем, а также фантастическая литература.

Что касается работы с социальными ожиданиями в рамках форсайт-проектов, то в нашей стране существуют две основные формы форсайтинга. Первая представляет собой вариант технологического прогнозирования, инкорпорирующего элементы управленческой деятельности и научно-технологического планирования [16]. Она получила институционализацию в Международном научно-образовательном Форсайт-центре — структурном подразделении Института статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики». Вторая форма следует принципам социального конструктивизма и оказывается вариантом социально-технологического проектирования. Она институционализирована благодаря работе Ассоциации стратегических инициатив (АСИ) и дочерних проектов. Первая форма может быть отнесена к технологическим прогнозам, опосредованно влияющим на социальные ожидания через обеспечение принятия решений на разных уровнях федеральной и местной власти, а также бизнеса. Вторая форма, несмотря на социально-проективный потенциал, используется для решения локальных задач инновационного развития. Так, опыт форсайт-флотов [12] свидетельствует о привлечении к работе прежде всего профессиональных инноваторов — представителей власти и бизнеса, заинтересованных в долгосрочных стратегиях инновационной деятельности. В случае разработки масштабных социально значимых тем, таких как будущее образования или превентивная медицина, результативность заключалась в организации ряда проектов министерствами и отдельными вузами, а также отдельными учеными и их коллективами. Те стартапы, которые удалось в итоге реализовать, обязаны своим успехом не конструктивной работе с обществом и социальными ожиданиями, а попаданию «в струю». Тот факт, что форсайтинг, развиваемый и практикуемый при поддержке АСИ, в целом игнорирует фактор социальных ожиданий, не удивителен, поскольку анализ обнаруживает, что данный вид форсайтинга представляет собой развитие метода деловых игр. Коллективный социальный субъект в такой перспективе может учитываться лишь как объективизированный фактор или набор таких факторов.

Нужно также отметить, что российские социальные форсайты, в которых социальные ожидания с необходимостью должны быть репрезентированы, демонстрируют свою несостоятельность. Так, печально известный форсайт «Детство 2030» [11] отличается не только игнорированием фактора социальных ожиданий как требующего конструктивной работы. Если по факту он и повлиял на эти ожидания, то лишь закрепив их консервативный характер, фиксируемый в форсайте как тормозящий инновационное развитие общества, то есть добившись эффекта, противоположного заявленному в качестве цели. «Детство 2030» не инициировало общественную дискуссию, но лишь вызвало волну критики и сильнейшее неприятие в разных в общественных группах. Да и на уровне научного анализа была показана содержательная ущербность предложенного конструктивного сценария. Авторы делали выводы на основании учета только технологических и рыночных факторов при полном игнорировании социокультурных и гуманистических [7]. Поэтому в случае реализации разработанной ими дорожной карты трансформации феномена детства общество могло столкнуться с долгосрочными негативными социальными последствиями. Здесь, правда, стоит отметить, что многие

тенденции в форсайте были зафиксированы верно и спрогнозированные эффекты сохранения этих тенденций мы сегодня наблюдаем. Но это предмет отдельного разговора.

Итак, применяемые в России практики обеспечения технологического развития имеют существенные ограничения при работе с социальными ожиданиями. Основным отношением к коллективному субъекту — реципиенту инноваций — выступает восприятие его как пассивного, но рационального и готового соглашаться с принимаемыми решениями и их обоснованием. Например, предполагается, что введение аутоиммунного паспорта в целях реализации программы превентивной медицины, должно быть принято и одобрено, раз оно принимается и одобряется экспертами, а затем органами управления. Однако уже на примере форсайта «Детство 2030», как и еще одного социального форсайта, реализованного уже в рамках форсайт-флотов «Образование 2030» [12], видно, что относительно масштабных социотехнологических инициатив социальные ожидания выступают мощнейшим фактором неопределенности. И здесь не работают традиционные маркетинговые подходы по изучению спроса и продвижению новой продукции. Не работает тот способ контроля, который Ж. Бодрийяр называл «поддержанием эмульсионности, реализацией обратной связи и контролируемыми цепными реакциями» [1, с. 31]. Казалось бы форсайт, который как раз и «оказался востребованным, поскольку он предлагал способы формирования стратегического видения, разделяемого многими субъектами, благодаря чему уменьшалась неопределенность, присущая инновационным процессам» [8, с. 11], должен был дополнить эти подходы, сделав возможными коммуникацию и передачу смысла, утерю которых фиксирует Бодрийяр. Но, во всяком случае в России, этого не происходит.

Задачи университета. Неэффективность социальной практики — вызов для социальной науки, в том числе университетской, ориентированной на подготовку кадров. В настоящее время форсайт как технология обеспечения научно-технологического развития получила институционализацию не только в сообществе профессионалов, разрабатывающих теорию форсайта, реализующих конкретные практики и налаживающих национальную и международную коммуникацию [17], но и в системе высшего образования [15]. Как отмечают исследователи, форсайт может присутствовать в вузе в трех ипостасях. Во-первых, как направление подготовки, во-вторых, как направление исследовательской деятельности (что мы имеем в России в случае Форсайт-центра), в-третьих, как направление работы в рамках деятельности по развитию университета [15]. Однако в действительности требуется несколько иной, более широкий подход к развитию компетенций, который не ограничивался бы только развитием методологических и организационных составляющих форсайта.

Многие специалисты по форсайту отмечают значение для его проведения готовности участников — их способности к мышлению о будущем. Такое мышление (*future thinking*) является более общей компетенцией, для развития которой зарубежное университетское сообщество может обращаться к опыту социального прогнозирования и футурологии, а также форсайту. В российских университетах необходимо введение курсов, знакомящих студентов разных направлений подготовки с зарубежным и российским опытом в области практик работы с будущим, формирующих навыки мышления

о будущем, в частности, критического отношения к разнообразной информации прогностического характера и собственным (индивидуальным) ожиданиям. Параллельно с совершенствованием прогнозирования и форсайтинга, реализуемого как путем академических исследований, так и путем включения их результатов в соответствующие вузовские программы, требуется, таким образом, готовить потенциальных участников партисипативных форсайтов и в целом представителей различных специальностей, готовых включаться в процесс выработки различных управленческих решений. Ранее уже отмечалось, что при генезисе социальных ожиданий от технологического развития огромную роль играет неоднозначность трансформации получаемой информации в знания [6]. Рядовые граждане зачастую оказываются неготовыми к интерпретации получаемой ими информации, на основании чего формируются неадекватные ожидания. Поэтому на университеты, как и в целом на интеллектуальную элиту, ложится задача развития навыков работы с информацией у как можно более широких слоев населения.

Кроме того, университеты могут взять на себя функцию организации публичных пространств коммуникации между теми, кто ответственен за разработку и производство инновационной продукции, и теми, на кого она ориентирована. Безусловно, подобное взаимодействие должно выстраиваться не только в университетской среде, но именно университет способен не только задавать образец, но и обеспечивать его трансляцию, вовлекая в соответствующие процессы студентов и аспирантов. Также принципиальна важна коммуникация между различными факультетами.

Касательно проблем не когнитивного, а биокапитализма, нужно отметить плодотворность сотрудничества медицинских факультетов как с естественнонаучными, так и с социальными и гуманитарными. Медицинские инновации формируют одно из самых масштабных и широких пространств междисциплинарного взаимодействия, а также взаимодействия вузов со сферой инновационной деятельности [13]. Развитию не просто грамотности, но ответственного конструктивного отношения в этой области способствуют, в частности, курсы по биоэтике. Сегодня очевидно, что биоэтические компетенции требуется развивать у как можно более широкой аудитории.

Таким образом, университеты могут взять на себя выполнения ряда задач по развитию коммуникации между сообществом инноваторов и обществом в целом, которое не должно, да и не соглашается играть роль пассивного реципиента инноваций. насыщение конечной продукции результатами научных исследований и разработок должно сопровождаться повышением рефлексивности не только государственного или бизнес-управления инновационными процессами, но и рефлексивности общественного сознания в целом. Альтернативой выступают практики, близкие к манипулятивным, но они всегда таят угрозу радикального снижения социальной легитимности проводимой научно-технической и инновационной политики. В области био- и медицинских технологий альтернативы информированности общества вообще не существует, поскольку кризис легитимности таких технологий оборачивается не только глубокими социальными, но антропологическими и этическими, а в целом — цивилизационными последствиями.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
2. Волков А. В. Наука в эпоху биокапитализма // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 57—68.
3. Корсани А. Капитализм, биотехнология и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос. 2007. № 4 (61). С. 123—143.
4. Пирожкова С. В. Прогнозные и футурологические исследования: к вопросу разграничения компетенций // Философские науки. 2016. № 8. С. 100—113.
5. Пирожкова С. В. Форсайт («Foresight») как форма социального проектирования // Философия науки и техники. 2019. Т. 24, № 2. С. 109—123.
6. Пирожкова С. В. Социальные ожидания: эпистемические основания и роль в обществе знаний // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 1. С. 7—18.
7. Попова О. В. Ребенок как объект социокультурного проектирования: в поисках модели человека будущего // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2012. С. 130—151.
8. Серегина С. Ф., Барышев И. А. Закономерно ли появление Форсайта? // Форсайт. 2008. № 2. С. 4—12.
9. Сидельников Ю. В., Шальшикин М. И., Шевыренков М. Ю. Обзор зарубежных сценарных прогнозов и форсайтов: инструменты информационного управления // Управление большими системами. 2014. № 51. С. 26—59.
10. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
11. Форсайт-проект «Детство 2030». Материалы аналитического доклада // Человек.RU. 2009. № 5. С. 293—324.
12. Форсайт-флот. Создавая реальное будущее вместе. 2012—2016. URL: <https://asi.ru/foresighttrip/> (дата обращения: 12.08.2019).
13. Borlaug S. B., Aanstad S. The Knowledge Triangle in the Healthcare Sector — The Case of Three Medical Faculties in Norway // Foresight and STI Governance. 2018. Vol. 12, no. 1. P. 80—87.
14. Borup M., Brown N., Konrad K., Lente van H. The Sociology of Expectations in Science and Technology // Technology Analysis & Strategic Management. 2006. Vol. 18, no. 3/4. P. 285—298.
15. Ejdys J., Gudanowska A., Halicka K. et al. Foresight in Higher Education Institutions: Evidence from Poland // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, no. 1. P. 77—89.
16. Gokhberg L., Sokolov A. Technology foresight in Russia in historical evolutionary perspective // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 119. P. 256—267.
17. Popper R. Mapping Foresight. Revealing how Europe and other world regions navigate into the future. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2009. 128 p.

УДК 1:316

ББК 60.031

DOI: 10.46726/И.2021.1.16

*С. Р. Когаловский***ЧИТАЯ ИЛЬЕНКОВА
(КАК ШКОЛА ДОЛЖНА УЧИТЬ МЫСЛИТЬ?)**

Суждения автора книги «Школа должна учить мыслить» соотносятся с проблематикой развивающего обучения математике. Показывается принципиальная ограниченность возможностей генетического подхода к обучению. Следование ему тормозит развитие механизмов познания учащихся. Генетическому подходу противопоставляется онтогенетический подход к обучению, характеризующийся принципами и методами выстраивания такого «исторического», которое является процессом формирования, освоения и развития логического, несущим наращивание потенции его развития. Особому рассмотрению подвергается следующий тезис автора книги: «Научная истина, отделенная от пути, на котором она была обретена, превращается в словесную шелуху». Он соотносится с агенетичностью (по А. Ф. Лосеву) творческих продуктов и со следующим положением: генезис культуры, или культурный филогенез, порождает изменение траектории культурного онтогенеза, изменение его логики. И чем дальше он уходит, тем большее порождает расхождение с его логикой логики культурного онтогенеза (в противоположность закону Геккеля).

Ключевые слова: живая истина, мертвая истина, голый результат, генетический метод, онтогенетический метод, принцип единства исторического и логического.

*S. R. Kogalovskii***READING ILYENKOV
(HOW SHOULD A SCHOOL TEACH TO THINK?)**

Judgments of the author of the book “School should teach to think” correlate with problems of developmental teaching of mathematics. The fundamental limitations of the genetic approach to training are shown. Following it hinders the development of the mechanisms of cognition of students. The genetic method is contrasted to the ontogenetic approach to training, the latter being characterized by the principles and methods of constructing such a “historical”, which is the process of forming, mastering and developing the logical, which carries an increase in the potency of its development. The following thesis of the author of the book is analyzed: “Scientific truth, separated from the path on which it was found, turns into a verbal husk”. It is compared with the a-genetics (according to A. F. Losev) of creative products. It is also compared with the following position: the genesis of culture, or cultural phylogeny, generates a change in the trajectory of cultural ontogenesis, a change in its logic. And the further it goes, the more discrepancy it creates with its logic of cultural ontogenesis (in contrast to Haeckel’s law).

Key words: living truth, dead truth, bare result, genetic method, ontogenetic method, unity of the historical and logical.

Книга Э. В. Ильенкова [3], первое издание которой вышло более пятидесяти лет назад, не потеряла своей привлекательности. При всей энергетичности, при всей метафоричности, при всей яркости ее текста кричаще выделяется следующий ее фрагмент: «*“Голый результат без пути к нему ведущего есть труп”, мертвые кости, скелет истины, неспособный к самостоятельному движению, — как прекрасно выразился в своей “Феноменологии духа” великий диалектик Гегель. Готовая, словесно-терминологически зафиксированная научная истина, отделенная от пути, на котором она была обретаена, превращается в словесную шелуху, сохраняя при этом все внешние признаки “истины”. И тогда мертвый хватает живого, не дает ему идти вперед по пути науки, по пути истины. Истина мертвая становится врагом истины живой, развивающейся*» (с. 17). Этот фрагмент не может не привлекать внимания и школьных учителей и преподавателей вузов.

В правде, им выражаемой, убеждают, например, трудности, испытываемые большинством школьников, мучающихся над усвоением геометрии, строящейся на аксиоматической основе. В ней убеждают и трудности, испытываемые большинством студентов вузов, мучающихся над освоением понятия предела функции. Истоком последних является, помимо прочего, то, что определение понятия предела функции предстает как выражение «процессной» ситуации на «статическом» языке. Не меньшие трудности порождаются тем, что предваренная часть формулы языка (узкого) исчисления предикатов, выражающей это определение, характеризуется двумя переменными кванторов¹, и так как понятие предела вводится (обычно) предъявлением его определения, то высокий уровень формальной сложности определения становится и высоким уровнем сложности освоения самого этого понятия². Так же дело обстоит и с другими первичными понятиями математического анализа.

Определения ведущих математических понятий скрывают истории становления их как продуктов (и носителей) многоступенных преобразований, как продуктов освоения и использования новых интеллектуальных механизмов, а тем самым скрывают их «сущности». При прямом приобщении учащихся к такому понятию, то есть приобщении, начинающемся с обращения к его определению, понятие «вырывается из его естественной связи, берётся в застывшем, статическом виде, вне связи с теми реальными процессами мышления, в которых оно ... рождается и живёт» [1, с. 189]. Поэтому «*прямое обучение понятиям ... оказывается фактически невозможным и педагогически бесплодным*» [там же].

---

¹ Такая формула является не просто адекватным выражением определения, про-являющим его логическую структуру, но адекватным выражением «понимающего» его прочтения.

² Вообще говоря, нет связи между уровнем формальной сложности определения понятия и уровнем его содержательной сложности. Но уровень формальной сложности определения — это уровень сложности его прочтения. Так, запись определения понятия 10^6 -элементного множества на языке узкого исчисления предикатов содержит больше 10^6 кванторов. Она состоит из нескольких миллионов знаков. Такое определение невозможно обозреть [4, с. 195]. Запись определения этого понятия на языке расширенного исчисления предикатов вполне обозрима. Ее прочтение приближено к естественной работе понимания содержания этого понятия за счет более радикальной работы механизмов синтеза, сопровождающейся свертыванием работы механизмов анализа, направленной на «внутренние» логические связи.

Не говорит ли о природосообразности приобщения к таким понятиям использование сформировавшегося во второй половине XIX века подхода к обучению, основывающегося на подобном биогенетическому закону Э. Геккеля принципе культурного развития: *культурный онтогенез повторяет культурный филогенез?* Этот подход, называемый *генетическим*, на наш взгляд, более естественно называть *филогенетическим* подходом. Мы будем пользоваться этим последним его названием. Ф. Клейн, А. Пуанкаре и другие ведущие математики и педагоги конца XIX — первой половины XX века провозглашали, что этот подход должен лежать в методологических основаниях педагогики математики, что преподавание математики, и не только математики, должно идти по тому же пути, по которому все человечество, начиная со своего первобытного состояния, дошло до вершин современного знания.

Однако филогенетический подход никогда не воплощался сколь-нибудь полнокровно даже ревностными его приверженцами. В лучшем случае он воплощался в вырожденной форме. Не в последнюю очередь это относится к обучению математике. Причина этого, в частности, в том, что одни идеи, методы, понятия, вошедшие в математический обиход, были рождены на путях длительных восхождений на высокие уровни математической деятельности, другие родились далеко от магистральной линии математических исследований, и т. д.

Является ли это значимым аргументом против филогенетического подхода? Разве не более естественно представление исторического генезиса таких идей, понятий, методов в «принципиальной» форме, «очищенной» от исторических тупиков и заблуждений, в форме прямого следования их внутренней логике, логике исторического процесса восхождения к этим идеям, понятиям, методам?

Да, именно в такой форме он и воплощался. Но развитие математики и методики обучения математики приводило к открытию иных путей к этим идеям, понятиям, методам, не просто лучших в дидактическом отношении, но основывавшихся на иных представлениях, на иной понятийной системе, на иной логике восхождения к ним.

Намного более весомой причиной трудностей использования филогенетического подхода является то, что понятие, появившееся в результате творческого акта (а таковы все фундаментальные математические понятия), его форма и дух не могут быть объяснены его предысторией в силу его *агенетичности* как творческого продукта в смысле А. Ф. Лосева [10]. Его рождение не предопределяется логикой «пренатального» процесса и происходит как смысловой скачок, что приводит к изменению, искажению апостериорного видения этого процесса самим его творцом.

Исторический процесс развития математики (и не только математики) — это не линейный процесс, это процесс *развития* в истинном смысле, то есть процесс, сопровождающийся многократными преобразованиями системы математических знаний, в результате которых становятся начальными, отправными, понятия, имевшие «завершающий» характер. И это естественно: *«То, что является первым в порядке сознания, будет последним в рефлексивном анализе, потому что субъект осознает результаты умственных построений до того, как они постигаются внутренними механизмами. Подумайте, например, о запоздалом введении Кантором операции приведения элементов во взаимно*

однозначное соответствие, которая является одной из главных операций у ребенка и дикаря» [12, с. 12—13].

Не менее существенно то, что культурная среда, в которой воспитывается современный ребенок, нередко приводит к более раннему его приобщению к понятиям, исторически сформировавшимся намного позднее, чем то, которое является изучаемым им предметом. Некоторые из этих позднее сформировавшихся, но ранее усвоенных ребенком понятий существенным образом изменяют способ его мышления и делают логику процесса усвоения изучаемого понятия существенно иной, чем логика исторического процесса его формирования [5, с. 316]. Это делает иными и связи этого понятия в его системе знаний, в его представлениях. А значит, *следование в обучении культурному филогенезу искажает работу природосообразных механизмов познания учащихся и принципиально ограничивает их познавательные возможности.*

Таким образом, принципиальные возможности филогенетического подхода весьма ограничены. Он не может воплощаться в обучении в сколь-нибудь целостной форме.

Шире и сильнее говоря, принцип культурного развития, подобный закону Геккеля, не отвечает целям развивающего обучения. При всем ускорении развития социума, сопровождающемся все большими его осложнениями, все большим нарастанием знаний, генезис культуры, или культурный филогенез, подготавливает возможности для полнокровной социализации новых поколений в новых условиях. Он *порождает изменение траектории культурного онтогенеза, изменение его логики. И чем дальше он уходит, тем большее несет расхождение с его логикой логики культурного онтогенеза* (в противоположность закону Геккеля), а с ним возможности более далеко идущего развития личности [5, с. 316—317].

Не говорит ли это и о том, что чем дальше уходит культурный филогенез, тем в большей степени *логическое, то есть те соотношения, законы, связи и взаимодействия сторон культуры в ее развитом состоянии, расходятся с ее историческим, то есть с процессами ее развития, которые вели к этому ее состоянию?*

***

Отказ от филогенетического подхода не есть отказ от (общего) *принципа развития* как выражающего его ведущую идею. Этот принцип должен воплощаться в обучении в форме становления знания в учащемся. В следовании этому состоит существо *современного генетического подхода.*

В отличие от филогенетического, или традиционного генетического подхода, *современный генетический подход* устраняет препятствия для такого «*перехода в новый, высший план мысли*», который осуществлялся бы учащимися (направляемыми учителем) как активными субъектами учебной деятельности³.

---

³ Заметим, однако, что, как уже было сказано, при использовании в обучении филогенетического подхода исторический генезис рассматриваемых идей, понятий, методов всегда представал в «очищенном», «выпрямленном» виде, то есть использовалась его модель, отвечавшая целям обучения. А это значит, что филогенетический подход представлял большей частью как суженная форма современного генетического подхода и что поэтому называть его филогенетическим подходом все же не вполне оправданно. Но такое его название вполне уместно при противопоставлении этому подходу, той идеологии, на которой он основывается.

Филогенетический подход сегодня вытеснен современным генетическим подходом, отторгающим приобщение учащихся к понятиям, напрашивающимся, необходимым с точки зрения логики изложения «завершенной» теории, но еще не обретшим в их глазах содержательных оснований [5, с. 315]. Современный генетический подход несет возможность выстраивать процесс обучения так, чтобы подлежащие изучению знания представляли не как явленные «извне», так, чтобы осуществлялось восхождение к ним от наличествующих и от формируемых в процессах восхождения представлений учащихся [там же], и учащиеся являлись активными участниками таких восхождений, венчающихся «открытием» этих знаний⁴, более того, так, чтобы они становились «со-открывателями» таких постановок задач, поиск решения которых вел бы их к «открытию» этих знаний. Таким образом, это подход, открывающий возможность такого приобщения учащихся к новым знаниям, которое происходило бы не посредством осуществления «извне» пристроек к наличествующим их знаниям, а посредством прорывов «изнутри» [там же].

Современный генетический подход требует от учителя (а прежде всего от ученых-методистов) *конструирования* моделей такого учебного процесса, который следовал бы *логике процессов развития когнитивных механизмов поисково-исследовательской деятельности*. Он открывает перед учителем широкие возможности для разномасштабной творческой деятельности и делает ее необходимой.

Если при филогенетическом подходе направление развития учебного процесса предзадано историческим процессом развития математики и тем самым развитие учащихся подстраивается под этот исторический процесс, то при современном генетическом подходе учебный процесс выстраивается как *продуктивная модель возможного исторического процесса*, как конструируемый процесс коллективной «научной» деятельности учащихся, *прямым образом* направленной на развитие их поисково-исследовательской деятельности, на освоение ее орудий, на формирование способностей ставить метавопросы, являющиеся движущими силами развития их поисково-исследовательской деятельности.

Современный генетический подход несет возможность снятия многих трудностей, не могущих не возникнуть на пути реализации «логического», или «дедуктивного», подхода к обучению математике, основанного на следовании «внешней» логике, то есть логике *изложения* «завершенной» теории. «Логический» подход не определяет направлений исследования вводимых понятий, и потому строгость их определений становится беспочвенной строгостью. Она не становится продуктом осознания учащимися необходимости этих понятий, она не рождается содержательной стороной дела, деятельностью истоками этих понятий и не пребывает в постоянном и активном взаимодействии с ними и потому остается безыдейной и бесплодной⁵. В лучшем случае при «логическом»

---

⁴ И поэтому современный генетический подход было бы естественно называть, в отличие от подхода филогенетического, онтогенетическим подходом. Но этот термин мы используем в более сильном смысле.

⁵ Для приверженцев «логического» подхода форма изложения «Начал» Евклида является идеальным образцом построения учебного курса математики. Но «Начала» — это итог длительного процесса развития математики, логика организации которого как итога затеняет и даже скрывает этот процесс, его «нелогичность», скрывает выдающиеся образцы творческих прорывов, скрывает истинную значимость, «завершающий» характер понятий, которые при такой форме изложения выступают как начальные [4, с. 195].

подходе оправдание вводимых понятий и направлений их рассмотрения приходит к учащимся «задним числом», а это ущемляет освоение и развитие стратегий их поисково-исследовательской деятельности. В отличие от «логического» подхода современный генетический подход несет в себе возможность быть более полнокровным носителем средств достижения его ведущей цели. Он несет возможность осуществления процессов, ведущих к освоению и развитию у учащихся *форм и способов мышления*, формирование и развитие которых сопровождало и преобразовало исторический процесс развития математики.

Тот принцип развития, на котором основывается современный генетический подход, не просто далек от подобия биогенетическому закону Геккеля. Он открывает возможность согласования обучения с тем, что, как уже сказано выше, генезис культуры, или культурный филогенез, порождает изменение траектории культурного онтогенеза, изменение его логики, что чем дальше уходит первый, тем больше расходится с его логикой логика второго.

Сложность задачи развивающего обучения математике в старшей школе не в последнюю очередь в сложности поиска средств освоения ведущих строгих математических понятий как носителей полифункциональных ролей и в том, что эти понятия являются продуктами многоступенчатых преобразований их истоков, несущих преобразования использующей их математической деятельности. «Ядром» этой задачи является разработка моделей процессов восхождения от протопонятий, или «житейских» понятий, к строгим понятиям как перехода «в новый и высший план мысли», как процессов, несущих и приобщение учащихся к метапредметным знаниям и не *наряду* с приобщением к «предметным» знаниям, не *на базе* этого⁶, а как к необходимому и продуктивному *средству* освоения строгих ведущих математических понятий (которое само становится средством приобщения к метапредметным знаниям и их развития), как к продуктивному средству освоения предметных знаний.

Природосообразное выстраивание процесса формирования, освоения (включающего формирование соответствующих знаний, умений и навыков) и развития строгого ведущего понятия не может не предполагать движение к охвату учащимися подлежащего изучению содержания как целого, относящегося к представляемой им теории, шире говоря, к полю математической деятельности, представляемому этим понятием, освоение этого содержания, формирование и развитие необходимых для этого функциональных органов. Освоение понятия посредством такого процесса должно становиться процессом освоения самого этого поля. Логика развертывания такого процесса должна вести к освоению этого поля как целого, к освоению самой этой логики. Уже в процессе формирования понятия должна формироваться программа развертывания поля математической деятельности, им представляемого.

Из сказанного следует, что процессы формирования, освоения и развития ведущих строгих математических понятий должны выстраиваться как процессы формирования, освоения и развития эффективных стратегических орудий математической деятельности, являющихся и «средствами производства» таких орудий.

Будучи сосредоточенным на культурном онтогенезе, на *становлении знаний в человеке*, современный генетический подход уводит обучение математике от непродуктивного пути, на который толкает филогенетический подход. Но располагает ли он средствами, позволяющими реализовать

---

⁶ Ср. [2].

открываемые им возможности? Несет ли современный генетический подход преодоление трудностей, с которыми на протяжении многих лет сталкивается обучение математике в средней школе?

Сам по себе этот подход не может привести к преодолению названных трудностей. Ведь дело не только, не просто в следовании идее развития, а в тех направлениях, формах, способах следования этой идее, которые несут оживотворение процесса обучения, делают его процессом развития мышления учащихся, сопровождающимся многоступенными преобразованиями, процессом развития способностей к разнообразным формам и способам поисково-исследовательской деятельности, процессом развития метакогнитивного опыта и наращивания потенциала его саморазвития. Для этого требуются более основательное, более многостороннее, более многоуровневое сообразование методов обучения с когнитивной природой математических понятий и более глубокое постижение особенностей работы психологических механизмов, участвующих в сложных формах учебной математической деятельности.

***

Представленный в монографиях [7, 8, 9]⁷ подход к обучению математике, который мы назвали *онтогенетическим подходом*, несет в себе средства эффективного обучения и не просто снимает названные выше трудности, но превращает их в эффективные средства развивающего обучения⁸. Эти средства находятся на путях, весьма далеких от тех исторических путей, на которых осваиваемые знания были обреты. Ведь, как уже сказано, культурный филогенез, порождает изменение траектории культурного онтогенеза, изменение его логики. И чем дальше уходит культурный филогенез, тем больше расходится с его логикой логика культурного онтогенеза.

Несущий каркас и школьного и вузовского курса математики образуют его ведущие понятия. Их освоение способствует развитию теоретического мышления учащихся. Оно способствует освоению живой плоти этого курса. Эти понятия осваиваются учащимися посредством прямого участия в процессах их формирования, освоения и развития, формирующих способности освоения не только предметных, но и метапредметных знаний. Прямое участие в таких процессах несет и приобщение к эффективным стратегиям поисково-исследовательской деятельности.

Освоение ведущих строгих математических понятий в рамках онтогенетического подхода — это освоение их как носителей следующих функций:

- быть орудиями поисково-исследовательской деятельности и «средствами производства» таких орудий,
а значит,
- быть носителями метапредметных знаний и продуктивных взаимодействий предметных и метапредметных знаний,
а значит,
- быть и стратегическими и тактическими орудиями математической деятельности, несущими в себе потенциальную «само»-развития,

---

⁷ См. также статью [6].

⁸ При всем том, что термин «онтогенетический подход» широко используется разными авторами в разных смыслах, мы предпочли использовать его как наиболее адекватно выражающий существо этого подхода.

а значит, и

- быть носителями методов решения широкого круга задач и средств их обоснования;
- быть средствами системной организации знаний;
- быть средствами развития дальновидения и дальнего действия мышления, а значит,
- быть средствами развития ориентировки и метаориентировки;
- быть средствами развития способностей к получению новых знаний.

Этот комплекс функций должен направлять обучение на освоение математической деятельности как сложного, многоаспектного развивающегося *целого*.

Общим методом приобщения учащихся к фундаментальным математическим понятиям в рамках онтогенетического подхода, не только снимающим трудности их освоения при традиционном обучении, но и превращающим их в развивающие средства, является использование *феноменологической редукции*, близкой феноменологической редукции в смысле Э. Гуссерля.

В рамках онтогенетического подхода обучение математике направлено на достижение и освоение строгости, но такое, при котором строгость не противостоит достижениям обыденного, наивного мышления, не отторгает их, а наследует, развивает и преобразует и при этом продолжает подпитываться ими.

Возможности, несомые строгим понятием, не исчерпывают тот орудийный потенциал, который заложен в его истоках. Более того, протопонятия, «наивные» формы мышления должны участвовать в учебной деятельности не только на начальных стадиях восхождений к строгим (ведущим) понятиям. Они должны в ней участвовать, развиваясь, взаимодействуя с «высшими» формами мышления, на всем последующем ее протяжении как неотъемлемые компоненты теоретического мышления, обеспечивающие его полнокровное функционирование и развитие.

Строгая форма используемых понятий несет возможность полнокровной их реализации и развития с помощью их взаимодействий с наивными формами мышления.

В конечном счете *онтогенетический подход к обучению характеризуется общими методами и принципами выстраивания такого «исторического», которое является процессом формирования, освоения и развития логического. Более того, оно является таким процессом, который наращивает потенцию развития логического.*

***

Снова обратимся к цитате из [3] и прежде всего к следующему ее фрагменту: «*Готовая, словесно-терминологически зафиксированная научная истина, отделенная от пути, на котором она была обретена, превращается в словесную шелуху*». Ложность принципа культурного развития, подобного закону Геккеля, говорит о том, что он выражает отнюдь не Истину.

В контексте обсуждения книги Э. В. Ильенкова этот фрагмент естественно соотнести с укорененными научными истинами. В системах научных знаний такие истины представлены не в их историческом генезисе, а в актуализированной форме. И это отнюдь не превращает их в словесную шелуху.

Математическое моделирование физического процесса основывается на внеконтекстном, точнее говоря, на надконтекстном его рассмотрении. Исследование построенной модели также является его надконтекстным рассмотрением и несет постижение скрытых свойств этого процесса.

Нередко отделение научной истины не только от пути, на котором она была обретаема, но и от контекстов, в которых она обычно рассматривается, ее надконтекстное рассмотрение способствует раскрытию стоящих за нею более значимых истин. Так, довольно очевидно следующее утверждение: средняя скорость движения материальной точки на временном отрезке совпадает с его мгновенной скоростью в некоторый внутренний момент этого отрезка. Его надконтекстная форма предстает как теорема Лагранжа о конечных приращениях, несущая широко действующий эффективный метод исследования функций.

Надконтекстность рассматриваний, абстрагирование от природы самих исследуемых объектов, обращенность разве лишь к их «формам» и к «формам» их отношений с теми или иными объектами характерны для математической деятельности. Их роль в «непостижимой» эффективности математики далеко не вторична.

«Голый результат без пути, к нему ведущего, есть труп»? Не естественно ли этот тезис понимать так: *голый результат без пути, ведущего к его освоению, есть труп?* Путь, ведущий к освоению, а не просто к усвоению результата — это путь обучения, обучения развивающего, ведущего к развитию способности мыслить. Он может быть существенно иным, чем исторический путь обретения этого результата. Такие пути, как правило, существенно отличаются от исторических путей. Это идеальные пути, создаваемые для обучения.

Примером, подтверждающим процитированный тезис Гегеля, как будто является доказанная в 1995 году великая теорема Ферма. Без знания более чем трехсотлетней истории поисков ее доказательства она вряд ли вызывала бы сколь-нибудь широкий интерес. Да и появление ее доказательства не очень изменило ситуацию. Это объясняется тем, что нет (продуктивных) путей, идущих от этой теоремы. Не больше ли правды в следующем тезисе: *голый результат без путей, от него ведущих, есть труп?* Иначе говоря, не больше ли правды бывает в осознании продуктивности научного результата, в осознании его ценности, в частности, эвристической ценности, чем в знании того, как именно он был получен? (Ведь исторический путь получения научного результата является лишь одним из многих возможных и к тому же, как правило, не самым эффективным). Во всяком случае, это так применительно к общему образованию. Теорема Геделя о неполноте являет собою яркий тому пример. Даже люди с элементарной общей культурой, не слышавшие о программе Гильберта и не знающие доказательства этой теоремы, способны оценить ее огромную важность.

И разве не является подтверждением последнего тезиса существование реферативных журналов, содержащих почти единственно краткое изложение формулировок новых результатов?

Но, конечно, познавательную ценность может нести и способ получения какого-либо результата, представляющий, например, продуктивный метод решения широкого круга проблем. Во всяком случае, тезис Гегеля, как и приведенный уточняющий его тезис, нуждается в следующей корректировке: *роль и значение научного результата определяются его местом в системе научных знаний, его связями в ней.* Иначе говоря, *голый результат без путей, ведущих к нему или от него, есть труп.* Или: *результат без его связей есть труп.*

Итак, приходится признать, что обсуждаемая цитата из книги Э. В. Ильенкова несет неправду.

Но более существенно то, что эта цитата несет правду, прорывающуюся сквозь неправду. Она выступает, прежде всего, как символ, как «*нечто*

являющее собою то, что не есть оно само, большее его, и однако существенно чрез него объявляющееся»⁹ [13, с. 287].

В книге говорится: «Какой бы конкретной и детальной <дидактика> ни была, — между ее общими положениями и индивидуально-неповторимыми педагогическими ситуациями сохранится зазор... И преодолеть этот зазор (между «всеобщим» и «единичным») сможет только диалектически мыслящий педагог». В еще большей степени сказанное относимо к отношениям между положениями диалектики и дидактики. И книга помогает читателю учиться преодолению таких зазоров не в последнюю очередь тем, что она способствует рождению у читателя принципиальных вопросов, относящихся к самым ядерным, самым энергетично утверждаемым ее положениям.

Описываемый в [3] подход к решению вопроса о том, «как задается ребенку «понятие» числа, этого фундаментального и самого общего основания всех его дальнейших шагов в области математического мышления?», заслуживает особого рассмотрения как и само ее яркое и энергетичное описание. По убеждению автора, «философско-логический анализ первых страниц учебника математики показывает, что он (учебник) внушает ребенку абсолютно ложное (с точки зрения самой математики) представление о числе». В связи с этим возникают следующие вопросы:

* Разве сама история математики не свидетельствует о результатах, сыгравших значимую роль в ее развитии и ставших «абсолютно ложными с точки зрения самой <то есть сегодняшней> математики»?

* Разве безусловно не оправданным с точки зрения целей обучения является эффективная, хоть и «абсолютно ложная (с точки зрения самой математики)» форма приобщения учащихся к новому понятию, «абсолютная ложность» которой снимается развитием учебной деятельности?¹⁰ И разве такие снятия не являются продуктивными средствами развития учащихся, несущими приобщение к процессам развития знаний как сопровождающимся преобразованиями?

Чтение книги приводит к рождению у читающего ее учителя и других вопросов, пусть даже настолько же наивных, но побуждающих основательно думать над ними, учиться учить мыслить, в частности, учиться формировать продуктивные постановки вопросов.

Как известно, историзм составляет сердцевину метода марксистской диалектики, которая учит, что всякое явление может быть правильно познано лишь в его историческом развитии, что нельзя понять результата исторического развития, не уяснив пути развития, приведшего к нему. Но всегда ли последнее истинно? Всякий ли относящийся, например, к математике объект изучения должен рассматриваться как результат, как продукт исторического развития, а не в своей актуальности, в своей «самости»? Всякий ли предмет изучения, являющийся творческим продуктом, должен изучаться как творческий продукт? Только ли будучи изучаемым в этом качестве он может быть освоен в своей актуальной роли? Авиация сыграла огромную роль в деле создания удовлетворительных географических карт. Необходимо ли в силу этого изучение авиационной техники и истории авиации для того, чтобы научиться пользоваться географическими картами?

⁹ Флоренский так раскрывает это определение: «Символ есть такая сущность, энергия которой, ... срастворенная с энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении сущности, несет таким образом в себе эту последнюю» [там же].

¹⁰ И разве не относится это к суждениям автора книги о математике, «абсолютно ложным» не только «с точки зрения самой математики»?

Важность филогенетического подхода в обучении математике виделась в том, что следование ему несло учащимся освоение внутренних механизмов, необходимых для освоения ведущих математических понятий как продуктов исторического развития. В этом подходе естественно видеть прямое использование принципа совпадения логического с историческим. А разве для всякого математического понятия, изучаемого в школе, исторический путь его становления является наилучшим как путь восхождения к нему учащихся?

Как уже было отмечено, понятие, появившееся в результате скачка, творческого акта (а таковы все фундаментальные математические понятия), его форма и дух не могут быть объяснены его предысторией в силу его агенетичности как творческого продукта. Не говорит ли это о принципиальных трудностях в использовании в обучении принципа совпадения логического с историческим? И не проистекают ли эти трудности не в последнюю очередь из того, что в историческое с необходимостью проникают *теоретические представления о рассматриваемом историческом процессе*, отвечающие *апостериорным* представлениям о его существенных и несущественных планах? Короче говоря, не проистекают ли они из того, что в историческое, в его видение, в его анализ, проникает логическое? Разве не всегда историческое есть *модель* действительной истории предмета? И разве сам процесс моделирования не есть сложная рефлексивная деятельность, не есть взаимодействие субъекта и объекта этой деятельности? Разве эта деятельность и сама модель как ее продукт не определяются во многом *установкой* субъекта деятельности, рождаемой господством логического? А коли так, то не является ли историческое моделью действительной истории исследуемого предмета, одной из многих возможных таких моделей?

Как неоднократно отмечалось выше, культурный филогенез порождает изменение траектории культурного онтогенеза, изменение его логики, и чем дальше он уходит, тем большее несет расхождение с его логикой логики культурного онтогенеза. Не говорит ли это и о том, что чем дальше уходит культурный филогенез, тем в большей степени *логическое, то есть* соотношения, законы, связи и взаимодействия сторон культуры в ее развитом состоянии, расходятся с ее *историческим*, то есть с процессами ее развития, которые вели к этому ее состоянию? А если это так, то в какой мере с этим сообразуется, и должна ли сообразовываться, дидактика? Да и только ли дидактика?

В оправдание постановок предыдущих вопросов добавим следующее. Рождаемые как творческие продукты и потому «зараженные» агенетичностью жизнеспособные общие математические понятия «уводят» от их истоков и несут преобразование поисково-исследовательской деятельности. История математики пронизана прорывами к новым формам (и уровням) поисково-исследовательской деятельности, сопровождающимися превращениями ее внутренних форм. Особенно зримо это проявляется в современной математике. Уходя от своих начальных объектов посредством моделирования, посредством многоступенчатых превращений и самих этих объектов, и способов их рассмотрения, развивающаяся математическая деятельность приходит к их «сущностям» как к творческим продуктам, выявляя и развивая их в форме эффективных механизмов метапредметной деятельности, а тем самым в форме эффективных орудий поисково-исследовательской деятельности.

Рождение таких орудий приводит к превращению начального объекта изучения в содержательную почву, движущую силу и средство апробации и развития несомого ею метода. Оно приводит к «очищению» математической

деятельности, состоящему в отрыве этой формы от той почвы, на которой она рождена, и тем самым к достижению ее «самостояния», к выявлению в ней «истинного» предмета изучения.

Теоретический подход к исследуемому полю математической деятельности начинается с формирования *предмета исследования*, являющегося *моделью* этого поля как *объекта исследования*. Предмет исследования как «очищенная», как идеальная, как продуктивная форма представления его объекта, «скрывающая» «фактический» характер объекта, «уводя» от него, «скрывающая» его «собственные отношения и их прямую взаимосвязь косвенными выражениями» [11, с. 270], тем самым несет созидание его «сущности».

Процесс формирования и развития предмета математического исследования выступает как метод рождения превращенной формы и ее исследования, раскрывающего предмет исследования вместе с его системой связей не просто как форму «*проявления существенных отношений*» [там же], но как сами «*существенные отношения*».

Все это относится не только к историческим процессам формирования и развития математических теорий, но и к процессам восхождения к ведущим понятиям школьного курса математики и их развития в рамках онтогенетического подхода [7, 8, 9].

Уже только приведенные здесь вопросы, рождаемые чтением книги, говорят о ней не только как о носителе воодушевляющего призыва, но и как о прекрасном учебном пособии для учителей.

Список литературы

1. *Выготский Л. С.* Мышление и речь // Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Педагогика 1982. С. 5—361.
2. *Громыко Н. В.* Метапредмет «Знание»: учебное пособие для учащихся старших классов. М., Пушкинский институт 2001. 544 с.
3. *Ильенков Э. В.* Школа должна учить мыслить. Воронеж: Изд-во НПО «Модекс», 2002. 112 с.
4. *Когаловский С. Р.* О развивающем обучении математике // Когаловский С. Р., Шмелева Е. А., Герасимова О. В. Путь к понятию (от интуитивных представлений — к строгому понятию). Иваново: Ивановский областной институт повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1998. С. 192—205.
5. *Когаловский С. Р.* О психологических механизмах продуктивного обучения математике // Архетип детства (научно-художественный альманах). Иваново: Ивкин-сервис, 2003. С. 315—357.
6. *Когаловский С. Р.* О ведущих планах обучения математике // Педагогика. 2006. № 1. С. 39—48.
7. *Когаловский С. Р.* Поиски метода и методы поиска (онтогенетический подход к обучению математике). Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2006. 368 с.
8. *Когаловский С. Р.* Развивающее обучение математике как преобразующее обучение. Иваново: Иваново, 2010. 208 с.
9. *Когаловский С. Р.* Онтогенетический подход к обучению школьников математике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. 316 с.
10. *Лосев А. Ф.* Диалектика творческого акта (краткий очерк) // Контекст 1981. М.: Наука, 1982. С. 48—78.
11. *Мамардашвили М.* Превращенные формы // Мераб Мамардашвили. Как я понимаю философию. 2-е издание. М.: Прогресс, 1992. С. 269—283.
12. *Пиаже Ж.* Структуры математические и операторные структуры мышления // Преподавание математики. М.: Учпедгиз, 1960. С. 10—30.
13. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли // Флоренский П. А. Т. 2. М.: Правда, 1990. 440 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВЫСОКОВИЧ Ксения Олеговна — аспирант, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия, ksusha161094@gmail.com

VYSOKOVICH Ksenia Olegovna — Postgraduate Student of the Chair of Literature Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia, ksusha161094@gmail.com

ГАВРИЦКОВ Арсений Николаевич — аспирант кафедры истории зарубежных литератур, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, gavritckov@gmail.com

GAVRITSKOV Arsenii Nikolayevich — Postgraduate student of the Department of Foreign Literature, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, gavritckov@gmail.com

ЕВСЕЕВ Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yevseyev@mail.ru

EVSEEV Vladimir Aleksandrovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Universal History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, yevseyev@mail.ru

ЕРМОЛАЕВА Нина Леонидовна — доктор филологических наук, доцент, независимый исследователь, Россия, г. Иваново, ninaermolaeva1@yandex.ru

ERMOLAEVA Nina Leonidovna — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Independent Scientist, Russia, Ivanovo, ninaermolaeva1@yandex.ru

КОГАЛОВСКИЙ Сергей Рувимович — кандидат физико-математических наук, профессор кафедры математики, физики и методики обучения, Ивановский государственный университет (Шуйский филиал), г. Шуя, Россия, askogal@yandex.ru

KOGALOVSKII Sergey Ruvimovich — Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Professor of the Department of Mathematics, Physics and Teaching Methods, Ivanov State University (Shuya Branch), Shuya, Russia, askogal@yandex.ru

КОРНИКОВ Аркадий Андрианович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, histgerb@mail.ru

KORNIKOV Arcady Andrianovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of the Russian History, Ivanovo State University, Institute of Humanities, Ivanovo, Russia, histgerb@mail.ru

ЛОБАНОВА Елена Игоревна — студентка 4 курса кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, elena.lobanova.99@mail.ru

LOBANOVA Elena Igorevna — Undergraduate student of 4th year of the Department Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, elena.lobanova.99@mail.r

МУРАВЬЕВА Алла Владимировна — аспирант кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, a-mour@bk.ru

MURAVYOVA Alla Vladimirovna — Postgraduate student of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, a-mour@bk.ru

ПАВЛОВСКАЯ Ольга Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, Pavlovskaya32@yandex.ru

PAVLOVSKAYA Olga Alekseevna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, Pavlovskaya32@yandex.ru

ПАЛЕЙ Елена Вадимовна — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия, ev-paley@mail.ru

PALEY Elena Vadimovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy Department, Ivanovo State University of Chemical Technology, Ivanovo, Russia, ev-paley@mail.ru

ПЕТРЯКОВ Леонид Джоржович — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны Министерства обороны Российской Федерации, г. Ярославль, Россия, tkstudia@yandex.ru

PETRYAKOV Leovid Dzhorzhovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Yaroslavl, Russia, tkstudia@yandex.ru

ПИКИН Андрей Валентинович — кандидат исторических наук, старший методист ГАУДПО ИО «Университет непрерывного образования и инноваций», г. Иваново, Россия, andrewvpikin@gmail.com

PIKIN Andrey Valentinovich — Candidate of Sciences (History), Senior methodological expert, University of Incessant Education and Innovations of Ivanovo region, Ivanovo, Russia, andrewvpikin@gmail.com

ПИРОЖКОВА Софья Владиславовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, pirozhkovasophia@mail.ru

PIROZHKOVA Sofya Vladislavovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pirozhkovasophia@mail.ru

СТЕПАНОВ Аркадий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, pastenovas@mail.ru

STEPANOV Arkady Vladimirovich — Candidate of Sciences (History), Assistant Professor of the Department of the Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, pastenovas@mail.ru

СУВОРОВА Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, suvorova-n@mail.ru

SUVOROVA Natalya Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, suvorova-n@mail.ru

ХРИПУНОВ Андрей Сергеевич — кандидат исторических наук, главный специалист отдела экспертизы ценности и учета документов Государственного архива Ивановской области, г. Иваново, Россия, Andrei-hripunov@mail.ru

KHRIPUNOV Andrey Sergeevich — Candidate of Sciences (History), Chief Specialist of the Department for Examination of the Value and Accounting of Documents of the State Archive of the Ivanovo Region, Ivanovo, Russia, Andrei-hripunov@mail.ru

ЮДИН Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru

YUDIN Kirill Alexandrovich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kirill-yudin.hist@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)).

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.).

Периодичность издания – четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

1) текст статьи с аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языке;

2) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученые степень и звание, должность и место работы / учебы или соискательства – на русском и английском языках; домашний и служебный адреса, номера контактных телефонов, адрес электронной почты);

3) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля: верхнее – 2,7 см, левое и правое – 4 см, нижнее – 4,6 см; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 11; межстрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы – не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи – не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

В верхнем левом углу индексы УДК и ББК.

На следующей строке в верхнем правом углу *полужирным курсивом* (Times New Roman 12) – *инициалы и фамилия автора* статьи на русском и английском языках.

Через интервал название статьи – выравнивание по левому краю, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом**, Times New Roman 12 – на русском и английском языках.

Через интервал аннотация на русском и английском языках (150–250 слов) – Times New Roman 10; словосочетание «*ключевые слова*» и «*key words*» – *полужирным курсивом* – Times New Roman 10, сами ключевые слова и/или словосочетания на русском и английском языках (5–6) – Times New Roman 10.

Далее через интервал – основной текст.

После основного текста через 1 интервал следует *Список литературы* (Times New Roman 10, ФИО авторов *курсивом*). Список литературы формируется по алфавитному принципу, нумерация порядковая.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1–2003, 7.0.5–2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс – даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически;
- между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса);

- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Порядок рецензирования рукописей статей

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя/консультанта. Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью (присылаются сканом на электронную почту).

О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций.

Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, цельсообразность публикации статьи.

Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев.

При наличии отрицательной рецензии на рукопись статья отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Не допускаются к публикации в научном журнале статьи:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- содержащие недобросовестные заимствования;
- представленные без соблюдения правил оформления публикаций;
- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакционная этика

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие *этические правила сотрудничества редколлегии и авторов*.

Для авторов:

- авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе;
- автор подтверждает, что его материалы публикуются впервые, не представлены в несколько журналов одновременно, а также не содержат плагиат в какой-либо форме;
- все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, должны быть указаны как соавторы;
- авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или любые другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в «Вестнике ИвГУ».

Для редколлегии:

- журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики;
- редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента:

- рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументированно выражать свое мнение, неприемлема персональная критика автора(ов);
- рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, рецензент не может использовать в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, д. 37/7, к. 406.

Более подробная информация – на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2021. Вып. 1**

Издается в авторской редакции

директор издательства *Л. В. Михеева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 09.03.2021 г. (online)
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 10,5.

Вестник Ивановского государственного университета

Научный журнал

В соответствии с тематикой научных исследований журнал издается в 3 сериях:

- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ - 4 ВЫПУСКА
- ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ - 2 ВЫПУСКА (online)
- ЭКОНОМИКА - 4 ВЫПУСКА (online)

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным, общественным,
естественным и техническим наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит ежеквартально